

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 7 (168). Ноябрь, 2017

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор
Зам. главного редактора
С. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор
Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук,
профессор, член-корреспондент РАН
(Петрозаводск)	И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии архитектуры
и строительных наук (Петрозаводск)
Ю. ИНОУЭ
профессор (Токио, Япония)	П. ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
М. ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
В. М. ЛЕВИН
доктор физико-математических наук,
профессор (Мехико, Мексика)	К. СКВАРСКА
доктор философии (Прага, Чешская Республика)
Т. П. ЛЁННГРЕН
доктор философии (Тромсё, Норвегия)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. И. МАЕВСКИЙ
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН (Москва)	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Р. ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
Н. В. ДРАННИКОВА
доктор филологических наук, профессор (Архангельск)	Е. И. ЛЕЛИС
доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
С. Г. КАЩЕНКО
доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)	Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
Ю. М. КИЛИН
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	И. А. РАЗУМОВА
доктор исторических наук, профессор (Апатиты)
Ю. В. КРИВОШЕЕВ
доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 7 (168). November, 2017

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,

The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuney, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.

The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOL'SHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)	V. ORPHINSKIY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy of Architectural Sciences
(Petrozavodsk)
V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Moscow)	P. PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)
Y. INOUE
Professor (Tokyo, Japan)	I. ROMANOVSKIY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)	E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Moscow)
M. VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)	K. SKWARSKA
Doctor of Philosophy
(Praha, Czech Republic)
V. LEVIN
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (Mexico, Mexico)	A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
T. LÖNNGREN
Doctor of Philosophy (Tromsø, Norway)	R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS
Corresponding Member (St. Petersburg)
V. MAEVSKIY
Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow)	
N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatity)	

Editorial Board

R. GRYŮNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)	A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
N. DRANNIKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Arkhangelsk)	E. LELIS
Doctor of Philological Sciences (St. Petersburg)
P. ZAYKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)	T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
S. KASCHENKO
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)	N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
U. KILIN
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)	I. RAZUMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Apatity)
YU. KRIVOSHEEV
Doctor of Historical Sciences, Professor (St. Petersburg)	M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Змеева О. В., Разумова И. А.

Спецпереселенцы Хибинского горнозаводского округа: динамика идентичностей 7

Никонов С. А.

Статистическое описание мурманского рыбного промысла 1796 года 15

Пащикова Т. В.

К вопросу об использовании деревьев в иррациональных методах лечения у карелов 20

Шорохова И. В.

Декада карельского искусства и литературы в Москве 1959 года 22

Заерко О. А.

К вопросу об основании в Санкт-Петербурге приюта для недоношенных детей 30

Смирнова Е. В.

Научно-просветительские связи России с Арабским Востоком в XIX – начале XX века: история изучения вопроса 36

Российско-финляндский международный семинар историков «Сортавала и сортавалы в XX веке» (Йоэнсуу, Финляндия, февраль 2017 г.)*Веригин С. Г.*

Заселение и экономическое освоение г. Сортавалы и его окрестностей в 1940–1941 годах 42

Итконен Х., Шикалов Ю. Г.

Формирование и развитие гражданского общества в г. Сортавале (1880–1939). 49

Пашков А. М.

Сортавала глазами русских путешественников конца XIX – начала XX века 56

Шикалов Ю. Г.

«Финское наследие» в советской действительности Сортавалы. 62

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Баркович А. А.

Метаязыковая специфика моделирования: деривационный аспект 68

Патронева Н. В.

К вопросу о границах понятия «определенно-личные односоставные конструкции» в поэтической речи 73

Садова Т. С., Солдаева А. А.

Смерть в русских загадках и снагданиях: языковые и культурные коды 78

Шевченко Т. И., Сокорева Т. В.

Оптимизация акцентных моделей английского языка с возрастом 82

Вяткина С. В.

Степень синтаксической расчлененности текста и функция заглавия современного русского рассказа 86

Дундукова А. М.

Зоонимы и фитонимы в идиолектном аспекте. 93

Чифариелло А.

О первой русской грамматике на итальянском языке 96

Литинская Е. П.

Речевой портрет Раскольникова в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в переводе на новогреческий язык 104

Скоропадская А. А.

Библийские мотивы в изображении деревьев в стихах Юрия Живаго (по роману Б. Пастернака «Доктор Живаго»). 111

Юбилей

К 60-летию И. А. Спиридоновой. 114

Научная информация 115**Память**

Памяти А. И. Афанасьевой 117

Contents 118

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 01.12.2015 года по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 30.11.2017. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 80 экз.). Изд. № 211

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ЗМЕЕВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона, Кольский
научный центр РАН (Апатиты, Российская Федерация)
zmeyeva@rambler.ru

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона, Кольский
научный центр РАН (Апатиты, Российская Федерация)
irinarazumova@yandex.ru

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ХИБИНОГОРСКА: ДИНАМИКА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ*

Статья посвящена актуальным в историографии советского периода вопросам категоризации населения на начальных этапах индустриального развития страны. На Кольском полуострове значительную часть строителей промышленных городов составляли спецпереселенцы. Впервые ставится проблема соотношения официального статуса данной группы с самоидентификацией и динамикой идентичностей ее представителей. Материалом служат воспоминания спецпереселенцев города Хибиногорска (1929–1934 годы) и их потомков. Целями исследования, выполненного на основе антропологического подхода, были анализ процесса разрушения старой и формирования новой идентичности, соответствующей заданному статусу, а также выявление ее последующих трансформаций и новых смыслов. Коллективная идентичность, сформированная принудительной миграцией, как и индивидуальная, трансформируется в процессе адаптации и приобретения новых статусов. Впервые установлено, что конфликт старой и новой идентичностей мог быть сбалансирован благодаря соотношению с другими идентичностями, которые формировались в условиях строительства заполярного социалистического города, а также за счет усиления семейной идентичности.

Ключевые слова: спецпереселенцы, социальный статус, идентичность, воспоминания, Хибиногорск

Первые жители первых советских городов

Они называют себя «бывшими»: крестьянами, «лишенцами», кулаками, спецпереселенцами, врагами народа, раскулаченными и репрессированными. Они – это первые жители первых советских городов на Кольском полуострове. Это выходцы из различных регионов и, как правило, сельских местностей. Их «выселили, привезли, сослали» в Хибины в период разворачивания масштабного проекта – спецколонизации, индустриализации и масштабного освоения ресурсов, в первую очередь, недостаточно обжитых регионов страны [1], [3], [4], [5], [6], [7], [9], [10], [16], [19]¹. Формирование данной категории населения представляет собой серьезную социально-историческую проблему. Специалисты стараются разобраться в структуре «спецконтингента» как «системного элемента советского общества», и в том числе спецпереселенцев как его части, распределенной на разряды по различным статусно-правовым основаниям [2], [15]. В свою очередь, эти основания отличались крайней противоречивостью [9: 135–158]. В разные периоды осуществления политики спецпереселений варьировались термины, которые использовались директивными органами, и смыслы, которые в них вкладывались [9: 26–30]. Проблема идентификации тех или иных групп в составе спецконтингента усугубляется многообразием конкретных форм, в которых осуществлялась репрессивная политика на местах, в специфиче-

ских условиях отдельных регионов, населенных пунктов, производств и в сильной зависимости от субъективных факторов [3: 70, 95–96], [6: 17] и др. В результате официальная идентификация вступала в противоречие с реальным социально-правовым положением переселенных лиц, не говоря уже о том, что она в разной степени соответствовала самоидентификации участников процесса. Попробуем посмотреть на проблему именно с этой стороны, обратившись к вопросу о самоопределении самих спецпереселенцев и тех, кто считает себя их потомками.

Остановимся на воспоминаниях спецпереселенцев Хибиногорска². Большая часть материалов опубликована активистами Кировско-Апатитской районной общественной организации «Хибинское добровольное историко-просветительское общество “Мемориал”» [12], [13], [18]³. В воспоминаниях представлены истории семей переселенцев, отправленных на работу в Хибиногорск, начиная с 1929 года. Естественно, большинство мемуаристов – дети спецпереселенцев. Голоса самих спецпереселенцев, очень немногочисленные, хранятся в делах архивных фондов (материалы Историко-краеведческого музея и Государственного архива Мурманской области в Кировске). Многие тексты записаны после получения «свобод», обычно – репатриации, или в случаях восстановления в правах в советское время. Большинство воспоминаний относится к постсоветскому периоду, 1990–2000-м годам.

Они характеризуются соответствующими риторикой, структурой, оценочными суждениями. Есть материалы советского времени. Те и другие имеют как специфику, так и много общих деталей.

По мнению В. Я. Шашкова, в Мурманском округе не было «классических» закрытых спецпоселков (за исключением поселка рыбаков Дальние Зеленцы) – спецпереселенцы проживали на территориях строительства новых городов и рабочих поселков; поселения создавались по трассе дороги от железнодорожной станции до строящегося города [19: 122–123]. В мемуарах бывших жителей Хибиногорска нет упоминаний о специальных поселениях или о закрытых территориях. Упоминается о шалманах, бараках, землянках, «чистом поле», километрах. Километровые отметки были местами, предназначенными для жилья спецпереселенцев, и они, как сформулировал историк, «заложили первый камень в фундамент будущего города» [19: 109].

Разрушение идентичности

История спецпереселенца начинается с травмирующего события. Часть биографии, которая связана с жизнью до переселения, обычно не воспроизводится. Представления о жизни «до» воссоздаются по обрывочным воспоминаниям, которые в определенном смысле являются системой защиты и служат для аргументации «несправедливого выселения». Перечисление имущества «кулацкой» семьи, ценностей и памятных вещей, наличие которых вызывало зависть соседей, и всего, что впоследствии было подвергнуто разорению и перераспределению, – вот картина прошлой, спокойной и стабильной жизни: «Дом, усадьба, сад возле нашего подворья – все было ухожено, окружено деревьями: липами, черемухой, березой, яблонями. Рядом колодец. Постройки срублены из строевых бревен. Жили, как подобает настоящему деревенскому хозяину. Была изба-зимник, пятистенка, кухня, амбар, сарай, гумно. Лошадь, жеребенок, восемь овец, корова, теленок, поросенок, десять кур. В праздники приезжали гости. <...>. И ничего не предвещало грозы среди ясного неба»⁴ [13: 89]⁵.

Разделение на «своих» и «чужих» основано прежде всего на системе представлений о социальной структуре. Называя себя бывшими кулаками, членами раскулаченных семей, детьми торговцев и т. п., мемуаристы осознанно вписывают себя в структуру социальных статусов и отношений. Они знали, что их раскулачили: они получили статус спецпереселенцев. Знали, что существовали другие социальные группы, которые не подвергались принудительному выселению, – бедняки, середняки: «Председателем колхоза был избран самый ленивый в деревне <...>. Он считался бедняк»⁶ [13: 19]. Знали, что родители или прадеды были признаны кулаками – в местах ссылки их называли детьми кулаков. К младшим осознание приходило позже: «Я в те годы не понимал и не знал, что в те 30-е годы

происходило и почему нашу семью выслали на Север <...>. Кто мы такие были по отношению к другим, живущим в нашей деревне?»⁷ [12: 203].

Переселенцы оказались «чужими» в формирующейся системе коллективного хозяйства и новой социальной структуры. Осознание изначальной «невписываемости» раскулаченной семьи в систему трудовых отношений не дает переселенцу разумных аргументов. Он постоянно возвращается к одному вопросу: За что? Самый распространенный ответ, который он находит для себя, – за трудолюбие. Противоречивость, абсурдность и отсутствие логики в действиях тех, от кого зависела судьба переселенцев, вероятно, являются главными основаниями формирования конфликта идентичностей. С одной стороны, родители имели определенный социальный статус, например крестьянина. Хороший крестьянин в сельском сообществе ассоциируется с тяжелой работой. Он «труженик», «работяга», своими руками строит дом, содержит хозяйство. Это хозяин дома, семьи, земли. С другой стороны, этого трудолюбивого человека (и членов его большой семьи) лишают всего, чего он достиг, построил, вырастил за всю жизнь, а у детей отнимают возможность быть наследниками результатов его труда. Произошло разрушение известной культурной модели: «Так кончилась деревенская жизнь российского крестьянства. Было разрушено не только нажитое тяжелым трудом хозяйство Кудрявцевых, но был нанесен ощутимый удар по всему деревенскому укладу жизни. Постепенно деревни начали хиреть: пашни заросли кустарником и лесом, редкие колхозы жили более-менее справно. В нашей деревне осталось пяток домов, нет в ней ни коров, ни кур, ни лошадей»⁸ [12: 138].

Крестьянина не просто понижают в социальном смысле, и он перестает быть крестьянином. Его лишают старого статуса и наделяют новым, который приобретает негативные характеристики, становясь клеймом как для него самого, так и для членов семьи. Новый статус не является приобретенным, он навязан системой.

Травмирующим событием становится выселение, отъем имущества, его уничтожение, передача другим лицам или разорение. Осознание утраты старой жизни, отсутствие представлений о будущем, перспектив возвращения в родные места – все это отражалось и на идентичности детей. Они понимали, что жизнь, которая была, закончилась: «Мое детство кончилось в 9 лет»⁹ [13: 43]. Идентичность ребенка разрушена. Раскулачивание продемонстрировало ему социальное неравенство: детей обвинили в недостойном для новой жизни происхождении (дети торговцев, зажиточных крестьян). Процесс разрушения старой идентичности осуществлялся быстро. При всей фрагментарности детских воспоминаний в них присутствуют моменты, свидетельствующие о кризисе идентичности в типовых обстоятельствах: при отъеме имущества и выселении из дома. С этих событий каждый фрагмент жизни

постоянно переоценивался. «В нашем доме был открыт детсад, в который нас не приняли. Дети бедняков (а по правде сказать, лентяев) спали в нашем доме, играли в нашем дворе, обедали за нашим столом. А мы, “кулацкие выродки”, как нас презрительно стали называть, были вынуждены жить в чулане собственного дома»¹⁰ [13: 111–112]. Непонимание «за что?» впоследствии приведет к переоценке действий властей и собственных поступков. Но при раскулачивании все происходит помимо воли участников: «нас раскулачили», «не дали...», «вывезли», «посадили на телегу», «привезли», «загнали» и т. д.

Разрушение старого быта, насильственное выдворение из родного дома, путь в открытой телеге в зимнее время («много детей замерзло...») лишают не только комфорта и свободы, но перестраивают личность, разрушают индивидуальность. Восприятие и осознание себя мучениками, жертвами репрессий начинается не столько с лишения имущества, сколько с начала пути. Прежде всего это связано с транспортом, на котором доставляли раскулаченных. До станции везли на телеге или санях, причем они, как и лошади, нередко были бывшими «своими»: «...посадили в их же сани, дали только одеться, повезли по другим деревням»¹¹ [12: 189]. По мере продвижения их продолжали лишать имущества, оставляя почти без одежды: «Везли до железной дороги на наших же лошадях <...>. Многое из взятых вещей у людей отобрали уже на станции. Из всего нашего имущества у нас осталось только то, что было на себе»¹² [13: 59]. Образом крайней формы обезличивания, символом завершения прошлой жизни становится «телячий вагон». Иногда его называют «товарным» или «столыпинским», но чаще всего – «телячьим». Поездка в таком вагоне рассматривается как нечеловеческая: «И в этих вагонах для перевозки скота разместили людей, которые долгое время держали первенство во всесоюзном соцсоревновании рыбаков-колхозников всей страны! Так, сидя на своих узлах, поехали заслуженные люди в неизвестность»¹³ [13: 134]. Не только путь в неизвестность, но условия жизни в пути, который мог длиться неделями, обрушились на вчера еще благополучных людей. «Телячий» вагон для спецпереселенцев означает окончательное уничтожение не только прежнего статуса, но и нормального существования. Именно в этом вагоне они обретают черты новой идентичности. Отсутствие интимности, разделение семей, скученность, унижение при отправлении естественных потребностей, обращение как с животными. Является благом, когда добрые конвоиры выпускают людей на остановках. Появляется тюремная лексика – «параша», «нары». Поездка в «телячьем» вагоне в тюремных условиях – ключевой мотив повествования о переселении. Именно в пути начинает формироваться представление о жертвенности, происходит переоценка действий семьи и впервые возникает вопрос: «За что?» Вагон становится местом фор-

мирования коллективной идентичности: «мы – жертвы режима», «мы – мученики».

«Мы – спецпереселенцы»

Поездка в вагоне на определенное время становится для ссыльных дорогой к смерти. Известно, что многие умирали в пути (мороз, болезни, расстрел при побеге и пр.), об этом свидетельствуют многие мемуаристы [12: 91, 201, 209], [13: 23, 30, 46, 48, 67, 106], [18: 97]. Неизвестность, отсутствие перспектив, многочисленные смерти и страдания доводили до отчаяния. Были известны социалистические стройки с особо тяжелыми условиями, где трудились заключенные, а ссыльные гибли тысячами. Соображения о том, что их везут умирать, иногда до прибытия на место окзывались преувеличенными, появлялась надежда. Так, проезжая станцию Званка (Волховстрой), раскулаченные слышали, что кто-то определил направление: поезд движется «на Мурман»: «Это как-то взбодрило людей: Мурман – не самое гиблое место, там можно жить»¹⁴ [12: 134].

На новом месте прибывшие оказывались наделенными новым статусом и новым повседневным обращением. По приезду в Хибинский они узнавали, что теперь являются «переселенцами» (официально – спецпереселенцами): «Так мы стали называться переселенцами, в отличие от приехавших сюда вольных людей. Между этими «сословиями» долго чувствовалась разница»¹⁵ [12: 137]. Новая жизнь дана, они ее не выбирали. С получением нового статуса, лишением прав и возможности покинуть населенный пункт или место строительства происходило окончательное принятие роли жертвы режима (и жертва подчинялась, за исключением беглых, которых ловили, или они умирали), формировалась новая идентичность «переселенца».

Социальному переструктурированию и статусно-ролевым изменениям подверглось все население страны. Формальный статус спецпереселенца определял место его носителя в системе социальных отношений. Он дополнялся синонимичными обозначениями, усложнявшими социальную структуру. Дети спецпереселенцев вспоминают распространенные оскорбительные обращения и высказывания в свой адрес: «дети кулаков», «дети врагов народа», «лишенцы», «изгой». Вместе с тем многие мемуаристы, будучи детьми, не испытывали особого к себе отношения со стороны вольных хибинских. Они отметили, что ни в школе, ни в компании сверстников «различий не делалось», «мы все были вместе» и т. п. Некоторые называют себя просто переселенцами, утверждая, что приставка «спец» не использовалась ни ими самими, ни местными. По существу, все приехавшие на стройку в Хибинский являлись переселенцами, на этой территории не было постоянного, коренного населения за исключением кочующих саамов. Это предоставляло возможность включения себя, спецпереселенца, в новую общность – хибинских переселенцев.

Важным элементом в процессе идентификации является представление о свободе и восприятие себя в этой системе. Жители Хибинского были разделены на вольных и невольных – спецпереселенцев. Ограничение свободы передвижения и невозможность покинуть город, лишение избирательных прав – основные характеристики несвободы. Им сопутствуют условия труда («с нами не церемонились»), оплаты (финансовые вычеты, недоплаты) и жизни (землянки, бараки). В этих обстоятельствах формируется чувство принадлежности к социально стигматизированной общности, включающей не одно поколение. Значительная часть мемуаристов, которые были переселены детьми, утверждают, что по мере взросления они не переставали ощущать негативное к себе отношение, чувствовали себя неуютно во «внешней» социальной среде: «...когда окончили седьмой класс, нам, молодежи, разрешили выехать на учебу, но только не в режимные города. В наших паспортах-листочках была какая-то статья, не помню, какая именно. В комсомол нас не принимали, все нас презирали, и мы постепенно все возвращались на свою вторую родину, в кулацкие села. <...>. В первый год (войны. – О. З., И. Р.) наших мужчин не брали в армию»¹⁶ [13: 43]. «Мы» и «наши» очерчивают границы общности с «вольным» миром. В то же время спецпереселенцы отделяют себя от заключенных («лагерников»), четко понимая свой особый статус.

Представления о старой системе статусных отношений, исполнение роли крестьянина-труженика, хозяина и отца семейства, принудительно оборванное внешними силами, трансформируются в новых обстоятельствах. Идентичность «мы – спецпереселенцы» формируется на основе противоречия между представлением о себе как о мучениках, страдальцах режима и жертвах (репрессий, человеческой зависти, глупости, злости, ненависти, ксенофобии), с одной стороны, и перемены, переоценкой качества жизни до и после выселения, с другой стороны. Мемуаристы утверждают, что новая земля их «приютила», «обогрела», здесь они испытали чувство солидарности с себе подобными – в масштабах многонациональной страны: «Вокруг жили и работали русские и украинцы, латыши, поляки, финны, эстонцы. Спецпереселенцы были и из Псковской, Тюменской, Челябинской областей»¹⁷ [13: 63]. Создается впечатление, что в новых бытовых условиях возвращается старая общинная и семейная идиллия: «Жили мы в палатках, бараках без удобств. Но как жили! Как одна семья! Пусть мы все были не совсем сытые, не совсем обутые и плохо одетые. Вечерами родители выходили на улицу и пели, плясали, шутили и смеялись. Люди жили дружно, выручали друг друга. Родители наши друг с другом были добрыми, по праздникам пекли пироги, куличи, угощали соседей, мы во всем помогали родителям»¹⁸ [13: 121]; «Все знали про всех все, но завидовать было некому»¹⁹

[13: 107]. Многие отмечают отсутствие воровства и пьянства.

В конечном счете спецпереселенцы обрели новый дом, хотя и скучали по утраченной родине: «Для меня Хибинский – вторая родина, и, несмотря ни на что, я храню о нем самые теплые воспоминания»²⁰ [18: 228].

«Мы – горожане», «мы – строители»

Коллективная идентичность, сформированная принудительной миграцией, как и индивидуальная, трансформируется в процессе адаптации и приобретения новых статусов. Мигрант вынужден отказаться от каких-то свойств, способностей, которые ему были необходимы до переселения, и усилить те качества, которые помогли бы освоиться в новых обстоятельствах. Спецпереселенцы сохранили качества, благодаря которым и были зачислены в категорию «кулаков»: трудолюбие, выносливость, работоспособность. Именно эти характеристики стали их капиталом для строительства новой жизни.

Изменение положения спецпереселенцев, оказавшихся на строительстве «гиганта в Хибинах», в большинстве случаев было связано со сменой социального пространства и статуса поселения. Выходцы из сельских местностей, в Хибинском они стали городскими жителями. В воспоминаниях о прибытии в Хибинский много места отводится условиям размещения: «жили в палатках», «землянках», в отдельных случаях «привезли в поле», «бросили выживать». Основные бытовые трудности были связаны с отсутствием постоянного просторного жилья, антисанитарией [11], [14], тяжелыми условиями труда. Спецпереселенцы были маргинальной группой на индустриальной стройке. Оставаясь деревенскими, они постепенно подстраивались под жизнь горожанина. Формирование идентичности «мы – горожане» связано с возможностями строительства нового города («днем работали, вечером строили себе дома»). В итоге они считают себя (и считаются многими) строителями города. Поскольку спецконтингент в Хибинском превышал количество вольных людей [19: 143], многие утверждают, что руками спецпереселенцев созданы основные, крупные объекты: «Строились эти дома большей частью нами, переселенцами <...> провели дороги, построили город, добывали апатит, перерабатывали его на выстроенной нами обогатительной фабрике, боролись со снежными заносами, и все это было сделано больше руками кулаков»²¹ [13: 37]; «Вообще весь Хибинский (Кировский) район освоен и отстроен руками спецпереселенцев»²² [13: 26–27]. Массовое использование ручного труда в 1930-е гг., трудолюбие и выносливость бывших крестьян, по мнению мемуаристов, обеспечили ударное строительство города²³. Отсюда возмущение по поводу неравного вклада вольных и невольных (спецпереселенцев, а не заключенных). Вольные, позднее прибывавшие на строительство, как утверждают

спецпереселенцы, приехали «на все готовое», они не вполне могут претендовать на звание строителей городов. Речь при этом идет только о строительстве периода Хибинского: самого города, гражданских и промышленных объектов вокруг него. Хибинский сменил имя в декабре 1934 года (после смерти С. М. Кирова). Как известно, номинация «спецпереселенец» была актуальна тоже до 1934 года (позже, в 1934–1944 годах, высланных называли трудопоселенцами, а с 1944 года – спецпоселенцами [5: 18]; [9: 14, 17–18]). Переименование города совпало с изменением официального статуса тех, которые начали его строить. Их воспоминания отнюдь не заканчиваются 1934 годом, но в текстах почти нет иных наименований группы, чем «спецпереселенцы» или «поселенцы». Таким образом, статус и идентичность «спецпереселенца» совпадают по времени их закрепления с легитимным статусом горожанина-хибинского. Идентичность «мы – горожане» соотносится с идентичностями «мы – строители города» и «мы – хибинские».

Идентичность «мы – горожане» связана не только с активным вовлечением спецпереселенцев в градостроительство. Особая роль в ее формировании отводилась детям. Соответствующая политика была направлена на «правовой» раскол поколений [9: 144]. Дети, которые имели спецпереселенческий статус в силу происхождения, в новом городе становились учащимися, студентами, специалистами. Социализируясь в Хибинском-Кировске, получая образование и карьерные перспективы, они пересматривали результаты принудительной миграции семьи: «Поколение детей тогдашних крестьян уже отворотили от земли. Я знал ребят, окончивших ГХТ²⁴, которые говорили: “Хорошо, что отцов сослали, а то бы крутить нам хвосты быкам всю жизнь”»²⁵ [18: 225]; «Не забыть до сих пор все произошедшее с нами, но обо всем этом не было сожаления. Такое единогласное мнение было высказано старшими из семьи при встрече, когда они были еще живы. Пережив все невзгоды, семья начала жить новой городской, рабочей жизнью. Подрастающее поколение стало получать высшее образование»²⁶ [12: 139].

Мечтать о возвращении на родину, уже получив городское жилье, продолжали родители. Дети же, адаптированные к городской среде, были ориентированы на получение специальности, социальное продвижение. У многих улучшались бытовые условия уже по истечении нескольких месяцев пребывания в Заполярье, причем изменения были качественными: шалман (палатка, землянка) → щитовой барак → комната в каменном доме → отдельная квартира. Кризис идентичности, с которым сталкивался спецпереселенец, лишаясь имущества и родины в процессе принудительного переселения, постепенно преодолевался, осуществлялись поиск новой идентичности и затем ее выстраивание. Формирование идентичности «строителя города»

для одних служило оправданием системы принудительного расселения, для других было ответом на главный вопрос: «За что?» – За то, что «мы были тружениками». Обладание качествами «честного труженика» и навыками «домостроителя», обретенными на родине, в крестьянской семье, стало основой для их развития и применения в другой области – на строительстве целого города: «Город Хибинский – это монументальный памятник труженикам-крестьянам, разоренным и свезенным в суровый Хибинский край с разных краев России. Главная рабочая сила в этой стройке была именно их, переселенцев. Крепкие мозолистые руки трудолюбивых крестьян умели держать и лопату, и лом, топор, кирку и другой строительный инструмент»²⁷ [12: 139].

Конфликт и баланс идентичностей: «бывшие спецпереселенцы»

Даже высокий статус «строитель города» не избавляет спецпереселенца от конфликта идентичностей прошлого и настоящего. Адаптации мешает прежде всего осознание невозможности добровольно возвратиться на родину, встретиться с родными. Конфликт заключается в том, что личность отказывается признать законность раскулачивания, лишения прав, пребывания под контролем и в то же время не может исправить ситуацию. Об этом свидетельствуют истории о безуспешных попытках восстановиться в правах, безответных письмах «наверх» и т. п. Представители власти не использовали так называемый природный уравниватель. В отношении спецпереселенцев не учитывались сложные климатические условия, в которых они работали. Им не назначались северные надбавки, более того, зарплата урезалась. Их не касались льготы, которые имели в Заполярье вольнонаемные: «...полярные им платили, отпуска больше, путевки в дома отдыха и санатории, а нам отпуск 12 дней без выезда. За регистрацию брака с нас брали 15 рублей, а с вольнонаемных 3 руб. А за что такое наказание?»²⁸ [13: 45]. Экономическая дискриминация человека, потерявшего все и не имеющего права заработать снова, обостряла внутриличностный конфликт.

Что исправляло ситуацию и позволяло преодолеть противоречия? Как признаются сами спецпереселенцы, чувство взаимной поддержки и защищенности давала семья. При высылке отдельных членов семьи часто принималось решение переезжать вместе. В других случаях семья при первой возможности восстанавливалась. Было и так, что вольные члены семьи переезжали к родственникам-спецпереселенцам. В иерархии идентичностей спецпереселенца самой важной является идентификация с семьей. Идентичность «мы – семья» стала спасением. В ситуации, когда человек предан властью, нередко соседями, односельчанами, друзьями, доверие сохраняется только внутри родственной группы. Семья как «первичная группа» остается основным

элементом стабильного мира. Тем более если она патриархальная, какими и были крестьянские семьи. Ощущение принадлежности к ней соотносится с представлением о безопасности или более легком преодолении трудностей. Усиление идентификации с семьей способствует поддержанию семейной памяти. В свою очередь, семейная биография, память позволяют сбалансировать конфликтующие идентичности: позитивные («мы – горожане», «мы – строители») и негативные («высланные», «лишенцы», «невольные»).

«Жизнь брала свое» – одно из типовых утверждений мемуаристов в рассказах о жизни в Хибиногорске. Привыкание к месту, новому положению, социальной среде осуществлялось через семейный и коллективный «спецпоселенческий» быт и вместе со строительством города: «Воду брали из реки Большая Белая. Надо было видеть ее первозданную красоту <...>. У реки же стирали белье, нагревая воду на костре. Готовили еду чуть не вдалеке от палаток (в сопках) на кострах и даже пекли пирожки с поспевавшей черникой <...>. В палатках жило много молодежи, и жизнь брала свое: звучала гармонь и другие музыкальные инструменты, слышались песни и частушки <...>. Помимо палаточного городка достраивалась Хибиногорская улица деревянными рублеными домами, за нею Вудъяврский переулок, где возводились щитовые бараки»²⁹ [12: 136–137].

По мере адаптации к заданным обстоятельствам происходило переформирование жизненных проектов, в первую очередь молодежи. Оно соотносилось с изменением принципов идентификации, которая осуществлялась уже не по факту происхождения, а в зависимости от возможностей социального продвижения. «Строители», «горожане», «ударники труда», «северяне» – идентичности, которые позволяли преодолеть социальную стигму, сбалансировать социальное самочувствие.

Различные, в том числе конфликтующие, идентичности под влиянием динамики внешних социально-политических факторов и в зависимости от реальных жизненных траекторий членов общностей могут объединяться или подавлять друг друга. В итоге формируются различные социальные типы. Одни на всю жизнь сохраняют идентичность спецпереселенца – маргинала. Приняв соответствующую статусу роль жертвы, в изменившихся социально-политических условиях они продолжают привычно ее исполнять, демонстрировать («всю жизнь прожили с клей-

мом»), объяснять свои жизненные неурядицы тем, что «опять нас притесняют». Над другими перестает довлеть навязанный статус. Он преодолевается иными социальными маркерами, которые оправдывают его и возвышают над ним. При этом не встретилось ни одного случая, когда бы статус спецпереселенца воспринимался в качестве формального, не повлиявшего на идентичность личности. Значения идентификатора «спецпереселенец» во многом определяются наличием, сроками и обстоятельствами официальной, подтвержденной документом, реабилитации (далеко не у всех мемуаристов она имеется). Однако о полном соответствии речи быть не может. Судя по текстам, часто от роли жертвы не могут отказаться именно те, кто раньше других был восстановлен в правах и, по объективным показателям, вполне реализовался в дальнейшей жизни.

Переоценка статуса спецпереселенца происходила по мере восстановления в правах (индивидуально) и развития реабилитационного процесса в целом. Когда перестала существовать официальная социальная категория, у всех причастных к ней появилась возможность сказать: «мы – бывшие спецпереселенцы». Общность становилась символической, объединяющей тех, которые были высланы в начале 1930-х, с их потомками. «Дети (внуки) спецпереселенцев» – значительная и особая категория этой общности. Их идентичность поддерживается потребностью сохранить память о собственных предках. Им, имеющим более высокий уровень образования и литературные навыки, принадлежит основная часть мемуаров о жизни спецпереселенцев. Социально-исторический маркер «бывшие спецпереселенцы» соответствует идентичностям «мы – хибиногорцы», «мы – северяне» (что в числе прочего означает и «покорители Севера», и «ссылные»), «мы – честные труженики». Если в «дореабилитационный» период другие идентичности способствовали уравниванию социальных маргиналов с вольными людьми, то после смены идеологической парадигмы, напротив, статус «бывших спецпереселенцев» предоставил известные бонусы. Он определяет принадлежность к общности исторически значимой, жертвенной, героической, высоконравственной и т. д. Идентичности «мы – бывшие спецпереселенцы» и «выходцы из спецпереселенцев» демонстрируют невозможность отказаться от статуса, который, казалось бы, стал сугубо исторической реальностью.

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ по проекту № 16-11-51002 «а(р)» «Осмысление опыта советской урбанизации арктической территории в мемуарно-биографических источниках: социально-антропологический ракурс».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вопросы историографии спецпереселений, социально-экономические, политические, региональные аспекты, статистика, анализ нормативно-правовой базы достаточно глубоко проанализированы в указанных и некоторых других исследованиях.

² С 1934 года – Кировск. С Хибиногорска началась индустриализация центральной части Кольского полуострова на основе промышленной разработки горнорудных месторождений.

- ³ Публикации содержатся в сборниках комплексного состава, которые включают мемуарные тексты, биографические материалы, архивные документы, историко-краеведческие и публицистические статьи. Записи воспоминаний выполнены собственноручно или интервьюерами, некоторые извлечены из архивов, атрибутированы в разной степени. Некоторые тексты выявляют наличие заданной структуры вопросника, предложенного мемуаристам членами «Мемориала» (журналистами, волонтерами), а также использование почтового опроса. Анализ содержания воспоминаний выполнен с учетом всех допустимых обстоятельств; то же касается цитирования.
- ⁴ Из воспоминаний О. И. Ершовой.
- ⁵ На этот типовой момент воспоминаний спецпереселенцев обратила внимание Виола Линн, рассматривая алгоритм выселения кулаков [4: 63].
- ⁶ Из воспоминаний Ф. В. Зубковой.
- ⁷ Из письма брата Александра – приложение к воспоминаниям К. З. Милючской.
- ⁸ Из воспоминаний А. И. Беляковой.
- ⁹ Из воспоминаний В. В. Хилько (Каширской).
- ¹⁰ Из воспоминаний М. П. Ильиной (Макаровой).
- ¹¹ Из воспоминаний А. С. Векшиной. Запись со слов выполнена интервьюером.
- ¹² Из воспоминаний М. С. Перунковой (Гапчич).
- ¹³ Из воспоминаний Акселя Келлинсалми.
- ¹⁴ Из воспоминаний А. И. Беляковой.
- ¹⁵ Из воспоминаний А. И. Беляковой.
- ¹⁶ Из воспоминаний В. В. Хилько (Каширской).
- ¹⁷ Из воспоминаний А. И. Ермоченко (Дорошенко).
- ¹⁸ Из воспоминаний М. Д. Кремено (Николаевой).
- ¹⁹ Из воспоминаний З. Я. Малыгиной (Тимошиной).
- ²⁰ Из воспоминаний Н. П. Чирвинского.
- ²¹ Из воспоминаний Л. Е. Гудовской (Зинченко).
- ²² Из воспоминаний Д. Г. Кремено.
- ²³ Феномен ударициства спецпереселенцев находит несколько объяснений у исследователей. Высокий уровень мотивации к труду связывается с единственной возможностью досрочного восстановления в гражданских правах [9: 15, 237], с «инстинктом сохранения себя и своей семьи» в специфических условиях [17: 18], с особым отношением к труду, принципиально отличавшим выселенных крестьян от остальных [8: 56].
- ²⁴ ГХТ – Хибинский горно-химический техникум, открыт в 1931 году, с 1934 года – Кировский; считается старейшим учебным заведением Мурманской области. В нем обучались многие дети спецпереселенцев. Другую возможность получить образование предоставлял санитарно-медицинский техникум, открытый в 1933 году [19: 162–165] и вскоре преобразованный в фельдшерско-акушерскую школу; о преподавателях этих учебных заведений высоко отзываются многие мемуаристы.
- ²⁵ Из воспоминаний Н. П. Чирвинского.
- ²⁶ Из воспоминаний А. И. Беляковой.
- ²⁷ Из воспоминаний А. И. Беляковой.
- ²⁸ Из воспоминаний И. Ф. Яковенко.
- ²⁹ Из воспоминаний А. И. Беляковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердинских В. Н. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 768 с.
2. Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы – маргиналы в социальной структуре советского общества (на материалах Карелии послевоенного десятилетия) // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 106–113.
3. Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 337 с.
4. Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М.: РОССПЭН, 2010. 335 с.
5. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.
6. Игнатова Н. М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–50-е гг. Сыктывкар: ИЯЛИ УрО РАН, 2009. 192 с.
7. История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / Отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М.: Изд-во РОССПЭН, 2004. 824 с.
8. Ким М. Ю. Социально-бытовые условия спецпереселенцев в Карагандинском угольном бассейне в 1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3 (29). С. 55–62.
9. Красильников С. А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: Изд-во РОССПЭН, 2003. 344 с.
10. Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни или щепки: крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. М.: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина» РОССПЭН, 2010. 326 с.
11. Куроч О. Е. Быт и повседневная жизнь первых строителей г. Хибинского (1930–1932 гг.) // Хибинский. Память сердца. Апатиты: ООО «Апатит-Медиа», 2012. С. 52–59.
12. Память неподвластна времени / Сост. И. Я. Хищенко, А. А. Барсамов; Кировско-Апатитская районная общественная организация «Хибинское добровольное историко-просветительское общество «Мемориал»». Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2015. 227 с.
13. Спецпереселенцы в Хибинах: Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (книга воспоминаний). Апатиты: Хибинское общество «Мемориал», 1997. 222 с.
14. Сулейманова О. А. Материально-бытовые аспекты повседневной жизни жителей Хибинского 1930-х гг. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 3 (44). С. 489–492.
15. Сулов А. Б. Системный элемент советского общества конца 20-х – начала 50-х годов: спецконтингент // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 125–134.
16. Упадышев Н. В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск: Поморский университет, 2007. 324 с.
17. Упадышев Н. В. Спецпоселенцы в Северном крае: концептуальное видение проблемы. Часть 2: Кулацкие семьи в спецпоселках // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 1. С. 14–23.

18. Хибиногорск. Память сердца. Апатиты: ООО «Апатит-Медиа», 2012. 360 с.
 19. Шашков В. Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области. Мурманск: Максимум, 2004. 320 с.

Zmeyeva O. V., Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre, RAS (Apatity, Russian Federation)
Razumova I. A., Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre, RAS (Apatity, Russian Federation)

SPECIAL SETTLERS OF HIBINOGRSK: DYNAMICS OF IDENTITIES

The article is concerned with the relevant to historiography questions of population categorization during initial stages of the Soviet industrialization. Most of the industrial cities' builders on the Kola Peninsula were new settlers. For the first time, the authors of the paper raise a question of correlation for the official status of this group, its representatives' self-identification, and dynamics of their identities. Written memoirs left by special settlers of the city of Hibinogorsk (1929–1934) and by their descendants were used as a source of research materials. The study was conducted on the basis of anthropological approach and aimed to analyze the process of the old identity destruction and formation of the new one, corresponding to the given status. The research was also focused on the identification of identities' subsequent transformations and new acquired meanings. A collective identity, formed by forced migration, as well as an individual identity transform in the process of adaptation and acquisition of new statuses. It was established that the conflict between the old and the new identity could be balanced through correlation with other identities, which were formed during the process of the polar socialist city's construction, as well as through strengthening family's identity.

Key words: special settlers, social status, identities, memories, Hibinogorsk

REFERENCES

1. Berdinskikh V. N. *Spetsposelentsy: Politicheskaya ssylka narodov Sovetskoy Rossii* [The special settlers: the Political exile of the peoples of Soviet Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005. 768 p.
2. Vavulinskaja L. I. The special settlers – outcasts in the social structure of the Soviet society (on materials of the Republic of Karelia of the post-war decades) [Spetspereselentsy – marginaly v sotsial'noy strukture sovetского obshchestva (na materialakh Karelii poslevoennogo desyatiletija)]. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of Karelian research centre of RAS]. 2011. № 6. P. 106–113.
3. Vavulinskaja L. I. *Spetspereselentsy i inostrannye voennoplennyye v Karelii v seredine 1940-kh – seredine 1950-kh gg.* [Special settlers and foreign prisoners of war in Karelia in the mid-1940s to mid – 1950s.]. Petrozavodsk, Izd-vo Karelskogo nauchnogo tsentra RAN, 2013. 337 p.
4. Viola L. *Krest'yanskiy GULAG: mir stalinskikh spetsposeleniy* [Peasant GULAG: the world of Stalin's special settlements]. Moscow, Izd-vo ROSSPEN, 2010. 335 p.
5. Zemskov V. N. *Spetsposelentsy v SSSR. 1930–1960* [The special settlers of the USSR. 1930–1960]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 306 p.
6. Ignatova N. M. *Spetspereselentsy v Respublike Komi v 1930–50-e gg.* [The special settlers of the Komi Republic in 1930–50-es.]. Syktyvkar, Izd-vo Instituta yazyka, literatury i istorii UrO RAN, 2009. 192 p.
7. *Istoriya stalinskogo GULAGA. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: Sobranie dokumentov v 7 tomakh. T. 5. Spetspereselentsy v SSSR* [The History of Stalin's GULAG. The late 1920s – the first half of 1950-s: the collected documents in 7 volumes. Vol. 5. Special settlers in the USSR]. Moscow, Izd-vo ROSSPEN, 2004. 824 p.
8. Kim V. Ju. Social and everyday conditions of special settlers in Karaganda coal basin in the 1930-s [Sotsial'no-bytovye usloviya spetspereselentsev v Karagandinskom ugol'nom bassejne v 1930-e gg.]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk state University. History]. 2014. № 3 (29). P. 55–62.
9. Krasil'nikov S. A. *Serp i Molokh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* [The sickle and Moloch. Peasant exile in Western Siberia in the 1930-s]. Moscow, Izd-vo ROSSPEN, 2003. 344 p.
10. Krasil'nikov S. A., Salamatova M. S., Ushchakova S. N. *Korni ili shchepki: krest'yanskaya semya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri v 1930-kh – nachale 1950-kh gg.* [Roots or pieces: peasant family on special settlements in Western Siberia in the 1930s – early 1950s]. Moscow, Fond "Prezidentskiy tsentr B. N. El'tsina" ROSSPEN Publ., 2010. 326 p.
11. Kuruch O. E. The life and daily life of the first builders of the city of Hibinogorsk (1930–1932) [Byt i povsednevnyaya zhizn' pervykh stroiteley g. Khibinogorska (1930–1932 gg.)]. *Khibinogorsk: pamyat' serdtsa*. Apatity, ООО "Апатит-Медиа" Publ., 2012. P. 52–59.
12. *Pamyat' nepodvlatna vremeni* [Memory is not in the toils of time] / Comp. I. Ja. Chishenko, A. A. Barsamov. Apatity, Izd-vo Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN, 2015. 227 p.
13. *Spetspereselentsy v Khibinakh: Spetspereselentsy i zaklyuchennyye v istorii osvoeniya Khibin (kniga vospominaniy)* [Special settlers of Khibiny: The settlers and prisoners in the history of exploration of Khibiny (book of memories)]. Apatity, Khibinskoe obshchestvo "Memorial" Publ., 1997. 222 p.
14. Sulejmanova O. A. Aspects of the everyday life of Hibinogorsk residents in 1930s [Material'no-bytovye aspekty povsednevnoy zhizni zhitel'ey Khibinogorska 1930-kh gg.]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnyye issledovaniya* [Bulletin of Orel state University. A series of "New Humanities"]. 2015. № 3 (44). P. 489–492.
15. Suslov A. B. A system element of the Soviet society of the late 20's-early 50-ies: special contingent [Sistemnyy element sovetского obshchestva kontsa 20-kh – nachala 50-kh godov: spetskontingent]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2004. № 3 (44). P. 125–134.
16. Upadyshev N. V. *GULAG na Evropeyskom Severe Rossii: genezis, evolyutsiya, raspad* [GULAG in the European North of Russia: Genesis, evolution, and decay]. Arkhangelsk, Izd-vo Pomorskogo Universiteta, 2007. 324 p.
17. Upadyshev N. V. Special settlers in the Northern region: a conceptual vision of the problem. Part 2: Kulak families in special settlements [Spetsposelentsy v Severnom krae: kontseptual'noe videnie problemy. Ch. 2: Kulatskie sem'i v spetsposelkakh]. *Vestnik Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Gumanitarnyye i sotsial'nye nauki"* [Bulletin of Pomor University. Series "Humanitarian and social Sciences"]. 2006. № 1. P. 14–23.
18. *Khibinogorsk. Pamyat' serdtsa* [Hibinogorsk: the memory of the heart]. Apatity, ООО "Апатит-Медиа", 2012. 360 p.
19. Shashkov V. Ya. *Spetspereselentsy v istorii Murmanskoy oblasti* [Special settlers in the history of Murmansk region]. Murmansk, Maksimum Publ., 2004. 320 p.

Поступила в редакцию 18.09.2017

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКОНОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права Социально-гуманитарного института, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Российская Федерация)
snikonov-77@mail.ru

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МУРМАНСКОГО РЫБНОГО ПРОМЫСЛА 1796 ГОДА*

Рассматриваются материалы статистического описания рыбного промысла побережья Баренцева моря, составленные чиновником П. Лабуткиным. Эти документы позволяют осветить такие вопросы истории мурманского рыбного промысла, как количество промысловых артелей, территориальный состав промышленников, количество приходящих на побережье крупных морских судов. Анализ материалов показывает, что в промысле преимущественно участвовали выходцы с Поморского берега Белого моря, объединявшиеся в малые и средние артели (до 20 работников).
Ключевые слова: Мурманский берег, промысел рыбы, артель, промышленник

На протяжении XVI – начала XX века на побережье Баренцева моря (Мурманский берег) развивался промысел трески и палтуса, участие в котором принимали выходцы из городов и волостей Поморья (прибрежные территории Белого моря и его заливов), а также Подвинья. Промысел носил сезонный характер, продолжаясь с весны до конца лета, и велся силами объединений промышленников – промысловых артелей. До начала XVIII века промысел был вольным, и интересы государства в нем были только фискальными. С эпохи петровских преобразований ситуация изменяется: государство стремится включить в промысел, видя в нем один из источников пополнения казны. С этой целью организуются монополии на добычу рыбы, морского зверя и рыбьего сала, отдававшиеся на откуп высокопоставленным сановникам и приближенным к власти купцам [4: 172–175]. Организация монополий не отменяла вольного промысла, но заметно стесняла его деятельность.

Внимание власти к мурманскому промыслу было вызвано и другими причинами: стремлением увеличить рентабельность промысла, введением контроля над поставками на побережье хлеба, являвшегося объектом русско-норвежской меновой торговли [3: 38–39]. Конечно, интерес власти к мурманскому промыслу в XVIII веке был несопоставим с аналогичным процессом второй половины XIX века, когда началась колонизация побережья Баренцева моря [2]. Тем не менее заинтересованность власти в экономическом подъеме мурманского промысла требовала достоверных данных о состоянии его развития. Так, в 1763 году по указу Сената архангелогородский губернатор Е. А. Головцын должен был представить сведения об объемах добычи рыбы за период с 1758 по 1763 год¹. По распоряжению губернатора ведомства, отвечавшие за рыбную торговлю (Архангельская и Кольская промысловые конторы), дали необходимые сведения об

объемах добычи рыбы и ее реализации, а также количестве и территориальном происхождении промышленников². Собранных сведений оказалось недостаточно, и Коммерц-коллегия потребовала более подробные данные о состоянии промысла трески. С этой целью сначала был устроен опрос промышленников в Архангельске³, а затем подготовлена экспедиция на Мурманский берег. В ее состав вошли прапорщик П. Кубенинов и солдаты Коневалов и Биркин. Для них была подготовлена инструкция из 9 вопросов, касавшихся мест промысла, объемов улова рыбы и способов их увеличения⁴. В течение месяца прапорщик и его подчиненные объехали 15 становищ Мурманского берега и собрали необходимые данные. К сожалению, материалов этой экспедиции выявить не удалось.

Еще одно описание мурманского промысла было проведено в 1796 году; в отличие от предыдущего, его материалы сохранились. Предыстория этого описания следующая. В сентябре 1789 года советник Архангельской казенной палаты М. Н. Радищев дал Архангельской таможне предписание брать с отправлявшихся на Мурманский берег судовладельцев сведения о весе хлеба, доставляемого к месту промысла, и именах промышленников, для которых он брался⁵. Необходимость такого контроля заключалась в том, чтобы владельцы судов не отправляли хлеба больше положенной на пропитание промышленников меры. Возможно, тем самым власти хотели поставить под контроль русско-норвежскую меновую торговлю, основным объектом сделок которой был хлеб [5: 193–204].

Предложение М. Н. Радищева получило развитие, о чем говорят сохранившиеся ведомости о количестве хлеба, отпущенного с промышленниками на Мурманский берег. Спустя несколько лет было принято решение усилить контроль за отправкой хлеба на побережье. 16 августа 1795 года исполняющий должность Олонецкого

и Архангельского генерал-губернатора П. П. Ковновницын подал в Архангельскую казенную палату предложение отправить на Мурманский берег цолнера⁶ Онежской таможни Петра Лабуткина⁷. Круг обязанностей цолнера во время объезда был очерчен в наставлении, составленном Архангельской казенной палатой. Так, П. Лабуткин должен был объехать все становища по Мурманскому берегу («от Трех Островов... до самой границы датского владения») и выяснить количество хлебных запасов у промышленников, сверяя его с данными таможни. Кроме этого, цолнер должен был выяснить расстояния между становищами, а также их физико-географическое положение (наличие удобных заливов, близлежащих островов)⁸. Материалы обследования должны были быть переданы в казенную палату.

Распоряжение властей, вышедшее в августе, запоздало и относилось ко времени окончания промысла на Мурманском берегу. Об этом сообщил в своем рапорте П. Лабуткин, получивший отказ от онежских купцов отправиться на Мурманский берег⁹. Несмотря на это, казенная палата настояла на отправке цолнера¹⁰. Получив 150 р. на необходимые нужды, 23 сентября Лабуткин на судне отправился к месту назначения. Поездка оказалась недолгой: из-за непогоды 29 сентября судно вынуждено было пристать к Заяцкому острову (один из островов Соловецкого архипелага), простояло там несколько дней и 2 октября отправилось обратно в Онегу¹¹. Вернуться к исполнению своего задания П. Лабуткин смог весной. В апреле 1796 года цолнеру были выданы 200 р. на расходы, а также копии с ведомостей Архангельской и Онежской портовых таможен об отправке промышленниками хлеба на Мурманский берег¹². 1 июня П. Лабуткин отправился к месту выполнения обязанностей¹³.

Объезд становищ продолжался с июня по август. По окончании объезда цолнером был составлен рапорт, поданный в казенную палату 9 сентября 1796 года¹⁴.

В ходе обследования Мурманского берега П. Лабуткиным были подготовлены несколько документов: 1) Журнальная записка объезда мурманских становищ, в которую были включены сведения о хозяевах артелей, количестве промышленников в артелях и отпущенном на их содержание хлебе; 2) Именной список пришедших через Колу на Мурманский берег промышленников, в который были включены данные о хозяевах артелей и местах ведения ими промысла, а также поименный список промышленников с указанием места их происхождения; 3) Ведомость о приходящих на Мурманский берег от Архангельского порта судах, в которой содержались сведения о названиях и типах судов, их хозяевах и командах, доставляемых судами на побережье хлебных запасов; 4) Ведомость о приходящих

на Мурманский берег судах от Онежского порта с аналогичными сведениями; 5) Ведомость о приходящих на Мурманский берег судах без специальных пропусков от портовых таможен с такими же сведениями, как и в двух предыдущих; 6) Описание становищ Мурманского берега с указанием географических объектов между ними (реки, заливы, острова); 7) Описание имевшихся в становищах хлебных амбаров¹⁵.

В первом и втором документах представленного списка имеются расхождения. Так, документы для ряда хозяев указывают разные становища. Значительно больше расхождений касается численности артелей: журнальная записка и именной список в некоторых случаях приводят разные данные о количестве промышленников в артелях одних и тех же хозяев. Чем это вызвано, сказать сложно. Нельзя исключать, что дело в погрешностях подсчета промышленников или в жизненных обстоятельствах, сопутствовавших промыслу: кто-то из промышленников мог не выйти на промысел или присоединиться к уже сформированной артели.

Составленные П. Лабуткиным ведомости и описания являются наиболее полным источником о мурманском промысле для конца XVIII века. Материалы ведомостей и описаний позволяют выявить число становищ, количество и численность артелей, территориальное происхождение хозяев и рядовых промышленников, участие в промысле крупных судовладельцев. Хотелось бы подчеркнуть, что сведения ведомостей не являются полными. Так, внимание цолнера привлекли только те хозяева (и, соответственно, их артели), которые доставляли хлеб на Мурман из городов и волостей Поморья и Подвинья, а также других районов Европейского Севера России. Напротив, хозяева и промышленники Колы, волостей и лопарских погостов Кольского уезда остались за пределами внимания чиновника, поскольку не являлись поставщиками хлеба на побережье Баренцева моря. Поэтому данные о численности промышленников и их территориальном составе вряд ли можно признать исчерпывающими.

Мурманский берег делился на два промысловых района: Восточный и Западный Мурман. Первый район – от восточного побережья Кольского залива до м. Святой нос – был преимущественно местом промысла выходцев из городов и волостей Поморья и Подвинья. Второй – от современной русско-норвежской границы до западного побережья Кольского залива – служил местом промысла жителей Кольского острога и уезда. В ходе описания на Западном Мурмане таможенным чиновником было выявлено 7 становищ¹⁶. Обращает на себя внимание то, что некоторые становища, хорошо известные источникам XVI – начала XVIII века, служившие пунктами международного торгового на Мурмане,

не упоминаются в ведомости П. Лабуткина. Это относится к таким становищам, как Аникиево, Вайдо-губа, Лавышево, Цып-наволоок. Не исключено, что к концу XVIII века промысел здесь не велся. На восточном побережье чиновником было зафиксировано 26 становищ¹⁷. Все становища, за исключением Золотарки, известны источникам XVI – начала XVIII века.

По данным ведомостей, в промысле участвовало 119 артелей, руководителями которых были 104 хозяина. Происхождение хозяев было связано со следующими уездами (округами) Архангельской и Вологодской губерний: Архангельским – 4 населенных пункта¹⁸; Кемским – 3 селения¹⁹; Кольским – 2 селения²⁰; Онежским – 5 селений²¹; Повенецким – 4 селения²²; Холмогорским – 3 селения²³; Вельским – 1 селение²⁴. Для одного хозяина в источнике не указано происхождение.

Преобладающими по численности были хозяева, происходившие из Кемского (41 % от общего числа), Онежского и Повенецкого уездов (34 % от общего числа). Среди селений региона, давших наибольшее количество хозяев, были Архангельск, Кемь, Шуя, Онега и Сумский острог (68 % от общего числа). Обращает на себя внимание то, что три (Кемь, Шуя, Сумский острог) из пяти селений относились к Поморскому берегу Поморья – району, наиболее активно участвовавшему в мурманском промысле на протяжении всей его истории. Значительное участие промышленников в мурманском промысле отмечено в литературе второй половины XIX века, посвященной состоянию мурманского промысла²⁵.

Численность рядовых участников промысла (включая приказчиков и поверенных) насчитывала 1431 человека. Их происхождение связано со следующими уездами Архангельской и Олонецкой губерний: Архангельским – 16 селений²⁶; Каргопольским – 1 селение²⁷; Кемским – 26 селений²⁸; Кольским – 10 селений²⁹; Мезенским – 1 селение³⁰; Онежским – 32 селения³¹; Петрозаводским – 1 селение³²; Пинежским – 4 селения³³; Повенецким – 14 селений³⁴; Холмогорским – 24 селения³⁵. Для 14 промышленников в источнике не указано происхождение.

Соотношение промышленников по названным уездам было следующим (табл. 1).

Более половины промышленников происходили из пяти северных уездов (Кемский, Кольский, Онежский, Повенецкий и Холмогорский), соотносившихся с такими исторически сложившимися районами Поморья, как Поморский и Онежский берега, Подвинье и Крайний Север европейской России. Из селений этих уездов свыше 100 промышленников давали три – Кемь, Шуя и Летняя Река, относившиеся к Поморскому берегу.

Итак, общая численность промышленников на Мурмане в 1796 году составила 1431 работник. Но это далеко не полные цифры. Кроме этого, с июня по август 1796 года на побережье прибыло из Архангельского и Онежского портов, а также

из разных мест Поморья 117 судов с 631 работником на борту³⁶. Таким образом, численность промышленников составила 2062 человека.

Таблица 1

Территориальный состав промышленников в 1796 году

Уезд	Промышленников	В % от общего числа
Архангельский	52	3
Каргопольский	1	0,1
Кемский	528	37
Кольский	130	9
Мезенский	1	0,1
Онежский	367	26
Петрозаводский	1	0,1
Пинежский	4	0,3
Повенецкий	227	16
Холмогорский	106	7,5
Не указано	14	0,9
Итого	1431	100

Примечание. Подсчитано по: Именные списки промышленников, ведомости о приходящих судах на Мурманский берег 1796 года // ГААО. Ф. 51. Оп. 6. Т. 1. Д. 249. Л. 35–38, 56–69, 72–86.

Полученные цифры близки к полным, но не во всем. Дело в том, что П. Лабуткиным не были учтены промышленники из Колы, а также те, которые не работали в артелях пришедших из Поморья хозяев: задачей чиновника являлся учет объемов хлеба, вывезенного из Поморья на Мурманский берег, и становищ, куда он доставлялся.

Ведомости позволяют говорить о двух типах артельных отношений на мурманском промысле. В зависимости от количества организаторов артели делились на единоличные (один организатор) и групповые (несколько организаторов). Их соотношение было следующим: 107 единоличных и 12 коллективных артелей.

Ведомость П. Лабуткина позволяет раскрыть и численный состав артелей. По более ранним источникам этот вопрос плохо прослеживается. В зависимости от количества промышленников артели можно разделить на следующие группы (табл. 2).

Таблица 2

Количественный состав артелей в 1796 году

Промышленников	Артелей	В % от общего числа
До 10	57	48
От 10 до 20	46	38
От 20 и выше	16	14
Итого	119	100

Примечание. Подсчитано по: Именные списки промышленников, ведомости о приходящих судах на Мурманский берег 1796 года // ГААО. Ф. 51. Оп. 6. Т. 1. Д. 249. Л. 35–38, 56–69, 72–86.

Таким образом, выделяются три группы артелей: малые – до 10 промышленников; средние – от 10 до 20 промышленников; большие – свыше 20 промышленников. Значительная часть (86 %) артелей в 1796 году состояла из малых и средних промысловых объединений.

Ведомости П. Лабуткина, таким образом, содержат ценное историческое свидетельство о развитии мурманского промысла в конце XVIII века. Анализ материалов ведомостей показывает, что

преобладающими группами промышленников были крестьяне из селений Поморского берега Белого моря – района, активно участвовавшего в промысле на Мурманском берегу. Участниками промысла в основном были малые и средние артели. Тем самым, несмотря на воздействие государства, мурманский промысел по-прежнему сохранял вольный характер, ведшийся силами небольших объединений крестьян-промышленников.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и правительства Мурманской области (проект № 17-11-51001 а(р) «Промысловая колонизация и коренные народы Крайнего Севера Европейской России в XVI–XVIII веках: опыт хозяйственного взаимодействия и разрешения конфликтных ситуаций»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рыбные промыслы на Мурмане в конце пятидесятых и первой половине шестидесятых годов XVIII века (по архивному делу Архангельского губернского правления) (Рыбные промыслы на Мурмане) // Статистическое исследование Мурманна. Тресковый промысел. СПб.: Типография Исихора Гольдберга, 1902. С. 4.
- ² Рыбные промыслы на Мурмане... С. 4–9.
- ³ Рыбные промыслы на Мурмане... С. 11.
- ⁴ Рыбные промыслы на Мурмане... С. 13.
- ⁵ Дело по доношению Архангельской портовой таможни 1790 года // Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 51. Оп. 6. Т. 1. Д. 209. Л. 1–2об.
- ⁶ Цолнер – таможенный служащий.
- ⁷ Основные моменты биографии цолнера П. Лабуткина отражены в формулярных списках портовой таможни г. Онеги. Родился П. Лабуткин в 1744 году, происходил из дворовых людей. С 1763 года на военной службе. В 1763–1765 годах – солдат; 1765–1768 годах – капрал; 1768–1772 годах – каптернамус; 1772–1780 годах – вахмистр; 1780–1782 годах – прапорщик Смоленского драгунского полка. После выхода в отставку с 23 июня 1782 по 10 марта 1783 года проходил обучение в Санкт-Петербургской портовой таможне, где с 1783 года состоял на службе. В декабре 1787 года поступил на службу цолнером в Онежскую портовую таможню. Был холост (Формулярный список портовой таможни г. Онеги 1787 года // ГААО. Ф. 51. Оп. 6. Т. 1. Д. 117. Л. 32об.–33).
- ⁸ Именные списки промышленников, ведомости о приходящих судах на Мурманский берег 1796 года // ГААО. Ф. 51. Оп. 6. Т. 1. Д. 249. Л. 1–1об., 5.
- ⁹ ГААО. Ф. 51. Оп. 6. Т. 1. Д. 249. Л. 8–8об.
- ¹⁰ ГААО. Ф. 51. Оп. 6. Т. 1. Д. 249. Л. 9.
- ¹¹ ГААО. Ф. 51. Оп. 6. Т. 1. Д. 249. Л. 15–15об.
- ¹² ГААО. Ф. 51. Оп. 6. Т. 1. Д. 249. Л. 39–39об.
- ¹³ К сожалению, из источников неясно, как добрался цолнер до места назначения – сухопутно или по морю. Записи о расходе денег, которые могли бы раскрыть маршрут чиновника, не сохранились.
- ¹⁴ ГААО. Ф. 51. Оп. 6. Т. 1. Д. 249. Л. 54–55об.
- ¹⁵ ГААО. Ф. 51. Оп. 6. Т. 1. Д. 249. Л. 56–156об.
- ¹⁶ Zubovo, Kyrasna, Motovskaya guba, Peschaya guba, Podvoroное, Sergeevskoe, Tipunovo.
- ¹⁷ Барышиха, Веселкина Губа, Гаврилово, Заоленье Корабельное, Зеленцы, Золотарка, Карпино, Кеккуры, Кильдин, Клетное, Корабельное, Круглое, Летнее, Лодыгино, Ноккуево, Опасово, под Пахтой, Песчаное, Поршниха, Рында, Семь Островов, Териберка, Трящино, Шельпино, Шубино, Щербиниха (ГААО. Ф. 51. Оп. 6. Т. 1. Д. 249. Л. 150–152об.).
- ¹⁸ Архангельск, Верхнекойдокурская вол., Ненокса, Терпилов стан.
- ¹⁹ Кемь, Подужемская вол., Шуерецкая вол.
- ²⁰ Елизетерская треть, Кереть.
- ²¹ Онега, Малошуйская вол., Ни́менская вол., Пияльская вол., Унежемская вол.
- ²² Сумский острог, Ко́лже́мская вол., Соро́цкая вол., Ла́пинская д.
- ²³ Холмо́горы, Куро́стровская вол., Ровдо́горская вол.
- ²⁴ Верхо́важский посад.
- ²⁵ Гу́левич Вл. Мурманский берег в промысловом и санитарном отношении. Архангельск: Губернская типография, 1883; Кни́пович Н. М. О рыбных и морских звериных промыслах Архангельской губернии. СПб.: Типография В. Ки́ршбаума, 1897. С. 4–18; Ульри́х Ф. Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу во врачебном и экономическом отношении. СПб.: Типография В. Ки́ршбаума, 1877. С. 39–41.
- ²⁶ Архангельск, Андре́янов стан, За́двинская д., Верхнекойдокурская вол., Заостровская вол., Кехотская вол., Кня́жестровская вол., Красно́горская вол., Лисе́стровская вол., Мудью́жская вол., Не́нокса, Нижнекойдокурская вол., Соло́зерская слободка, Спа́сский стан, Сту́деминская вол., Терпи́лов стан, Уна.
- ²⁷ В источнике не указано название селения.
- ²⁸ Кемь, Вала́срека д., Ви́четайбо́льская д., Вокнаво́лоцкая вол. (погост, д.), Вонгская д., Елетезерская д., Елетезерская треть, Кестенга д., Кизреская д., Кимозерская д., Коргела́цкая (Корьела́рская) д., Кунгу́ры д., Лаго́варака д., Летне́рецкая вол., Масло́зерская д., Пано́зерская вол. (погост, староше́нье), Писто́зерская д., Подуже́мская вол. (староше́нье), Рого́зерская д., Сопаса́лма (Сапосало́мская) д., Тунгу́дская вол. (д.), Ухто́мская д., Шо́мбозе́ро (Шомбозе́рская) д., Шуе́зерский погост (вол.), Шуе́рецкая вол., Юшко́зерская д.
- ²⁹ Ко́ла, Ба́бинский погост, Варзу́гская вол., Канда́лакшская вол. (с.), Ке́реть с., Кня́жая Губа, Ковда с., Ко́ла губа с., Пао́зерский погост (присутствие), По́рьегуба с.
- ³⁰ Койна́сская вол.

- ³¹ Онега, Андозерская д., Вазенская вол., Владыченская вол., Вонгудская вол., Ворзгорская вол., Калгачинская вол., Караминская вол., Клещепольская вол., Кожская вол., Корельская вол., Корельское с., Кушерецкая вол., Кянская вол., Лямецкая вол., Малошуйская вол., Мондинская вол., Нермужская вол., Нижмозерская вол., Нижнемудьюжская вол., Нименгская вол., Пабережская вол., Пияльская вол., Подпорожская вол., Порожская вол., Посадная вол., Пурнемская вол., Тамицкая вол., Тевзгорская вол., Турчасовская вол., Унежская вол., Чекуевская вол.
- ³² Ерши, д.
- ³³ Ваймугская вол., Леуновская вол., Покшенгская вол., Чакольская вол.
- ³⁴ Повенец, г., Виремская вол., Выгозерский погост, Выгостровская вол., Колежемская вол., Набозерская, д., Надвоицкая вол., Нижемская вол., Ньюхотская вол., Ребольский погост, Сороцкая вол., Сумский острог, Сухоनावолоцкая вол., Шигенская вол.
- ³⁵ Холмогоры, Быстрокурская вол., Ваймугская вол., Зачачьевская вол., Котелникова, д., Курейская вол., Куростровская вол., Марилов остров, Матигорская Борисоглебская вол., Матигорская экономическая вол., Моржегорская вол., Ныкольская и Коскошинская вол., Паниловская вол., Пингишенская вол., Прилуцкая вол., Ракульская вол., Ратонаволоцкая вол., Ровдогорская вол., Сийская вол., Ухтоостровская вол., Ухтоостровская Богоявленская вол., Ухтоостровская Троицкая вол., Чухченемское Ильинское с., Щукозерская вол.
- ³⁶ Количество судов и работников подсчитано по: ГААО. Ф. 51. Оп. 6. Т. 1. Д. 249. Л. 108–149. Прибывшие на Мурманский берег суда были следующих типов: лодьи – 38 судов; кочмары – 23 судна; доншкот – 1 судно. Для 55 судов в источнике не указан тип.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Державин В. Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. (к истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М.: Научный мир, 2006. 144 с.
2. Орехова Е. А. К вопросу о колонизации Мурманского берега в конце XIX – начале XX вв. // II Ушаковские чтения: Материалы научно-практической межрегиональной историко-краеведческой конференции памяти профессора И. Ф. Ушакова / Науч. ред. А. В. Воронин. Мурманск: МГПУ, 2005. С. 174–181.
3. Ушаков И. Ф. Краеведческий материал по истории для школ Мурманской области. Часть II, выпуск 2. (1725–1800 гг.). Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1967. 141 с.
4. Ушаков И. Ф. Кольская земля // Избранные произведения. Т. 1. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1997. 648 с.
5. Шрадер Т. А. С торгом в Норвегу // Следопыт Севера: Историко-краеведческий сборник. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1986. С. 193–205.

Nikonov S. A., Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russian Federation)

STATISTICAL DESCRIPTION OF MURMANSK FISHERIES OF 1796

The article is concerned with materials of statistical description related to the Barents Sea fisheries. The studied materials were compiled by the official P. Labutkin. These documents allow the coverage of such issues as the history of Murmansk fishing industry, the number of fishing cooperatives, the territorial composition of industrialists, and the increasing number of large ships visiting the coast. The analysis of materials in focus shows that the fisheries were attended mainly by the people from Pomor shore of the White Sea. The fishermen united into small and medium size cooperatives (up to 20 employees).

Key words: Murmansk coast, fishing, cooperative, fisherman

REFERENCES

1. Derzhavin V. L. *Severnyy Murman v XVI–XVII vv. (k istorii russko-evropeyskikh svyazey na Kol'skom poluostrove)* [The Northern Murman in XVI–XVII centuries (to the history of the Russian-European relations on the Kola Peninsula)]. Moscow, Nauchnyy mir Publ., 2006. 144 p.
2. Orekhova E. A. To the question of the Murmansk coast colonization in the late XIX – early XX centuries [K voprosu o kolonizatsii Murmanskogo berega v kontse XIX – nachale XX vv.]. *II Ushakovskie chteniya: Materialy nauchno-prakticheskoy mezhregional'noy istoriko-kraevedcheskoy konferentsii pamyati professora I. F. Ushakova*. Edited by A. V. Voronin. Murmansk, MGPU Publ., 2005. P. 174–181.
3. Ushakov I. F. *Kraevedcheskiy material po istorii dlya shkol Murmanskoy oblasti. Chast' II, vyp. 2. (1725–1800)* [The local history material on the history for schools of the Murmansk region. Part II, vol. 2. (1725–1800)]. Murmansk, Murmanskoe kn. izd-vo, 1967. 141 p.
4. Ushakov I. F. Kola land [Kol'skaya zemlya]. *Izbrannye proizvedeniya*. Vol. 1. Murmansk, Murmanskoe kn. izd-vo, 1997. 648 p.
5. Schrader T. A. Bargaining in Norway [S torgom v Norvegu]. *Sledopyt Severa: Istoriko-kraevedcheskiy sbornik*. Arkhangelsk, Severo-Zapadnoe kn. izd-vo, 1986. P. 193–205.

Поступила в редакцию 09.10.2016

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
tvp-1979@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДЕРЕВЬЕВ В ИРРАЦИОНАЛЬНЫХ МЕТОДАХ ЛЕЧЕНИЯ У КАРЕЛОВ

Карелы в конце XIX – начале XX века широко применяли свою традиционную технику врачевания и довольно солидный арсенал различных лекарств растительного, животного и минерального происхождения. В статье мы обратимся к одному из самых древних способов народной медицины – фитотерапии, а именно к использованию частей деревьев в мифологических способах лечения у карелов. Данная тема представляет собой значительный интерес и важность не только с точки зрения народных медицинских знаний, которые всегда применялись в практике современного лечения. Она актуальна и потому, что расширяет знания о лекарственных свойствах растений Карелии, Тверской и Ленинградской областей (территория проживания карелов). Актуальными являются также проблемы адаптации этноса к окружающей природной среде, соотношение мифологического и рационального. Настоящая статья представляет собой лишь первую попытку приблизиться к данным проблемам. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что деревья являлись неотъемлемой частью фитотерапии, включая ее мифологическую составляющую.

Ключевые слова: мифология, карельская народная медицина, культура карелов, этнос, этнография

Среди традиционных способов карельской народной медицины фитотерапия занимала ведущее место. Карелы, как и другие прибалтийско-финские народы, обладали накопленным и проверенным веками опытом по сбору, заготовке и употреблению лечебных трав. Набор лекарственных трав был связан в первую очередь с местной флорой, условиями жизни населения и видами болезней.

В растительном покрове Карелии представлено около 1200 видов цветковых и сосудистых споровых, 402 разновидности мхов, множество лишайников и водорослей. Из них порядка 350 видов имеют лекарственное значение [2: 60]. Исходя из собранного нами материала, можно констатировать, что карелы использовали в лечебных и профилактических целях около 70 видов лекарственных растений. Приоритет в народной медицине всех групп карелов безусловно принадлежал березе. Познание целебных свойств растений давало людям возможность применять их в качестве лекарств при самых различных заболеваниях.

У карелов в древности был широко распространен культ отдельных деревьев. Особенно почитались береза, ольха, сосна, одним из самых священных деревьев считался можжевельник. Беломорские карелы (д. Ювялякша) говорили, что существует два больших греха, одним из которых является рубка осины: «*Se on olluj Jessukserist'i hoavasta...*» – ‘Иисуса крест был из осины...’ [7: 175]. Хотя с осторожностью и почтением надо было относиться к любому дереву, иначе «*Et tiija eläjes, mis puus piru istuu*» – ‘Не знаешь, живя, в каком дереве черт сидит’ [1: 128].

Человек, согласно анимистическому мировоззрению, боялся «обидеть» дерево, считая его живым. Люди верили, что у деревьев есть душа.

Повсеместно у карелов особым почитанием пользовались большие деревья: их ни в коем случае нельзя было рубить. Считалось, что в большом дереве живет дух леса или оно является собственностью духа леса. Большим деревьям приносили угощения, чтобы их задобрить [3].

Карелы верили, что с помощью особого обряда дереву можно отдать свои болезни и взять от него, распутившегося весной, свежесть и физическую силу. Для этого надо было связать верхушки двух деревьев, растущих обязательно на двух разных сторонах тропы, а затем пройти под аркой. Люди-ковские карелы (д. Михайловское) считали, что у каждого члена семьи должно быть свое дерево, растущее около дома (чаще всего береза), у которого человек просил помощи и здоровья. При обращении к нему говорили такие слова: «*Mie olen sinut istuttanut, mie olen sinut hoitanut, minulle anna apu!*» – ‘Я тебя посадил(а), я за тобой ухаживал(а), помоги мне!’. Это дерево нельзя было рубить, кто его срубит – тот заболеет [6: 125].

Карелы Беломорской и Олонецкой Карелии верили, что для излечения ушиба, полученного о дерево, необходимо провести магические ритуалы, сопровождаемые чтением заговоров. В ритуалах должны обязательно использоваться части дерева (кора, ветки, щепки и др.), о которое человек ушибся, или использовалось дерево той же породы. Считалось, что если дерево причинило плохое, то оно это и излечит. Причем «...болезнь могло навлечь, как впрочем, и исцелить, любое дерево и даже любая его часть» [1: 137]. Обратимся к конкретным примерам.

Кестеньгские карелы прикладывали к опухшему и покрасневшему после ушиба месту кусочек того дерева, о которое стукнулись, и произносили

заговор: «*Jumalan luoma, puu puhaš...*» – ‘Божье создание, дерево чистое...’ [5: 135]. Жители д. Вокнаволоку для излечения синяка, образовавшегося в результате ушиба о дерево, выпаривали щепки, затем поливали этой водой на больное место, приговаривая заговор, в котором упоминалось название того дерева, о которое ушиблись [7: 243].

Для исцеления некоторых болезней, появление которых объяснялось карелами воздействием духов природы или сглазом, использовали *tuulenkobru* – букв. ‘ветра горсть’. Упомянутая *tuulenkobru* росла на ели, ольхе, березе и представляла из себя густой веник, состоящий из весьма укороченных, тесно сидящих веточек. В русском языке эквивалентом карельского наименования *tuulenkobru* является термин «ведьино помело». В словаре В. Даля дается следующая трактовка выражения «ведьино помело» – болезненный выгон веток кучкой на дереве или вихревое гнездо. Крестьяне, не умея объяснить причину этому явлению, приписывали «ведьиной метле» магические свойства. Карельское наименование *tuulenkobru* указывает на то, что карелы образование таких «горстей» веток приписывали ветру, который персонифицировался. Важное зна-

чение при лечении некоторых заболеваний у детей придавалось породе дерева, с которого срубали *tuulenkobru*. Для успеха лечения порода дерева должна была соответствовать полу ребенка. Например, для лечения детского сглаза карельские женщины пускали в ход такое средство: перед тем как нести ребенка в баню, шли в лес за березовым ведьиным помелом (если собирались лечить мальчика) или сосновым (если лечили девочку) и вершинками дерева (их количество равнялось девяти). Срывать вершинки надо было с молодых деревьев и так, чтобы дерево от дерева находилось на значительном расстоянии («стоя около одного, чтобы не было видно другого»). В бане пучки ветвей и вершинки клали в решето, затем открывали трубу или отверстие, сделанное посередине потолка для выпуска дым (если не было трубы). Ребенка поднимали к этому отверстию и через решето поливали водой с заговорами [7: 118].

Таким образом, использование деревьев в фитотерапии оказалось тесно связанным с мифологическими представлениями карелов. При этом большое внимание уделялось породе и применяемой части дерева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова Л. И. Культное почитание дерева в карельском фольклоре // «Мудрости бо ти имя подадеса...»: Сб. статей к юбилею профессора С. М. Лойтер. Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2011. С. 127–139.
2. Клементьев Е. И. Карелы: историко-этнографический очерк. Петрозаводск: Периодика, 2008. 256 с.
3. Конкка А. П. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 286 с.
4. Логинов К. К. Колдовство, культы, обереги на территории Карелии // Воттоваара: Портал Людей Знания [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vottovaara.ru/koldovstvo-kulti-oberegi-na-territorii-karelii.html> (дата обращения 12.09.2017).
5. Песенный фольклор кестеньских карел. Петрозаводск: Карелия, 1989. 290 с.
6. Patrakka M. Ida Ivanovan kodin kieli ja uskonto // Karjalan heimo. 2005. № 9–10. S. 124–126.
7. Virtaranta P. Vienen kylä kiertämässä. Porvoo; Helsinki: WSO, 1978. 700 s.

Pashkova T. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ON THE USAGE OF TREES IN IRRATIONAL METHODS OF MEDICAL TREATMENT IN KARELIA

In the XIXth – XXth centuries, the Karelians widely practiced the use of traditional healing techniques and a fairly solid arsenal of various medicines made of herbs, and medicine of animal and mineral origin for medical treatment. In this article we refer to one of the most ancient methods of folk medicine – herbal medicine, namely the use of the tree parts. Such treatment was based on mythological traditions excessively practiced by Karelians. This topic is of considerable interest and importance not only from the standpoint of traditional medical knowledge. It is relevant because of the expanding knowledge on medicinal properties of plants growing in Karelia, Tver, and Leningrad region (a territory inhabited by Karelians). Critical to our study are the problems of the ethnos adaptation to the environment and correlation between mythological and rational traditions. This article is the first attempt to approach these issues. We came to a conclusion that the trees have always been seen by Karelians as an integral part of herbal medicine, including its mythological component.

Key words: mythology, Karelian folk medicine, culture of Karelians, ethnic group, Ethnography

REFERENCES

1. Ivanova L. I. Cultic veneration of the tree in Karelian folklore [Kul'tovoe pochitanie dereva v karel'skom fol'klore]. “Mudrosti bo ti imya podadesya...”: Sbornik statey k yubileyu professora Sof'i Mikhaylovny Loyter. Petrozavodsk, KGPA Publ., 2011. P. 127–139.
2. Klement'ev E. I. Karely: istoriko-etnograficheskiy ocherk [Karels: a historical-ethnographic essay]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2008. 256 p.
3. Konkka A. P. Karsikko: derev'ya-znaki v obryadakh i verovaniyakh pribaltiysko-finskikh narodov [Karsikko: trees-signs in rites and beliefs of the Baltic-Finnish peoples]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2013. 286 p.
4. Loginov K. K. Koldovstvo, kul'ty, oberegi na territorii Karelii [Witchcraft, cults, amulets on the territory of Karelia]. Available at: <http://www.vottovaara.ru/koldovstvo-kulti-oberegi-na-territorii-karelii.html> (accessed 12.09.2017).
5. Pesennyy fol'klor kesten'gskikh karel [Song folklore of Kesteng's Karelians]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1989. 290 p.
6. Patrakka M. Ida Ivanovan kodin kieli ja uskonto // Karjalan heimo. 2005. № 9–10. S. 124–126.
7. Virtaranta P. Vienen kylä kiertämässä. Porvoo; Helsinki: WSO, 1978. 700 s.

Поступила в редакцию 27.03.2017

ИРИНА ВИКТОРОВНА ШОРОХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ivikshor@yandex.ru

ДЕКАДА КАРЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ В МОСКВЕ 1959 ГОДА

Проведение декад культуры и искусства национальных республик СССР следует признать одним из направлений советской культурной политики 1930–1960-х годов. Актуальность темы обусловлена малой изученностью проблемы и слабым осмыслением влияния декад на развитие культуры и искусства республик. На основе архивных данных и периодической печати рассмотрено содержание Декады карельского искусства и литературы в Москве в 1959 году. Проанализирована программа выступлений профессиональных театральных, музыкальных, танцевальных коллективов, самодеятельности, работа писателей, художников и скульпторов республики, содержание выставок и выездных выступлений деятелей искусства Карелии в Москве и Московской области во время Декады. В статье указаны типичные и особенные черты организации и проведения Декады карельского искусства и литературы. Автор приходит к заключению о значительном положительном влиянии подготовки к Декаде на развитие культуры республики.

Ключевые слова: Декада карельского искусства и литературы, Карельское отделение Союза советских писателей, «Сампо», «Кумоха», «Снегурочка», «Трасса», «Кантеле», самодеятельность

В условиях партийно-государственного контроля над духовной сферой жизни общества декадам искусства народов Советского Союза придавалось большое политическое значение, они регулярно проходили в Москве в 1936–1960-х годах. Целью проведения смотров национальных творческих достижений были расширение и укрепление взаимосвязей в области культуры и искусства между регионами. Декады позволяли «подтянуть» их в творческом отношении до примерно одинакового уровня развития. С другой стороны, значительный партийно-государственный контроль над подготовкой и проведением декад, а также одинаковые требования к репертуару и организации мероприятий приводили к унификации культурных и творческих процессов в республиках. Обращает на себя внимание одинаковость во всех декадах последовательность частей программы выступлений, неизменность основных задействованных для показа сцен московских театров и концертных залов, а также присутствие высшего партийно-государственного руководства СССР и национальных республик на открытии и заключительном концерте декад. Все это делало декады одним из важных направлений советской культурной политики. При этом история подготовки и проведения декад, а также осмысление значения этих смотров для развития культуры и искусства республик представляются слабоизученными в современной историографии. За последние годы по этой проблеме можно выделить только исследование Е. В. Буреевой [2].

Декада карельского искусства и литературы проходила в Москве с 21 августа по 1 сентября 1959 года. Более полутора лет в искусстве и культуре Карелии проводилась серьезная работа по

подготовке в этом ответственному мероприятию [1: 8]. Декада должна была стать «ответственным экзаменом на зрелость, отчетом перед родной Коммунистической партией, которой народы Карелии обязаны своими успехами, бурным развитием народного хозяйства республики, расцветом ее культуры – национальной по форме, социалистической по содержанию»¹. По этой причине ни один вопрос, который касался подготовки Декады в Москве, будь то репертуар выступлений, составление программы открытия Декады или ее заключительного концерта, кадровой политики и финансовых вопросов, не решался без участия партийного руководства Карелии. Прежде всего оно требовало от участников постановок, номеров и выступлений, посвященных современности, жизни и успехам советских людей.

В конце 1950-х годов в связи с экономией государственных средств началось сокращение финансирования сферы культуры. Экономия расходов на подготовку и проведение Декады карельского искусства и литературы в Москве определила некоторые особенности мероприятия. Из всех ранее приглашенных специалистов и консультантов из Москвы и Ленинграда в Петрозаводске остались только те, без которых не могли быть показаны декадные спектакли. Если фактические расходы на Декаду татарского искусства и литературы в Москве в 1957 году составили 6984,2 тыс. рублей [2: 99], то аналогичные расходы КАССР – 4503,4 тыс. руб.² Из-за государственной политики по экономии средств Карелия была представлена меньшим количеством участников по сравнению с республиками, которые проводили свои декады ранее³. За счет

Министерства культуры республики на Декаду поехало 700 человек (против 892 человек от Татарской АССР в 1957 году [2: 100]): 200 от Музыкально-драматического театра, 80 от Финского драматического театра, 100 артистов ансамбля «Кантеле», 20 человек от филармонии, 85 музыкантов Симфонического оркестра и 200 артистов Поморского народного и Сегозерского хоров, танцевальной группы Ухтинского дома культуры и вокального квартета Сортавальского дома культуры⁴. Тем не менее открытие Декады карельского искусства и литературы в Москве стало крупным культурным и политическим событием. На нем присутствовали руководители страны и республики: первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, члены Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян и М. И. Суслов, секретарь Карельского обкома КПСС И. И. Сенькин, председатель Совета Министров КАССР И. С. Беляев, министры культуры КАССР, РСФСР и СССР Л. Н. Колмовский, А. И. Попов и Н. А. Михайлов и др. Творчество республики вызвало интерес и у представителей дипломатических посольств скандинавских стран и Индии⁵.

За время Декады Государственный Музыкально-драматический театр показал московскому зрителю 16 спектаклей⁶. Внимание к театру было повышенным, поскольку театр с музыкальной, драматической и балетной труппами начал работать в Карелии в новом, специально построенном для него здании только в 1955 году. Необходимо было доказать, что все потраченные усилия и денежные средства не пропали даром. В прессе московские критики отмечали, что Музыкально-драматический театр «открыл пьесу И. Дворецкого, предложив самое точное ее сценическое решение» в спектакле «Трасса»⁷. Постановка стала «событием в театральной жизни страны», поскольку прежние попытки поставить спектакль в Москве и Ленинграде не увенчались успехом⁸. Исполнителю главной роли А. Хлопотову удалось создать «правдивый и обаятельный образ героя наших дней, человека высокого партийного долга, строителя, все думы и мысли которого отданы смелым поискам, дерзновенным решениям, героическому труду»⁹. «Трасса» отличалась единством исполнительской манеры, упругостью действия и «прочной психологической основой происходящего»¹⁰. Специалисты отмечали успешную работу художников Н. Владимировой и Б. Саркисяна над лаконичными и выразительными декорациями в спектакле¹¹. Спектакль «получился о простоте и мужестве, о любви и дружбе, о том, как строили трассу, и как в труде находили себя люди»¹². «Это чувство современности и есть самое привлекательное в спектакле петрозаводского театра»¹³.

Драма карельского драматурга П. Борискова «В огненном кольце» получила ряд серьезных замечаний во время подготовки к Декаде. Му-

зыкально-драматический театр совместно с автором переработал пьесу, были заменены некоторые артисты¹⁴. Несмотря на все усилия, пресса обошла вниманием спектакль. Крайне негативную оценку ему дала О. Дзюбинская, отметив пестроту стиливого решения постановки и изобилие стандартных сценических приемов (вытаращенные глаза, обозначающие испуг, и пр.). Спектакль «В огненном кольце» критик предложила рассматривать как «досадную случайность у театра, который имеет свой отчетливый, привлекательный почерк»¹⁵.

Гораздо больший успех у зрителя и критиков имели выступления музыкальной труппы театра. Музыка Г. Синисало к первому поставленному в Карелии балету «Сампо» была признана «выдающимся событием в музыкальной жизни страны»¹⁶. Она «вся напоена прелестью народной песни, она словно вобрала в себя чистейший аромат северных лесов, хрустальную прозрачность карельских озер, стремительный бег бурных рек. Вместе с тем на всей партитуре лежит печать плодотворных традиций русской балетной музыки, в первую очередь П. И. Чайковского»¹⁷. Большой художественный интерес вызвала работа заслуженной артистки КАССР С. Степановой в роли волшебницы Лоухи¹⁸. Хорошее впечатление у зрителей оставили Ю. Сидоров (Лемминкяйнен), Л. Васильева, В. Мельников, С. Губина¹⁹. Масштабность балета «Сампо» подчеркивает участие в нем коллектива «Кантеле», балетной студии и артистов народной самодеятельности. Лучшие традиции классического балета в спектакле «умело сочетались с особенностями карельских народных танцев»²⁰. Одобрение вызвали декорации к балету (худ. А. Шелковников) и работа дирижера заслуженного артиста РСФСР И. Шермана²¹. Специалисты высоко оценили заслуги балетмейстера И. Смирнова. Он за короткий срок с молодой труппой создал балет, который нашел признание у избалованного московского зрителя [3: 47]. Каждое представление балета «Сампо» «доставляло зрителю подлинное эстетическое удовольствие и наслаждение»²². Даже огромный зал филиала Большого театра не мог вместить всех желающих²³. За три дня Декады балет посмотрело около 800 москвичей²⁴. Балетмейстер Большого театра СССР народный артист РСФСР Р. В. Захаров отметил, что в Карелии родился такой национальный классический балет, какой имело не каждое европейское государство²⁵. Интерес к балету поддерживался демонстрацией на московских экранах во время Декады цветного широкоэкранного фильма «Сампо» по мотивам карело-финского эпоса «Калевала»²⁶.

Жизнерадостный музыкально-комедийный спектакль «Кумоха» (директор И. Шерман, хормейстер С. Карп, постановка Н. Смолич) также был хорошо принят московской публикой²⁷. Первая комическая опера в Карелии была

поставлена на основе бытовой сказки. Неприятная история Кумохи «рассказана театром весело, просто и свежо»²⁸. «Кумоха» «в живой остроумной форме высмеивает спесивых князей, славит народную сметку, здравый смысл, удасть, бесстрашие»²⁹. К достоинствам спектакля критики относили динамично и весело поставленные танцы, хорошее звучание хора³⁰. Музыка Р. Пергамента, основанная на карельских народных элементах, привлекала мелодической ясностью, разнообразием ритмов и оркестровых красок. Зрители отмечали непосредственность лаконичных лубочных декораций и костюмов, что позволило художнику Л. Ланкинену и режиссеру Н. Смоличу найти общий стиль и рисунок спектакля³¹. Кумоха в исполнении В. Ловковского «сочетал в себе превосходные внешние данные с незаурядной музыкальностью». Зрители и театральные критики отмечали также профессиональную работу в спектакле артистов З. Эстрина (Князь), Я. Стаздас, Д. Утикеева (Звонарь), И. Гридчиной (Марийка)³². Нарекания специалистов в «Кумохе» вызывали «не всегда достаточный профессиональный уровень вокального исполнения», слабый состав оркестра и проявление опереточности в тексте либретто, которое не отличалось «мастерством и достаточным вкусом»³³.

Сказка А. Н. Островского «Снегурочка» из-за сложности исполнения редко ставилась на театральных подмостках Советского Союза³⁴. Директор школы-студии МХАТ В. З. Родомысленский отметил: «Театр, который берется за постановку этого произведения, совершает творческий подвиг. Зная сценические неудачи Снегурочки, я заранее готовился к неудаче театра. Но солнечный, радостный, жизнеутверждающий спектакль состоялся»³⁵. Постановка сказки потребовала привлечения творческих сил отличных профессионалов, ее осуществил московский режиссер Ф. П. Бондаренко. Оформлением спектакля занимался главный художник московского ТЮЗа заслуженный деятель искусств РСФСР В. Л. Талалай. В работе над «Снегурочкой» принимал участие балетмейстер Большого театра СССР Р. В. Захаров³⁶. Критики и зрители отмечали особенно удавшиеся женские образы в сказке, созданные артистками Н. П. Полагачевой (Снегурочка), В. И. Михайлиной (Кулава) и Л. С. Прикот (Весна). «Мужественный, сильный, то страстный, то нежный, то гордый, то глубоко взволнованный образ Мизгира с большим мастерством передает заслуженный артист КАССР В. С. Рябов». Заслуженный артист КАССР З. Н. Эстрин (Бобыль) «своим ярким юмором, живостью, подвижностью, точными комедийными приемами вызывает дружный смех и аплодисменты зрительного зала»³⁷.

Музыкально-драматический театр много работал над опереттой К. Листова «Шуми, наш лес». Но во время Декады она вызвала много-

стороннюю критику. «Низкопробное либретто К. Полякова и музыка К. Листова далеки от самобытного искусства карельского народа. Авторы, не зная жизни Карелии, создали произведение серое и никак не отражающее сегодняшний день карельского народа...». Вскоре после Декады оперетта была снята из репертуара «как низкопробное произведение, не соответствующее запросам зрителя»³⁸.

Государственный Финский драматический театр КАССР показал во время Декады в Москве 12 спектаклей³⁹. Критики и зрители отмечали творческую самобытность и оригинальность репертуара театра, а также его «высокие профессиональное мастерство и сценическую культуру»⁴⁰. Финский драматический театр начал работу в Москве с постановки «Егор Булычов и другие». Благодаря «умной и талантливой игре основных исполнителей» спектакль смотрелся с большим интересом. Театральные критики отмечали удачный выбор на главную роль в спектакле С. Туорины, а также работу артистов Э. Берг, М. Любовиной и Д. Карповой⁴¹.

Постановка комедии классика финской литературы А. Киви «Сельские сапожники» в столице с успехом прошла дважды. «Блестящее комедийное дарование» Т. Ланкинена, тонкая и изящная работа Е. Томберг и Ю. Хумппи «стали примерами яркой комедийной трактовки образов»⁴². Декорации художника А. Тарасова позволили увидеть не только особенности быта северной древни, но и природные красоты Финляндии. Критики отмечали мелодичную и проникновенную музыку молодого композитора Р. Раутио и народные танцы и хороводы, поставленные Х. Мальми⁴³.

Новый спектакль Финского драматического театра по драме М.-А. Нексе «Люди с Дангора» (пост. С. Туорила, худ. Ф. Линдхольм) раньше не ставился на советских сценах. Драма о жизни датской деревни начала XX столетия «привлекла внимание острой социальной проблематикой, мощным реализмом, глубоко выписанными характерами»⁴⁴. Зрители получили настоящее удовольствие от мастерства актеров Е. Томберг (Фру Бон), А. Ромппайнен (Бон), Г. Роутту (Пер)⁴⁵.

Государственный ансамбль «Кантеле» во время Декады дал концерт из двух отделений в Колонном зале Дома Союзов, выступал в клубах и домах культуры столицы и Московской области, принимал участие в заключительном концерте. Артисты ансамбля были задействованы в постановках Музыкально-драматического театра «Сампо», «Кумоха» и «Снегурочка»⁴⁶. В период подготовки к Декаде ансамбль «Кантеле» вызывал серьезную обеспокоенность у руководящих органов республики. Работа, проделанная по подготовке к Декаде, и новая кадровая политика позволили коллективу удачно выступить в Москве и получить хорошие отзывы критиков

и специалистов⁴⁷. В программе концерта ансамбля «Кантеле» основной акцент был сделан на национальном искусстве. В Москве услышали песни карельских сплавщиков, вепсских каменотесов, финских рыбаков⁴⁸. Достойное место в программе нашли русские народные песни, произведения классического репертуара и композиторов республики. Современную Карелию в репертуаре ансамбля представляли песни «Поет карельский лесоруб о Родине своей», «Наш северный край», «Лесная молодежная»⁴⁹.

Министерство культуры Карелии проделало большую работу по подготовке к Декаде самодеятельных ансамблей республики. Для них была организована профессиональная творческая помощь⁵⁰. Лучшие из хоровых и танцевальных самодеятельных коллективов предприятий республики по итогам смотра в Петрозаводске поехали в Москву, где дали концерт художественной самодеятельности в Колонном зале Дома Союзов и на ВДНХ⁵¹. «Большой и закономерный успех» имели все выступления самодеятельных артистов Карелии⁵². Народный хор рабочих и служащих Паданского леспромхоза (рук. Г. Савицкий) «чудесно исполнил» на карельском и русском языках песню «Рускей нейчут» («Красная девица»)⁵³. «Многие профессиональные коллективы могли бы позавидовать их ансамблевой культуре, свободе владения динамическими нюансами, живой непосредственности фразировки»⁵⁴. Танец «Чайка» в исполнении танцевального коллектива рабочих и служащих Сегежского ЦБК и деревообрабатывающего комбината (пост. В. Кононов) произвел на зрителей и специалистов впечатление «глубиной настроения, поэтичностью, лиричностью и теплотой»⁵⁵. Обратило на себя внимание «свежее непосредственное искусство» Поморского народного хора Беломорского района (рук. К. Стасюк), исполнившего народную песню «Прираздвиньтесь, прираздайтесь», песню Ю. Зарицкого «Северный край» и поморские частушки⁵⁶. На заключительном концерте Декады хоровая капелла рабочих и служащих Петрозаводска (рук. С. Трубочев) «четко и ясно, профессионально грамотно» исполнила оригинальную народную песню «Тра-ла-ла» и песню С. Рахманинова «Чоботы»⁵⁷.

Во время Декады карельского искусства и литературы в Москве на сольном концерте «одной из лучших камерных певиц страны» народной артистки РСФСР С. А. Рикки в Октябрьском зале Дома Союзов были представлены песни из полюбившегося и нового репертуара певицы⁵⁸. В концерте прозвучали китайские, английские, немецкие, чешские, французские, испанские, финские шуточные песни и старинная обрядовая «Карельская свадебная»⁵⁹. Современность в выступлении С. Рикки была представлена «негритянской песней протеста», кубинской освободительной и итальянской песней «Макароны»,

в которой «за ее шуточным характером скрыт глубокий антивоенный смысл»⁶⁰.

Подготовка к Декаде оживила творческую работу членов Карельского отделения Союза советских писателей (ССП). В издательствах «Советский писатель», «Молодая гвардия», «Советская Россия» и Госиздате вышли сборники стихов карельских поэтов Н. Лайне, Я. Ругоева, Т. Сумманена, М. Тарасова, Г. Кикинова, Н. Островской и В. Морозова⁶¹. Книги, брошюры и другие печатные издания республики уже с 1958 года распространялись в столичных книжных магазинах⁶². Во время Декады на выставке книг и книжной графики Карелии было представлено до 500 экземпляров книг и 200 листов графики, свыше 300 книг, выпущенных к Декаде, в т. ч. книги о семилетнем плане развития народного хозяйства, произведения карельских писателей, о современности, книги по изобразительному искусству, театру, прикладному искусству и т. д.⁶³ Красочные иллюстрированные сборники, история театров, методические описания национальных танцев и сборники-справочники культуры Карелии и сегодня представляют актуальность для исследователей истории культуры республики.

В течение трех дней в конференц-зале ССП РСФСР проходило обсуждение произведений писателей и поэтов Карелии: исторических романов А. Линевского «Беломорье» и «Бушует Беломорье» о становлении советской власти в Поморье; романа Н. Якколы «Водораздел» о событиях Октябрьской революции и Гражданской войны в северной Карелии; романа У. Викстрема «Вперед, народ трудовой!» о финской революции; две части романа Д. Гусарова «Боевой призыв»; произведений на современные темы В. Бабич «Хозяйка леса», Ф. Трофимова «Воз березовых дров», А. Тимонена «Родными тропами»; сборники стихов Я. Ругоева «В краю Калевалы», Н. Лайне «Счастье солдата», М. Тарасова «На малой пристани», А. Титова и Б. Шмидта⁶⁴.

В обсуждении приняли участие около 50 московских писателей и поэтов⁶⁵, подчеркнувших, что «карельская литература строится на живых и актуальных проблемах современности»⁶⁶. Главными положительными чертами карельской литературы были признаны: своеобразие национального колорита, внимание к актуальным проблемам современности, многообразие тематики произведений. Литераторы столицы также обратили внимание на тяготение писателей Карелии к многотомным произведениям, «некоторую жанровую неопределенность иных произведений», а также «будничность ряда книг, когда за изобилием деталей, подробностей, пропадает сюжет, людские характеры, тормозится действие»⁶⁷. М. Шагинян отметила: «Литературе Карелии не удалось избежать характерной особенности многих национальных литератур – создания эпических произведений, отражающих

революционные изменения... В них очень сильна характеристика прошлого, его типичных черт, причин, приведших к революции. Значительно слабее страницы, посвященные собственно революции и людям, ее совершившим»⁶⁸.

Творчество старейших народных сказителей Т. А. Перттунен и М. И. Михеевой также было представлено на Декаде. Следуя требованию отражения современности в искусстве и культуре, в программу выступления Т. Перттунен, помимо народных сказов и рун, был включен сказ «Рождественские песни» о тех «огромных изменениях, которые произошли в жизни карельского народа в последнее время»⁶⁹.

На выставке прикладного народного творчества были представлены работы резчиков по дереву и вышивальщиц Карелии⁷⁰.

В Академии художеств прошла выставка живописи, скульптуры, графики и декоративного искусства республики. На ней можно было увидеть около 500 произведений художников: полотна, скульптуры, графику, инкрустацию и резьбу по дереву, вышивки народных умельцев⁷¹. В период подготовки к Декаде партийное руководство Карелии поставило перед художниками задачу как можно более полно и разнообразно отразить в работах прежде всего современные достижения, жизнь и труд людей края. Так, С. Юнтунен и А. Семяшкин представили картину о лесозаготовителях Карелии. Ф. Ниеминен привез в столицу портреты рабочих республики. Ю. Черных посвятил картину сварщикам Онежского завода. Продолжили тему современности и трудовых подвигов жителей Карелии Г. Стронк в графической серии «Труженики Беломорья» и А. Беляев в линогравюрах «Алюминиевый завод»⁷². В работах Г. Стронка, К. Буторова, А. Козлова, Ф. Ниеминена Карелия предстала краем рыбаков и поморов, сплавщиков и доярок, колхозников и избачей⁷³. Один из самых молодых участников выставки Р. Э. Ниеминен привлек внимание «Групповым портретом членов бригады коммунистического труда на Онегзаводе», написанным в строгой черной гамме. Только лица рабочих освещены солнцем и улыбкой⁷⁴.

Профессиональное музыкальное искусство Карелии было представлено в Москве на двух симфонических концертах, состоявших из произведений композиторов республики в исполнении симфонического оркестра Московской филармонии. Прозвучали Карельская сюита и сюита из «Калевалы» (К. Раутио), симфоническая поэма «Айно» (муз. Р. Пергамент, сол. С. Рикка), концерты для фортепиано (муз. Г. Синисало, солист – лауреат всесоюзного конкурса А. Ведерников), симфоническая картина на поморские темы (Л. Теплицкий), произведения А. Тихомирова, А. Голанда и вариации на финскую тему⁷⁵.

Заключительный концерт Декады состоялся в Кремлевском театре. На нем присутствовало

государственное и партийное руководство страны (Н. С. Хрущев, А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев, А. И. Кириченко, А. И. Микоян, Н. А. Мухитдинов, М. А. Суслов, Н. П. Пospelов, А. Н. Косыгин, А. И. Попов), а также главы ряда дипломатических представительств, аккредитованных в СССР⁷⁶. Программа заключительного концерта, составленная из 36 номеров, была построена на национальных мотивах. В ней преобладали массовые номера. Зрители смогли увидеть и услышать полюбившиеся выступления певцов, танцоров и поэтов Карелии. Быстрая смена задников усиливала красочность выступлений. Идеологический и политический характер показа достижений искусства и литературы Карелии подчеркивался основными номерами заключительного концерта, песнями «Ты сердце и слава, наша Москва!» (сл. Б. Шмидта, муз. Г. Синисало) и «Матери России» (сл. А. Титова, муз. А. Голланда), а также последним номером программы – песней «Под знаменем партии» (сл. А. Титова, муз. Г. Синисало)⁷⁷.

Поскольку декады являлись одним из направлений советской культурной политики, то во время таких смотров необходимо было как можно большее число жителей столицы и области. Днем актеры, певцы, танцоры, художники и писатели Карелии проводили творческие встречи и выступали на предприятиях, в домах культуры и парках Московской области⁷⁸. Так, ансамбль «Кантеле» побывал на «Трехгорной мануфактуре», Финский театр – на Дербеневском химическом заводе, Карельская филармония провела встречу с металлургами «Серпа и молота». Писатели и артисты Карелии встречались с жителями подмосковных Люберец, где их выступление привлекло многочисленную аудиторию⁷⁹. Вокальная группа Поморского хора, хор Сегозера и танцевальный коллектив Ухты на трех автобусах ездили с выступлениями в Дмитров. Многие номера концерта артистам приходилось исполнять по два раза⁸⁰. В обеденный перерыв работники завода холодильного машиностроения «Компрессор» встречались с артистами Музыкально-драматического театра. Помещение едва вместило всех желающих⁸¹. Шлифовальщица завода Г. Шилова отметила, что рабочие Подмосковья привыкли к хорошим театрам, но Музыкально-драматический театр им не уступал⁸². Писатели Карелии выступали перед жителями поселка им. Дзержинского. У московских речников состоялась читательская конференция по роману А. Тимонена «Родными тропами»⁸³. В парке Центрального дома Советской Армии тысячи людей пришли на встречу с карельскими литераторами. Ответственный секретарь Карельского отделения Союза советских писателей Д. Гусаров рассказал о современной литературе республики. Затем со своими стихами выступили карельские поэты⁸⁴.

Большие средства Карелия затратила на рекламу Декады, оформление красочных афиш и объявлений. Показателем нестандартного подхода к повышению зрительского интереса к Декаде может служить выпуск документального фильма «Когда зажигаются огни», снятого Ленинградской студией кинохроники (реж. А. Минкин). Во время Декады он демонстрировался во всех кинотеатрах Москвы. Съемки фильма велись в театрах, концертных залах и клубах, где творческие коллективы Карелии готовились к выступлениям. В фильм также были включены фрагменты спектаклей и концертных номеров, подготовленных к московскому показу⁸⁵.

Следует отметить значительное положительное влияние подготовки к Декаде на развитие культуры республики. Многие из художественных произведений, показанных на мероприятии, создавались непосредственно для показа в Москве и стали результатом двухлетней напряженной работы творческих работников республики. Балет «Сампо» надолго стал визитной карточкой карельского балетного искусства. Его показы с успехом прошли в СССР и в 1962 году на Международном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки. Спектакль «Люди с Дангора» пользовался популярностью советских зрителей во время гастролей Финского драматического театра. В результате этого многие провинциальные театральные коллективы СССР обратили внимание на творчество М.-А. Нексе. Художниками Карелии во время подготовки к Декаде были созданы картины, которые и сегодня занимают важное место в культуре республики. А карельские писатели благодаря мероприятию смогли познакомить со своим творчеством советских читателей.

Декада дала возможность показать, что за годы советской власти республика проделала огромный путь по превращению из отсталого и провинциального в культурном отношении региона в край с развитыми и самобытными творческими традициями. Подготовка к ответственному мероприятию заставила мобилизоваться деятелей искусства и культуры края, а руководящие пар-

тийно-государственные работники стали более внимательно относиться к их нуждам. Накануне Декады в творческих коллективах республики стала проводиться продуманная, ориентированная на высокие достижения кадровая политика, театры смогли обновить сценические костюмы и декорации, писатели Карелии получили дополнительные возможности для публикации произведений в центральных издательствах, художники смогли более активно использовать выставочное пространство Карелии и выйти за пределы республики. В результате проделанной работы Декада карельского искусства и литературы в Москве с успехом продемонстрировала достижения профессионального музыкального, театрального, танцевального, хорового, игрового искусства, живописи и графики, издательского и полиграфического дела. Театры республики представили на суд искушенной московской публики не просто новые постановки («Люди с Дангора»), но и свои первые опыты в новых жанрах оперы («Кумоха») и балета («Сампо»). Музыкально-драматический театр нашел свой творческий подход в постановках драмы «Трасса» и музыкальной сказки «Снегурочка», не удававшихся известным столичным коллективам. Неоценимую творческую и техническую помощь на всем протяжении подготовки к Декаде оказывали коллеги из ленинградских и московских коллективов. Был значительно повышен уровень выступлений самодеятельных коллективов Карелии.

Особенностью Декады искусства и литературы Карелии стало сокращение финансирования ее подготовки и проведения, что нашло выражение в скромности декораций, оформления театральных постановок и сокращении количества участников. И если требование партийно-государственного руководства шире отражать в искусстве жизнь простого советского человека и современные достижения в театральных постановках и литературе реализовать в полной мере не удалось, то оно в полной мере нашло свое воплощение в выступлениях самодеятельных коллективов республики и работах музыкантов, поэтов, художников и скульпторов края.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленинская правда. 18.07.1959.

² НА РК. Ф. Р-3017 (Министерство культуры и по связям с общественностью РК (1955–2007)). Оп. 1. Д. 37/253. Л. 2.

³ НА РК. Ф. П-3 (Карельский реском Компартии РСФСР (1921–1991)). Оп. 10. Д. 116. Л. 91.

⁴ НА РК. Ф. Р-1627 (ГУК «Объединенная дирекция Музыкального театра и Русского театра драмы РК (1935–2009)»). Оп. 3. Д. 5/49. Л. 20; Ф. Р-3017 (Министерство культуры и по связям с общественностью РК (1955–2007)). Оп. 1. Д. 37/253. Л. 1–3.

⁵ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 16.

⁶ НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 31/209. Л. 114–121.

⁷ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 14.

⁸ Комсомолец. 03.09.1959; НА РК. Ф. П-131 (Партийная организация музыкального и драматического театров (1938–1988)). Оп. 5. Д. 4. Л. 5.

⁹ Комсомолец. 03.09.1959; Правда. 23.08.1959.

¹⁰ Советская культура. 25.08.1959.

¹¹ Советская Россия. 29.08.1959.

¹² НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/58. Л. 42.

¹³ Советская Россия. 29.08.1959.

- ¹⁴ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 2; Ф. П-3. Оп. 10. Д. 116. Л. 76.
- ¹⁵ Советская культура. 25.08.1959.
- ¹⁶ Труд. 23.08.1959; НА РК. Ф. П-131. Оп. 5. Д. 4. Л. 31; Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/58. Л. 24.
- ¹⁷ Труд. 23.08.1959.
- ¹⁸ Советская культура. 11.08.1959.
- ¹⁹ Правда. 23.08.1959; Литература и жизнь. 26.08.1959.
- ²⁰ Советская Россия. 22.08.1959.
- ²¹ Правда. 23.08.1959; Литература и жизнь. 26.08.1959.
- ²² Советская культура. 03.09.1959; Труд. 23.08.1959; Известия. 23.08.1959.
- ²³ Советская культура. 25.08.1959.
- ²⁴ Комсомолец. 27.08.1959.
- ²⁵ Комсомолец. 03.09.1959.
- ²⁶ Примечания: Картина стала «результатом творческого содружества кинематографистов Советского Союза и Финляндии» (производство киностудий «Суоми-фильм» и «Мосфильм») (НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/58. Л. 19).
- ²⁷ Советская культура. 03.09.1959; Комсомолец. 03.09.1959.
- ²⁸ Советская культура. 29.08.1959.
- ²⁹ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 6.
- ³⁰ Комсомолец. 03.09.1959.
- ³¹ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/58. Л. 18.
- ³² Советская культура. 29.08.1959.
- ³³ Правда. 26.08.1959.
- ³⁴ Комсомолец. 03.09.1959.
- ³⁵ Советская культура. 01.09. 1959.
- ³⁶ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 2; Д. 4/38. Л. 30.
- ³⁷ Комсомолец. 03.09.1959; Советская культура. 01.09. 1959; НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/58. Л. 22.
- ³⁸ НА РК. Ф. П-131. Оп. 5. Д. 4. Л. 32, 33.
- ³⁹ НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 31/209. Л. 114–121.
- ⁴⁰ Советская культура. 25.08.1959; Комсомолец. 03.09.1959.
- ⁴¹ Советская культура. 01.09.1959.
- ⁴² Советская культура. 25.08.1959.
- ⁴³ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 11.
- ⁴⁴ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 12.
- ⁴⁵ Советская культура. 01.09. 1959;
- ⁴⁶ НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 31/209. Л. 26; Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 4/38. Л. 106.
- ⁴⁷ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/58. Л. 6; Ленинская правда. 18.07.1959; НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 31/209. Л. 109; Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/49. Л. 18–19.
- ⁴⁸ Советская культура. 27.08.1959.
- ⁴⁹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 116. Л. 106, 106.
- ⁵⁰ НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 31/209. Л. 64, 110, 64; Ф. П-3. Оп. 10. Д. 116. Л. 78.
- ⁵¹ Советская культура. 25.08.1959; НА РК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 116. Л. 78; Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 11; Д. 5/58. Л. 6.
- ⁵² Советская культура. 03.09.1959.
- ⁵³ Советская культура. 27.08.1959.
- ⁵⁴ Советская культура. 03.09.1959.
- ⁵⁵ Советская культура. 03.09.1959.
- ⁵⁶ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/58. Л. 6; Советская культура. 03.09.1959.
- ⁵⁷ Советская культура. 27.08.1959; 29.08.1959; 19.08.1959.
- ⁵⁸ НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 31/209. Л. 108; Советская культура. 11.08.1959.
- ⁵⁹ Правда. 23.08.1959; Советская культура. 03.09.1959.
- ⁶⁰ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 14.
- ⁶¹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 116. Л. 31, 32.
- ⁶² НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 31/209. Л. 60–61, 112–113.
- ⁶³ Советская культура. 25.08.1959; НА РК. Ф. П-3. Оп. 13. Д. 120. Л. 36.
- ⁶⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 116. Л. 31; Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 6, 13.
- ⁶⁵ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 12, 13; Ф. П-3. Оп. 10. Д. 116. Л. 30–31.
- ⁶⁶ Правда. 26.08.1959.
- ⁶⁷ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 14.
- ⁶⁸ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 14.
- ⁶⁹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 116. Л. 32; Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/58. Л. 7.
- ⁷⁰ Советская культура. 25.08.1959.
- ⁷¹ Правда. 26.08.1959.
- ⁷² Правда. 26.08.1959; НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 31/209. Л. 111.
- ⁷³ Советская культура. 25.08.1959.
- ⁷⁴ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/58. Л. 8.
- ⁷⁵ НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 31/209. Л. 114–121.
- ⁷⁶ Советская культура. 03.09.1959.
- ⁷⁷ НА РК. Ф. П-3. Оп. 13. Д. 120. Л. 233–263.
- ⁷⁸ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 12.
- ⁷⁹ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 9.
- ⁸⁰ Примечания: Председатель Дмитровского горсовета Пакин, воодушевленный выступлением артистов Карелии, заявил: «Если из Карелии поступит на наш завод заказ на новый экскаватор, сделаем его на отлично!» (Комсомолец. 27.08.1959).
- ⁸¹ Примечания: Артисты показали сцены из спектакля «Трасса». Огромный успех у рабочих имело исполнение Л. Унгар песен разных народов. Театру вручили художественно оформленный каталог холодильных машин, которые выпускал завод «Компрессор» (НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 6).
- ⁸² НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 12.

⁸³ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/58. Л. 15.⁸⁴ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 12; Д. 5/58. Л. 21.⁸⁵ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/59. Л. 9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б а ц е р И. М. На смотре в Москве. Петрозаводск, 1960. 120 с.
2. Б у р е е в а Е. В. Декада татарской литературы и искусства в Москве: подготовка, итоги, значение // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (2016). История. Вып. 43. С. 97–101.
3. Г а л ь ц и н а Н. В. Декада карельского театрального искусства в Москве (1959): спектакль Музыкально-драматического театра Карелии «Сампо» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 8. С. 44–47.

Shorohova I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE KARELIAN DECADE OF ARTS AND LITERATURE HELD IN MOSCOW IN 1959

The celebration of the decades of culture and arts in the national republics of the Soviet Union should be regarded as one of the major trends of the Soviet cultural policy in 1930–1960. The relevance of the topic is conditioned by the low level of research and comprehension of the effect caused by these celebrations on the development of culture and art in these republics. On the basis of historical data and periodical press, the content of the Decade of Karelian Art and Literature held in Moscow in 1959 was studied. We also analyzed the program of professional theatrical, musical, dance, and amateur groups. The work of the local writers, painters and sculptors, the exhibitions' content and outreach programs of Karelian artists for Moscow and Moscow region were studied. The typical and specific organizational and celebration features of the Decade of Karelian Art and Literature held in 1959 were identified. The author came to a conclusion that celebrations of such Decades had a significant impact on the development of national culture.

Key words: The decade of Karelian art and literature, “Sampo”, “Kumoha”, “The Snow Maiden”, “Track”, “Kantele”, independent activity

REFERENCES

1. B a s e r I. M. *Na smotre v Moskve* [A trip to Moscow]. Petrozavodsk, 1960. 120 p.
2. B u r e e v a E. V. A Decade of Tatar Literature and Art in Moscow: preparation, results, value [Dekada tatarskoy literatury i iskusstva v Moskve: podgotovka, itogi, znachenie]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2011. № 1 (2016). History. Issue 43. P. 97–101.
3. G a l t s i n a N. V. A Decade of Karelian Theatrical Art in Moscow (1959): a performance of Music and Drama Theatre of Karelia “Sampo” [Dekada karel'skogo teatral'nogo iskusstva v Moskve (1959): spektakl' Muzykal'no-dramaticheskogo teatra Karelii “Sampo”]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science]. 2008. № 8. P. 44–47.

Поступила в редакцию 03.02.2017

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ЗАЕРКО

аспирант кафедры исторического регионоведения Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
oza.erko@list.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ПРИЮТА ДЛЯ НЕДОНОШЕННЫХ ДЕТЕЙ

Статья посвящена истории открытия первого в Российской империи специального приюта для оказания общедоступной медицинской помощи детям, родившимся раньше положенного срока. В наши дни для сохранения народонаселения страны и улучшения демографических показателей ежегодно открываются новые центры и медицинские учреждения, связанные с проблемами экстракорпорального оплодотворения, перинатального наблюдения и родовспоможения. В этой связи актуальным представляется обращение к истории создания подобного рода заведений. Приют для недоношенных детей, основанный в 1901 году в Санкт-Петербурге, дополнил институциональную структуру Городской исполнительной санитарной комиссии при Санкт-Петербургской городской управе – органе общественного управления столицы. В статье подробно рассматривается механизм организации нового учреждения и выявляются первые итоги его функционирования. К концу XIX века в ведении Городской исполнительной санитарной комиссии Санкт-Петербурга уже находилась сеть небольших родильных приютов в разных частях города. Создание отдельного приюта для ухода за недоношенными детьми стало результатом применения накопленного Санитарной комиссией опыта работы с новорожденными и свидетельствовало о расширении деятельности городского общественного управления Санкт-Петербурга в сфере организации «охранения народного здоровья». Научная новизна статьи обусловлена тем, что к исследованию привлекаются ранее не публиковавшиеся документы из фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: приют для недоношенных детей, Городская исполнительная санитарная комиссия Санкт-Петербурга, городское общественное управление Санкт-Петербурга

Одним из направлений социально-демографической политики государства является охрана материнства и детства. В комплекс мероприятий, нацеленных на реализацию этого направления, входит в том числе оказание квалифицированной врачебной помощи недоношенным детям, степень доступности и качество которой отражают состояние системы здравоохранения общества и характеризуют уровень развития медицинской науки.

До 1901 года в Санкт-Петербурге, как и во всей Российской империи, не было учреждения, в котором осуществлялся бы специальный уход за детьми, родившимися раньше положенного срока. Между тем, в соответствии со сведениями, представленными в отчете Санкт-Петербургской городской исполнительной санитарной комиссии за 1901 год, в 1898 году из 34376 новорожденных столицы 3437 появились на свет недоношенными¹. На долю родильных приютов, находившихся в ведении городского общественного управления², ежегодно приходилось около 700 недоношенных младенцев³. Их жизнеспособность определялась причинами преждевременных родов и весом при рождении. Однако высокие показатели смертности таких новорожденных объяснялись главным образом отсутствием условий для оказания им необходимой помощи.

Специальные аппараты для ухода за недоношенными младенцами, так называемые кувезы-

Lion (или кувезы Лиона)⁴, использовались в крупных медицинских учреждениях – Клиническом институте великой княгини Елены Павловны (находившемся в ведении Министерства народного просвещения) и Клиническом повивальном (Еленинском) институте (входившем в Ведомство учреждений императрицы Марии Федоровны)⁵. Очевидно, что возможности указанных институтов были ограничены и не позволяли в полной мере удовлетворить существовавшие потребности населения Санкт-Петербурга.

Определенную роль в деле призрения недоношенных детей играл Санкт-Петербургский воспитательный дом, также состоявший в Ведомстве учреждений императрицы Марии Федоровны. В нем были оборудованы две особые палаты: в одной из них новорожденные содержались в обычных условиях – в «люльках» – и согревались с помощью теплой воды (в палате осуществлялся врачебный надзор за младенцами весом от 2000 до 2500 г); в другой же имелись металлические колыбели с двойными стенками, в пространство между которыми наливали теплую воду с тем, чтобы поддерживать постоянную температуру в 30 °С (в эту палату принимались дети весом менее 2000 г)⁶. Благодаря деятельности Воспитательного дома недоношенных младенцев часто удавалось спасти, хотя уровень смертности и здесь был достаточно

высоким (по данным за 1896 год, умерло 85 из 292 принесенных в Воспитательный дом детей весом менее 2200 г)⁷. Воспитательный дом, кроме того, давал приют преимущественно подкидышам и незаконнорожденным детям, оставшимся без матерей; направить же в Воспитательный дом родившихся в законном браке младенцев, пусть даже на временное вскармливание, можно было лишь в исключительных случаях. Значительное большинство недоношенных детей не получало необходимого ухода и умирало в первые же дни своей жизни дома или в городских родильных приютах⁸. Безусловно, в самом неблагоприятном положении оказывались проживавшие в холодных и сырых квартирах беднейшие слои населения столицы, которые не имели никакой возможности создать надлежащие условия для заботы о таких младенцах.

Заняться решением проблемы оказания общедоступной помощи недоношенным детям суждено было Санкт-Петербургской городской исполнительной санитарной комиссии при Санкт-Петербургской городской управе. С 1886 года в ее ведении состояли городские родильные приюты, вследствие чего служащими Санитарной комиссии к концу XIX века был накоплен большой научный и практический опыт работы с новорожденными детьми.

Впервые обсуждение необходимости организации городскими властями Санкт-Петербурга профессионального ухода за младенцами, родившимися раньше положенного срока, началось летом 1898 года по инициативе члена Санитарной комиссии Н. А. Лейкина⁹. Заинтересованность Н. А. Лейкина в проблеме отчасти можно объяснить тем, что он сам, в соответствии с опубликованными воспоминаниями, «родился... недоношенным и долгое время был хилым ребенком», которого, за отсутствием других возможностей, «по совету разных старух-кумусек завертывали в кудель и ежедневно ставили в корзине на шесток русской печи»¹⁰.

В докладе, направленном в Санитарную комиссию, Н. А. Лейкин указывал на отсутствие в городских родильных приютах каких-либо «приспособлений для выхаживания недоношенных младенцев»¹¹. Опираясь на опыт зарубежной медицины, он описывал два типа устройств, которые использовались в европейских родильных домах: французские металлические шкафычики со стеклами, особой вентиляцией и согревающимся с помощью ламп воздухом («*maternité couveuse*») и венские ванны с двойными стенками, в пространство между которыми вливалась горячая вода¹². Затем Н. А. Лейкин предлагал Санитарной комиссии «в виде первого опыта» приобрести по одному экземпляру указанных аппаратов для дальнейшего размещения в родильных приютах¹³.

Санитарная комиссия направила доклад Н. А. Лейкина на рассмотрение Совещанию вра-

чей-акушеров городских родильных приютов. Врачи-акушеры пришли к выводу, что размещение куветов в родильных приютах не могло иметь существенного значения в связи с тем, что новорожденные обычно находились в приютах лишь в течение 6–8 первых дней жизни, в то время как дети, родившиеся раньше положенного срока, нуждались в медицинском наблюдении на протяжении 3–12 недель. Таким образом, Совещание врачей-акушеров признавало инициативу Н. А. Лейкина паллиативной мерой, а рациональное решение проблемы организации ухода за недоношенными младенцами видело в устройстве особого учреждения, специально предназначенного для их «воспитания»¹⁴.

За необходимость открытия в Санкт-Петербурге самостоятельного приюта для недоношенных детей также выступали профессор детской клиники при Военно-Медицинской академии Н. П. Гундобин и приват-доцент Военно-Медицинской академии Д. А. Соколов¹⁵.

Согласившись с мнением специалистов, Санитарная комиссия обратилась к Совещанию врачей-акушеров с просьбой составить детальный проект организации такого учреждения. 21 января 1899 года Совещание представило в Санитарную комиссию подготовленный с учетом разработок Н. П. Гундобина и Д. А. Соколова проект городского приюта¹⁶.

16 июля 1899 года Санитарная комиссия внесла доклад «Об учреждении первого городского приюта для недоношенных детей, рождающихся в Санкт-Петербургских городских родильных приютах» на рассмотрение Городской думы¹⁷. Проект устройства приюта был скорректирован и дополнен относительно представленных ранее разработок Совещания врачей-акушеров. Предполагалось, что новое учреждение будет рассчитано на организацию специального ухода за 10–15 детьми на протяжении 8–16 недель (в проекте Совещания врачей-акушеров говорилось об оказании помощи 15, а в случае необходимости и 20 младенцам¹⁸). Указывалось, что для организации приюта необходимо было помещение «не менее чем из 6–7 комнат», при этом комнаты должны были быть сухими и светлыми, иметь приспособления для вентиляции и отапливаться голландскими печами, обеспечивающими равномерность температуры воздуха. Освещение помещений желательно было иметь электрическое как не причиняющее, в отличие от керосинового или газового, «порчи воздуха»¹⁹. В соответствии с проектом, две комнаты предназначались для матерей и кормилиц (полагалось, что некоторые матери смогут кормить своих детей самостоятельно, а кормлением остальных будут заниматься 8 кормилиц), третья – для помещения самих детей, четвертая – «для целей возможно лучшей вентиляции», пятая – для фельдшерицы и шестая – для прислуги²⁰.

Для осуществления профессионального медицинского ухода за детьми также требовалось оборудовать приют особыми аппаратами – инкубаторами, или кувезами. В докладе Санитарной комиссии принималось во внимание, что наличие инкубаторов обязательно лишь для заботы о младенцах весом менее 2000 г, и одновременно отмечалось, что типы кувезов постоянно совершенствуются, в связи с чем предлагалось на первое время ограничиться приобретением не более пяти устройств. Предпочтение планировалось отдать кувезам-Lion и аппаратам, сконструированным доктором Д. А. Соколовым²¹.

В целом Санитарная комиссия считала организацию приюта насущной потребностью населения Санкт-Петербурга и полагала, что реализация представленного проекта, помимо непосредственной пользы, должна была одновременно способствовать формированию персонала, имеющего необходимые знания в деле ухода «за слабыми детьми вообще и за недоношенными в частности»²².

В связи с этим Санитарная комиссия ходатайствовала перед Городской думой об ассигновании средств на открытие приюта для недоношенных детей и содержание его в течение 1900 года²³. Однако в ходе заседаний соединенного присутствия Городской управы, Санитарной и Больничной комиссий 14, 24 и 26 августа 1899 года устройство такого учреждения было признано преждевременным вследствие недостатка средств в бюджете городского общественного управления и ввиду необходимости решения более актуальных проблем городского хозяйства (к которым относилось, в частности, увеличение количества родильных приютов)²⁴. Таким образом, в выделении денежных средств на открытие приюта в 1900 году было отказано.

Лишь после повторного рассмотрения вопроса на заседании Городской думы 14 февраля 1901 года было решено внести в смету на 1901 год 8000 рублей на устройство и содержание приюта для недоношенных детей²⁵. Немаловажную роль в принятии Городской думой положительного решения сыграл председатель Санитарной комиссии А. Н. Оппенгейм²⁶. В частности, им была составлена брошюра «К докладу Городской санитарной комиссии об устройстве приюта для недоносков», которая в ходе заседания раздавалась гласным Городской думы для лучшего ознакомления с этим вопросом²⁷.

После получения официального разрешения Санитарная комиссия вплотную занялась устройством приюта. В первую очередь необходимо было выбрать помещение для нового учреждения. Долгое время найти свободную квартиру не удавалось, а затем оказалось, что ассигнованной суммы недостаточно для аренды подходящего места. Тогда по инициативе А. Н. Оппенгейма был поднят вопрос о возможности организации

будущего приюта в помещениях уже существовавшего городского оспопрививательного института. В пользу этого решения выступало также предположение поручить заведование и тем, и другим учреждением одному лицу – доктору В. О. Губерту. Специально сформированная субкомиссия по вопросу об устройстве и оборудовании приюта для недоношенных детей в Санкт-Петербурге признала такое объединение возможным при условии, что каждое из учреждений будет иметь отдельный вход для публики и отдельный служебный персонал²⁸.

8 июня 1901 года Санитарная комиссия обратилась в Городскую управу с прошением о размещении приюта в принадлежавшем городским властям доме № 40 по Вознесенскому проспекту, в котором уже находился оспопрививательный институт. В случае положительного решения Городской управы Санитарная комиссия готова была немедленно приступить к ремонту и отделке помещений за счет средств, ассигнованных на аренду квартиры для приюта²⁹. 22 июня 1901 года соответствующее разрешение было получено³⁰.

Для обеспечения возможно более удобного размещения приюта в выбранном здании Санитарная комиссия осуществила масштабную перепланировку помещений с перестановкой перегородок и пробивкой дверей в капитальных стенах, провела малярные, печные и водопроводные работы, а также вступила в сношения с Бельгийским акционерным обществом «Электрическое освещение Санкт-Петербурга» по вопросу организации электрического освещения в приюте и с Главным управлением международной компании телефонов Белля по поводу подключения его к телефонной сети³¹.

В итоге после проведения ремонтных работ в распоряжении приюта для недоношенных детей оказались: большой зал для новорожденных, две комнаты для кормилиц, комната для фельдшерицы, столовая, небольшая лаборатория «для медицинских целей», кухня и маленькая отдельная комната – приемная³². Согласно опубликованному отчету Санитарной комиссии за 1901 год, большой зал был оборудован четырьмя закрытыми кувезами, обогреваемыми электричеством (2 аппарата были привезены из Парижа, 2 – из Берлина³³), и семью открытыми медными грелками-ванночками с двойными стенками системы доктора В. О. Губерта. Кроме того, в зале размещались грелки для пеленок, стол для пеленания, ванночки для купания и другие приспособления для ухода за новорожденными. Стены и мебель были окрашены белой краской, а все помещение устроено с учетом необходимости соблюдения «крайней чистоты и легкости дезинфекции»³⁴. Общие расходы на оборудование приюта составили 5 298 рублей 18 копеек³⁵.

Первый в Санкт-Петербурге приют для недоношенных детей стал функционировать

с 22 октября 1901 года, а официальное его открытие состоялось 25 октября 1901 года³⁶. На посвященное этому событию молебствие были приглашены все члены Городской думы, а также виднейшие медицинские и общественные деятели столицы, в том числе Санкт-Петербургский градоначальник Н. В. Клейгельс, столичный врачебный инспектор В. И. Скабичевский, лейбакушер Д. О. Отт, доктора медицины Д. А. Соколов и Н. Д. Гундобин, лейб-педиатр императорского двора К. А. Раухфус и др.³⁷ В отчете, прочитанном А. Н. Оппенгеймом на открытии, основание приюта признавалось событием, которое «можно смело занести на одну из светлых страничек в истории Петербурга»³⁸.

В ходе заседания Городской думы 31 октября 1901 года было высказано предложение назвать организованный приют именем Н. А. Лейкина, ставшего инициатором создания подобного учреждения в Санкт-Петербурге. Н. А. Лейкин, однако, отказался от почестей³⁹. Попечителем приюта для недоношенных детей 12 декабря 1901 года был единогласно избран А. Н. Оппенгейм⁴⁰. Городская дума также постановила выразить признательность А. Н. Оппенгейму, Н. А. Лейкину и доктору В. О. Губерту (ставшему заведующим нового учреждения) за труды по организации приюта, а профессорам Н. П. Гундобину и Д. А. Соколову – за участие в предварительной разработке вопроса о его устройстве⁴¹.

Организованный приют был рассчитан на одновременное содержание 10 недоношенных младенцев в течение первых 3–4 месяцев жизни⁴². Предполагалось, таким образом, что в течение года помощь может быть оказана 50 новорожденным⁴³. В циркуляре, направленном А. Н. Оппенгеймом врачам-акушерам городских родильных приютов 27 октября 1901 года, предписывалось посылать во вновь открытое учреждение только детей, вес которых при рождении оказывался «хотя бы немного выше 1000 г»⁴⁴. Это объясняется тем, что новорожденные меньшего веса считались абсолютно нежизнеспособными.

Тем не менее, в соответствии с данными отчета Санитарной комиссии за 1901 год, в приют принимались и младенцы, вес которых составлял менее 1000 г. За первые месяцы существования (с 22 октября 1901 года по 1 января 1902 года) приюту удалось принять 37 детей (из них 16 – с весом от 780 до 1000 г, 10 – от 1010 до 1500 г, 9 – от 1540 до 2000 г, 2 – от 2100 до 2200 г). Из 37 поступивших четверо умерло, 9 находилось в учреждении на 1 января 1902 года, а 24 ребенка были выписаны с существенным увеличением веса. В среднем дети выписывались через 23–70 дней. К концу 2-го месяца жизни благодаря профессиональному уходу их развитие достигало уровня обычных детей. Представлялось возможным, что прием, изначально рассчитанный на 50 недоношенных детей в год, возможно будет

увеличить в 4 раза. Результаты деятельности нового учреждения в целом оценивались очень высоко. Содержание приюта в 1901 году обошлось в 1336 рублей 29 копеек⁴⁵. Таким образом, затраты на его первоначальное устройство и дальнейшее функционирование уложились в размер ассигнованной Городской думой суммы.

Вскоре начали поступать положительные отзывы о работе приюта. Так, уже 30 января 1902 года на заседании Городской думы было рассмотрено заявление А. М. Казаринова, который выражал признательность доктору В. О. Губерту, оказавшему необходимую помощь его ребенку, и просил принять пожертвование в размере 1000 рублей «в благодарность и на память бескорыстной просвещенной деятельности»⁴⁶. По инициативе В. О. Губерта было решено 700 рублей употребить на содержание 10 младенцев, а 300 рублей направить на производство научных опытов по искусственному вскармливанию детей⁴⁷.

Следует отметить, что научному значению учреждения приюта уделялось большое внимание. Подробные сведения о его деятельности находили отражение в регулярных отчетах Санитарной комиссии. Немаловажным представляется и тот факт, что публике был разрешен свободный доступ для осмотра приюта, а желающим заведующий В. О. Губерт давал разъяснения по вопросам ухода за недоношенными младенцами⁴⁸.

Основание первого специального приюта для ухода за недоношенными детьми в ведении городских властей стало значительным достижением Городской санитарной комиссии. Открытию предшествовала длительная разработка теоретических и практических аспектов функционирования будущего учреждения, в которой принимали участие не только непосредственные члены Санитарной комиссии, но и представители медицинской общественности Санкт-Петербурга, напрямую не связанные с городским общественным управлением. В то же время в полной мере реализовать изначальные проекты приюта не удалось. Ввиду ограниченности финансирования пришлось отказаться от устройства приюта в отдельной квартире и разместить новое учреждение вместе с уже существовавшим оспопрививательным институтом в здании городского дома. Кроме того, приют был рассчитан на содержание 10 детей и оборудован четырьмя кувезами (в проектах Совещания врачей-акушеров и Н. П. Гундобина речь шла об убежище для 15 детей, оснащенном пятью кувезами⁴⁹). Тем не менее, как и предполагалось, он разместился в центральной части города и занимал несколько, пусть небольших, комнат, количество которых соответствовало необходимому минимуму.

Открытием приюта было положено начало общедоступному медицинскому уходу за родившимися раньше положенного срока детьми, многие

из которых в прежних условиях не имели шансов на выживание. Появление в ведении Городской санитарной комиссии нового учреждения в то же время можно рассматривать в контексте профессионализации и специализации ее деятельности. Помимо большого социально-демографического значения, которое имела организация подобного учреждения для Санкт-Петербурга, следует отметить и то, что основание приюта явилось важным шагом на пути решения столичными властями проблем «охранения общественного здоровья», возложенных на городские общественные управления Городовыми положениями 1870 и 1892 годов⁵⁰.

На торжественной церемонии открытия приюта высказывались надежды, что опыт столицы в деле призрения недоношенных детей послужит благотворным примером для других городов России⁵¹.

Известно, что в конце XIX – начале XX века местные городские власти в разных регионах империи шли по пути формирования собственной врачебно-санитарной организации. В частности, открывались родильные приюты в ведении общественных управлений крупных и малых городов (Баку, Иваново-Вознесенск, Иркутск, Казань, Красноярск, Минск, Одесса, Тверь и др.⁵²), в том числе и на Северо-Западе России (городской родильный приют в Новгороде был основан в 1897 году⁵³). Однако опыт столицы в деле организации ухода за недоношенными детьми являлся передовым для своего времени. В брошюре «Практические указания устройства приютов для детей грудного возраста и недоносков», составленной в 1916 году, отмечается, что в виде самостоятельного учреждения приют для недоношенных детей функционировал только в Петрограде⁵⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отчет Санкт-Петербургской городской исполнительной санитарной комиссии за 1901 г. СПб., 1902. С. 74.

² Первые родильные приюты в Санкт-Петербурге были организованы в 1869 году и размещались в городских полицейских домах. В ведение городского общественного управления столицы они перешли в 1883 году [1: 66–67]. С 1886 года городские родильные приюты вошли в структуру учреждений организованной при Санкт-Петербургской городской управе исполнительной Санитарной комиссии [2: 104].

³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 210 – Петроградская городская санитарная комиссия. Оп. 1. Д. 32. Л. 136.

⁴ Кувезы-Lion (кувезы Лиона) – особые инкубаторы для новорожденных, разработанные французских врачом А. Лионом.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 67.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 136об.

⁹ Николай Александрович Лейкин (1841–1906) – писатель и журналист, с 30 марта 1894 года по 29 мая 1905 года являлся членом Городской санитарной комиссии Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб. Ф. 513 – Петроградская городская управа. Оп. 18. Д. 116. Л. 88).

¹⁰ Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб., 1907. С. 1.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 2об.

¹⁴ Там же. Л. 4–5.

¹⁵ Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1899. № 33. С. 542–543.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 32. Л. 10–10об., 14.

¹⁷ Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1899. № 33. С. 542.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 32. Л. 10об.

¹⁹ Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1899. № 33. С. 544.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 545.

²² Там же. С. 547.

²³ Там же. С. 549.

²⁴ Там же. С. 550.

²⁵ Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1901. № 12. С. 275–276.

²⁶ Александр Николаевич Оппенгейм (1848–1910) – доктор медицины, председатель Санитарной комиссии с 7 февраля 1901 года по 28 января 1909 года (ЦГИА. Ф. 513. Оп. 18. Д. 116. Л. 88).

²⁷ ЦГИА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 32. Л. 148об.

²⁸ Там же. Л. 115–115об.

²⁹ Там же. Л. 117–118об.

³⁰ Там же. Л. 119–119об.

³¹ Там же. Л. 120–122об., 137. Международная компания телефонов Белля вплоть до своего перехода в ведение города отказывалась удовлетворить требование Санитарной комиссии, ссылаясь на отсутствие свободных номеров на Центральной телефонной станции. Тогда, ввиду необходимости связываться с другими учреждениями, было решено установить в приюте внутренний телефон и соединить его особой проволокой с телефоном XII городского родильного приюта, находившегося в том же здании. Председатель Санитарной комиссии А. Н. Оппенгейм уведомил об этом попечителя XII родильного приюта П. И. Злобина и попросил его, в случае вызова к телефону служащих приюта для недоношенных детей, делать перевод звонка специальной кнопкой (ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 32. Л. 139–139об.)

³² Там же. Л. 137.

³³ Там же. Л. 137об.

³⁴ Отчет Санкт-Петербургской городской исполнительной санитарной комиссии за 1901 г. СПб., 1901. С. 74–75.

- ³⁵ Там же. С. 77.
³⁶ Там же. С. 73.
³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 32. Л. 129, 130.
³⁸ Там же. Л. 137.
³⁹ Там же. Л. 141–142.
⁴⁰ Там же. Л. 143–147.
⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 792 – Петербургская городская дума. Оп. 1. Д. 8358. Л. 2.
⁴² ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 32. Л. 137.
⁴³ Отчет Санкт-Петербургской городской исполнительной санитарной комиссии за 1901 г. СПб., 1901. С. 75.
⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 32. Л. 138–138об.
⁴⁵ Отчет Санкт-Петербургской городской исполнительной санитарной комиссии за 1901 г. СПб., 1901. С. 75–77.
⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.
⁴⁷ Там же. Л. 8.
⁴⁸ Отчет Санкт-Петербургской городской исполнительной санитарной комиссии за 1901 г. СПб., 1901. С. 76.
⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 32. Л. 10–12об.
⁵⁰ Высочайше утвержденное 10 июня 1870 года Городовое положение, с объяснениями. СПб., 1870. С. 6; Высочайше утвержденное 11 июня 1892 года Городовое положение. СПб., 1892. С. 2.
⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 210. Оп. 1. Д. 32. Л. 137.
⁵² Жбанков Д. Н. Сборник по городскому врачебно-санитарному делу в России. М., 1915. С. 53, 95, 99, 103, 113, 124, 237, 292.
⁵³ Чертов А. А. Городская медицина в Европейской России. М., 1903. С. 128.
⁵⁴ Практические указания устройства приютов для детей грудного возраста и для недоносков. Пг., 1916. С. 12.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блохина Н. Н. К истории родовспоможения в Санкт-Петербурге (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Акушерство и гинекология. 2008. № 5. С. 66–69.
2. Петербургская городская дума, 1846–1918. СПб.: Лики России, 2005. 544 с.

Zaerko O. A., Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

ON THE SHELTER ESTABLISHMENT FOR PREMATURE INFANTS IN SAINT-PETERSBURG

The article is devoted to the establishment of the first special accessible shelter for premature infants in the Russian Empire. Nowadays new medical centers of extracorporeal fertilization, perinatal surveillance and obstetric aid are opened annually in order to preserve population and improve demographic indicators. Therefore, the history of such institutions seems to be the subject of current interest. The shelter for premature infants in Saint-Petersburg was founded in 1901 and expanded the institutional structure of the City Executive Sanitary Commission at the Saint-Petersburg City Council – the organ of the municipal government. The article examines the process of the new institution organization and investigates the first results of its functioning. By the end of the XIXth century a whole network of maternity shelters in different parts of Saint-Petersburg was already under the authority of the City Executive Sanitary Commission. The accumulated knowledge and the obtained experience in the work with prematurely-born children resulted in the establishment of the separate shelter for premature infants. The appearance of this institution spoke of the extension of municipal government's activity in area of public health care. The study involves previously unpublished documents of the Saint-Petersburg Central State Historical Archive.

Key words: shelter for premature infants, Saint-Petersburg City Executive Sanitary Commission, municipal government of Saint-Petersburg

REFERENCES

1. Blokhina N. N. To the history of obstetrics in Saint-Petersburg (the second half of the 19th to the early 20th century) [K istorii rodovspomozheniya v Sankt-Peterburge (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)]. *Akusherstvo i ginekologiya* [Obstetrics and gynecology]. 2008. № 5. P. 66–69.
2. *Peterburgskaya gorodskaya дума, 1846–1918* [The Petersburg Municipal Duma, 1846–1918]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2005. 544 p.

Поступила в редакцию 05.06.2017

ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА СМИРНОВА

аспирант Центра исследований общих проблем современного Востока, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

ekaterinasmirnova84@gmail.com

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ С АРАБСКИМ ВОСТОКОМ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА

С помощью проблемно-хронологического метода выявляются основные подходы к изучению русско-арабских научных и образовательных связей начиная с XIX века. В дореволюционный период российские исследователи обратились к изучению этого вопроса в связи с политическими и религиозными задачами России на Ближнем Востоке. В своих трудах П. Успенский, Г. А. Муркос, М. П. Соловьев, А. А. Дмитриевский указали на исторические связи России со Святой землей, уделив пристальное внимание арабскому просвещению. В советский период востоковеды сосредоточились на изучении русско-арабских светских контактов. А. Е. Крымский, И. Ю. Крачковский, Б. М. Данциг, А. П. Базиянц исследовали и обобщили сведения о русско-арабских научных связях (прежде всего об арабских ученых и педагогах в России), наметив дальнейшие пути их исследования. В постсоветский период можно выделить два подхода к изучению этого вопроса: 1) в контексте культурно-религиозных взаимоотношений России с православным Востоком (И. А. Воробьева, Н. Н. Лисовой, Н. Ю. Сухова), 2) в рамках востоковедных исследований, посвященных арабским ученым в России (С. А. Кириллина, М. А. Кострюков, М. З. Хабибуллин). За последние десятилетия отечественные исследователи внесли большой вклад в изучение русско-арабских научно-просветительских связей. Вместе с тем всестороннее изучение данного вопроса требует сочетания различных подходов.

Ключевые слова: историография, русско-арабские отношения, востоковедение, арабские ученые, Императорское православное палестинское общество

Тема культурных связей России с Арабским Востоком является весьма актуальной для отечественной науки и российского общества в целом. К сожалению, до сих пор она остается малоизученной. Практически отсутствуют комплексные исследования, посвященные этой проблеме. Тем не менее существуют работы, в которых нашли отражение различные аспекты русско-арабских взаимоотношений в таких сферах, как религия, наука, литература и искусство. Данная статья посвящена отечественной историографии русско-арабских научных и образовательных связей, которые возникли в XIX веке в результате развития российского востоковедения и просветительской деятельности русских учреждений на Ближнем Востоке. Используя проблемно-хронологический метод, данную историографию можно разделить на несколько периодов, в каждом из которых следует выделить основные подходы к изучению этой темы.

В дореволюционный период история контактов России с Арабским Востоком интересовала прежде всего ученых-востоковедов. В это время изучались арабские источники по истории Руси, исследовались найденные в России средневековые арабские монеты. Важной особенностью европейского и российского востоковедения той поры был интерес к изучению древнего и средневекового Востока. Поскольку историей тогда считалось то, что было до XVI века (а то, что после, – предметом журналистики), Восток современный не являлся предметом классических штудий, следовательно, проблемы его культур-

ных контактов находились за рамками востоковедных исследований. Тем не менее уже в этот период появились первые труды по истории российского востоковедения, в которых приводились сведения о русско-арабских контактах в науке и образовании.

Одним из первых российских ученых, упомянувших об арабских лекторах в России, был академик В. В. Бартольд. В своих трудах, посвященных изучению Востока в России, он писал о шейхе Тантави, С. Ноуфале, А. Хашабе и других арабах, преподававших в Петербургском университете [2]. В. В. Бартольд связывал приглашение «педагогов-туземцев» в российские вузы с преподаванием языковой практики, которая была необходима для подготовки переводчиков и дипломатов. Признавая педагогические заслуги лекторов-арабов, ученый утверждал, что большинству из них не хватало европейского образования и знания русского языка, что мешало их научной карьере [2: 125]. В целом В. В. Бартольд рассматривал русско-арабские научные контакты как единичные факты в истории Петербургского востоковедения, при этом не упоминая об арабских ученых в Москве.

Помимо востоковедов, русско-арабскими контактами в сфере образования интересовались историки, касавшиеся этой проблемы в связи с культурно-религиозными задачами России на Ближнем Востоке. У истоков изучения духовных связей России с православным Востоком стояли церковные и общественные деятели,

способствовавшие организации просветительской работы среди арабов-христиан. Особо следует отметить начальника первой Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Порфирия Успенского, обогатившего русскую науку трудами по истории христианства на Востоке. В своих исследованиях он намечает тему исторических взаимоотношений русской и восточных церквей, духовных уз, связывающих православные народы России и Ближнего Востока¹. Всесторонне исследуя состояние православия в Святой земле, Порфирий первым указал на нужды православных арабов и необходимость их просвещения. Одной из важнейших задач учреждения миссии в Иерусалиме Порфирий видел в том, чтобы помочь Иерусалимской Патриархии в организации учебных заведений. Вместе с тем он неоднократно ходатайствовал об определении арабских христиан на учебу в российские духовные школы².

Среди многочисленных трудов Порфирия Успенского нет отдельных работ, посвященных проблемам арабского просвещения. Тем не менее он не только впервые обозначил этот и другие вопросы в историографии русско-арабских культурных связей, но и лично заложил крепкий фундамент для дальнейшего их развития.

Решить просветительские задачи России на Ближнем Востоке было призвано Императорское православное палестинское общество (далее – ИППО). Незадолго до его открытия, в 1882 году, в России была опубликована статья, посвященная интересам России в Палестине³. Ее автором был православный сириец Г. А. Муркос, преподававший арабский язык в Лазаревском институте восточных языков. В Москве он не только занимался научно-педагогической деятельностью, но и принимал активное участие в борьбе православных арабов с угнетавшим их греческим духовенством. Ему были хорошо известны проблемы арабов-христиан, их симпатии к России, а также помощь, которую могло оказать им русское государство. В своей работе он писал о необходимости учреждения русских школ в Сирии и Палестине, а также высшего учебного заведения для православных арабов в самой России⁴. Уделяя большое внимание просветительской миссии России на Ближнем Востоке, Г. А. Муркос указывал на ее огромное значение для укрепления русско-арабских взаимоотношений.

Уже после открытия Палестинского общества об историческом призвании России на Востоке писал государственный деятель, член ИППО М. П. Соловьев. В своей работе он представил краткий обзор развития исторических связей России со Святой землей⁵. Вслед за Порфирием он писал о приниженном положении арабского клира и бедности арабов-христиан, указывая на их важную роль в сохранении православия в Святой земле. М. П. Соловьев, рассматривая причины упадка православия на Востоке, видел в России силу, способную объединить восточные церкви и просветить арабских христиан. Проблема араб-

ского просвещения рассматривается в другом его труде, посвященном деятельности ИППО [19]. Он считал Палестинское дело государственной задачей, решение которой укрепило бы православие на Ближнем Востоке и усилило там позиции России. Одной из важнейших задач Палестинского общества, по мнению автора, было просвещение арабских христиан. Подробно останавливаясь на проблемах, возникших у ИППО при организации школьного дела, М. П. Соловьев указывал на сложности с русскими учителями, которые в силу незнания языка, непривычки к местным условиям не задерживались на Ближнем Востоке. В этой связи он коснулся вопроса русско-арабского взаимодействия в сфере образования, упомянув об арабе А. Г. Кезде, который стоял у истоков организации русского школьного дела в Святой земле [19: 223]. По мнению М. П. Соловьева, православные арабы, особенно те, кто окончил русские школы, должны были стать опорой русского государства в борьбе с растущим влиянием западных миссий. Для этого следовало укреплять экономические и культурные связи с арабскими воспитанниками школ.

Палестинскому обществу посвятил обстоятельный труд историк-византист А. А. Дмитриевский⁶. В своей работе автор уделил большое внимание становлению школьной деятельности России в Святой земле, а также указал на значимую роль арабских педагогов (А. Кезмы, С. Хури, М. Дауд и др.) в этом процессе⁷. По мнению автора, православные арабы являлись не только объектами, но и субъектами русской просветительской деятельности, которые при помощи России могли сыграть значительную роль в возрождении арабов и укрепить их связи с русским народом.

После начала Первой мировой войны и революции 1917 года религиозные связи России с Ближним Востоком были прерваны, закрыты школы Палестинского общества. Однако интерес к арабскому миру остался, а русско-арабские отношения начали выстраиваться на другой идеологической основе. Несмотря на то что в советских вузах продолжали работать востоковеды, которые были раньше членами ИППО, а также арабы – выпускники русских духовных школ, религиозный аспект русско-арабских отношений исследователями почти не затрагивался. В этот период изучение культурных связей России с арабским миром стало прерогативой ученых-востоковедов.

Впервые вопрос о существовании русско-арабских культурных связей (в частности в науке и литературе) был поставлен в советский период академиком А. Е. Крымским и И. Ю. Крачковским. Ученые не раз касались этой темы в своих трудах. Однако отдельных работ о русско-арабских научных связях они не оставили.

Подобно историкам XIX века, И. Ю. Крачковский и А. Е. Крымский были свидетелями интенсивного развития русско-арабских отношений. Оба знали живой Арабский Восток, принимали участие в деятельности ИППО. Кроме того, они

лично внесли огромный вклад в развитие русско-арабских научных связей. Выдающиеся ученые тесно общались с арабскими коллегами, работавшими в России. Так, А. Е. Крымский в студенческую пору учился у сирийцев Г. А. Муркоса и М. О. Аттая, с последним он долгие годы сотрудничал в Лазаревском институте. После кончины Г. А. Муркоса в 1911 году Крымский написал некролог, где осветил основные вехи педагогической и научной деятельности арабского профессора в Москве⁸. Объемный массив фактов русско-арабских культурных связей А. Е. Крымский изложил в своем фундаментальном труде по истории новой арабской литературы [11]. Данные факты имеют большую ценность в связи с использованием личного архива и материалов мемуарного характера. В своей работе автор уделил особое внимание постановке арабского образования, а также русским духовным и просветительским учреждениям на Ближнем Востоке. Говоря о русском культурном влиянии в Сирии и Палестине, он указывал, что начало его восходило к 1840-м годам, когда была открыта Русская духовная миссия в Иерусалиме [11: 294]. Надо сказать, что ученый неоднозначно оценивал первые просветительские меры миссии, обращая внимание на то, что в ее школьных программах делался упор на церковное образование. Важнейшей вехой в истории развития русско-арабских взаимоотношений А. Е. Крымский считал основание ИППО и его школьную деятельность. Несмотря на развитую сеть школ и наличие двух семинарий, ИППО не создало на Ближнем Востоке русского университета, в чем А. Е. Крымский видел существенный недостаток его образовательной системы [11: 311]. В целом ученый положительно оценивал просветительскую деятельность ИППО, результатом которой было знакомство арабов с русской культурой. Крымский был одним из немногих советских востоковедов, кто писал о влиянии школьной деятельности общества на арабское культурное возрождение. Вместе с тем он собрал и обобщил сведения о церковных и общественных деятелях-арабах, чья жизнь была связана с Россией.

Большой вклад в изучение русско-арабских научных связей внес И. Ю. Крачковский. Подобно А. Е. Крымскому, он несколько лет провел на Ближнем Востоке, где познакомился с казанским востоковедом П. К. Жузе, а также будущим советским арабистом Кульсум Наср Оде (впоследствии К. В. Оде-Васильева). Вернувшись в Россию, Крачковский опубликовал статью, в которой коснулся культурных взаимоотношений России и Арабского Востока. Чуть позже он начал собирать материалы о шейхе Тантави, о котором впоследствии написал монографию⁹. В своей работе он подробно писал о жизни, научной и педагогической деятельности египетского ученого в Каире и Петербурге, его вкладе в российское востоковедение. Монография И. Ю. Крачковского о шейхе Тантави была первой и долгое вре-

мя единственной фундаментальной работой об арабском ученом в России. В другом своем труде, посвященном истории российской арабистики, И. Ю. Крачковский писал о некоторых арабских преподавателях, которые жили и работали в России [10]. При этом ученый не ограничился упоминанием их имен, но сообщил сведения об их биографии, научно-педагогической деятельности. По мнению И. Ю. Крачковского, после шейха Тантави в дореволюционной России не было столь одаренного ученого араба. Тем не менее он признавал заслуги Г. А. Муркоса, П. К. Жузе, М. О. Аттая и других арабских ученых и педагогов [10: 197]. Писал И. Ю. Крачковский и о своей коллеге К. В. Оде-Васильевой, которая считала его своим другом и наставником [14: 130]. Надо сказать, что сама К. В. Оде-Васильева с глубокой благодарностью вспоминала педагогов и школы ИППО, где она училась [13].

Важное место в историографии русско-арабских культурных связей занимают монографии Б. М. Данцига, посвященные русским путешественникам на Ближнем Востоке [5], а также истории изучения данного региона в России [4]. В своих работах ученый изложил интересные факты, позволяющие отнестись к возникновению русско-египетских научных контактов к первой половине XIX века. В частности, Б. М. Данциг упомянул о приглашении русских ученых (Е. П. Ковалевского, П. А. Чихачева, А. А. Рафаловича) ко двору правителя Египта Мухаммеда Али, а также отправке египетских инженеров на Урал для обучения горному делу [5: 189].

Ценные сведения о научно-образовательных контактах России с Арабским Востоком содержатся в монографии А. П. Базиянца, посвященной истории Лазаревского института [1]. Рассматривая историю становления востоковедения в этом учреждении, он посвятил несколько страниц преподававшим там арабам: Г. А. Муркосу и М. О. Аттае. Если Г. А. Муркос, по мнению автора, был слишком увлечен религиозно-общественной деятельностью, которая мешала его научной карьере, то М. О. Аттая все свое время посвящал педагогической и научной работе. Интересные факты об М. О. Аттае и его научном сотрудничестве с А. Е. Крымским приводятся в очерке историка-арабиста И. М. Смилянской, посвященном востоковедной деятельности выдающегося русского ученого [18].

Таким образом, в советский период ученые исследовали и обобщили огромный фактологический материал о русско-арабских культурных и научных связях, наметив дальнейшие пути их исследования.

После распада СССР проблема научно-просветительских контактов России с Ближним Востоком стала рассматриваться с различных сторон. С одной стороны, ею продолжали заниматься арабисты, изучавшие историю востоковедения, с другой – исследователи, обратившиеся к изучению темы религиозных взаимоотношений

России со Святой землей, которая в постсоветский период вновь стала актуальной. Среди работ, посвященных культурно-религиозным связям России с Ближним Востоком, следует выделить монографию востоковеда И. А. Воробьевой, в которой рассматривается деятельность Русских духовных миссий и ИППО в Святой земле [3]. Автор отмечает, что, хотя учреждение русских миссий на Ближнем Востоке было продиктовано политическими и религиозными задачами, им удалось добиться намного большего. Прежде всего это касается просветительской деятельности ИППО, которая оказала огромное влияние на развитие русско-арабских связей и способствовала росту авторитета России и русских на Ближнем Востоке.

Проблемы русского духовного и дипломатического присутствия в Святой Земле в XIX – начале XX века рассматриваются в монографии Н. Н. Лисового [12]. Отдельную главу своей работы автор посвятил просветительской деятельности ИППО, где рассказывается об организации русского школьного дела на Востоке. Среди основных проблем, с которыми обществу пришлось столкнуться в учебно-просветительской работе, он отмечает текучку русских педагогических кадров, а также недостаточную квалификацию арабских учителей [12: 199]. Тем не менее Н. Н. Лисовой указывает на важную роль педагогов-арабов в организации учебного процесса [12: 200]. Очевидным достоинством работ Воробьевой и Лисового является то, что они основаны на результатах тщательного исследования архивных и мемуарных материалов, что позволило ученым объективно оценить вклад просветительской деятельности ИППО в развитие русско-арабских культурных связей.

Непосредственно духовным и образовательным контактам России с православным Востоком посвящена статья Н. Ю. Сухой, в которой рассказывается об арабах, обучавшихся в русских духовных школах [20]. В ряду выпускников духовных академий автор статьи называет византиста и церковного деятеля Герасима (Яреда), востоковедов Т. Г. Кезму и П. К. Жузе. Особо Н. Ю. Сухова отмечает научный вклад, сделанный выпускниками-арабами в изучение истории христианства на Ближнем Востоке, а также истории восточных церквей. В основном автора интересуют арабские выпускники, которые продолжили служение церкви, способствовали развитию духовного просвещения своих соотечественников, а также укреплению взаимодействия Русской церкви с восточными патриархатами. Она отмечает, что, если бы религиозные связи с Ближним Востоком не были прерваны, научно-просветительская деятельность служителей церкви, получивших образование в России, могла бы способствовать взаимодействию с русскими учеными в области востоковедения, церковной истории, а также библейской археологии.

В другом ряду работ, содержащих интересные сведения о русско-арабских научных и образовательных контактах, находятся исследования исто-

риков и востоковедов, изучавших жизнь, педагогическую деятельность и научное наследие арабских ученых в России. Интересные факты о жизни некоторых из них содержатся в биографии академика И. Ю. Крачковского, написанной его ученицей А. А. Долининой [6]. Рассказывая о жизни выдающегося русского востоковеда и его научно-педагогической деятельности, автор упоминает преподавателей-арабов (А. Хашаба, П. К. Жузе, К. В. Оде-Васильеву), с которыми И. Ю. Крачковский непосредственно общался. Изучив мемуары и архивные материалы, А. А. Долинина пишет о неизвестных ранее фактах их дружеских и профессиональных взаимоотношений [6: 288].

Комплексно рассмотрела деятельность арабских ученых в России и проанализировала их вклад в отечественную науку московский арабист С. А. Кириллина [8]. В своей статье она указывает, что приглашение лекторов восточного происхождения (как христиан, так и мусульман) было связано с развитием российского востоковедения, а также растущим интересом русского правительства к Ближнему Востоку. Рассмотрев основные этапы жизни и научной деятельности русских арабов в дореволюционный период, автор пришла к выводу, что они «не только содействовали формированию системы отечественного образования... но и всемерно способствовали развитию научных и культурных контактов между Россией и арабским миром» [8: 146].

О неугасающем интересе отечественных востоковедов к арабским ученым в России свидетельствует сборник статей, опубликованный к 200-летию со дня рождения шейха Тантави. В издание вошли статьи ведущих петербургских востоковедов (Н. Н. Дьякова, А. А. Долининой, О. Б. Фроловой) и других авторов, посвященные жизни и научной деятельности египетского ученого. Выход в свет данного сборника говорит о глубоком уважении и признании современными арабистами вклада шейха Тантави в русское востоковедение [16].

В 2012 году в Казани была выпущена коллективная монография М. А. Кострюкова, М. З. Хабибуллина о другом арабском ученом – Пантелеймоне Крестовиче Жузе [9]. Исследуя его биографию и научно-педагогическую деятельность, авторы указывают, что именно в России он сформировался как ученый, имя которого стало широко известно [9: 190]. Весомым вкладом авторов в изучение русско-арабских контактов в сфере науки и образования было исследование общественной, просветительской и научно-популяризаторской деятельности П. К. Жузе на Ближнем Востоке.

О русско-арабских научных и образовательных контактах упоминается в работах Н. Н. Дьякова [7] и Т. М. Сипенковой [17], писавших об историко-культурном взаимодействии России с Арабским Востоком и Западом в Новое время. Русско-арабские культурные и научные связи (как в дореволюционный, так и в советский и постсоветский периоды) рассматриваются также в статье А. Б. Подцероба [15].

Таким образом, историографическая традиция русско-арабских культурных связей насчитывает более ста лет. Обращение исследователей к этой теме было вызвано политическими и религиозными причинами. У истоков изучения культурных связей в дореволюционный период стояли историки, рассмотревшие в своих трудах проблему исторического призвания России в Святой земле, духовные связи с восточными церквями, а также первые результаты просветительской деятельности ИППО. При этом основное внимание исследователей сконцентрировалось на религиозном аспекте взаимоотношений, что было обусловлено их мировоззрением, а также внешнеполитическим курсом Российской империи. Особенность исследований культурных связей России с Арабским Востоком, написанных в XIX – первой половине XX века, заключалась в том, что их авторы не только изучали различные аспекты русско-арабских взаимоотношений, но и активно содействовали их развитию. В советский период ученые сосредоточились на изучении научно-образовательных и литературных контактов

и связей. Уделяя особое внимание деятельности ученых-арабов в России, советские исследователи старались не акцентировать внимание на их связях с православным Востоком, что не всегда позволяло рассмотреть научно-образовательные контакты в широком историческом контексте. Современный этап изучения русско-арабских связей в науке и образовании включает в себя различные подходы. В целом современные историки внесли большой вклад в исследование просветительской деятельности русских духовных миссий и ИППО, а также их влияния на развитие русско-арабских культурных связей. Тем не менее фокусирование на религиозном аспекте приводит некоторых ученых к более узкой трактовке русско-арабского взаимодействия. В последнее время появилось несколько работ, посвященных арабским ученым в России, которые имеют особое значение как для изучения истории русского востоковедения, так и истории русско-арабских научных контактов. Между тем всестороннее исследование русско-арабских научных и образовательных связей требует применения комплексного подхода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Успенский П. Путешествие по Египту и в монастыри святого Антонина Великого и преподобного Павла Фивейского в 1850 г. Архимандрита Порфирия Успенского. СПб.: Тип. Акад. Наук, 1856. 294 с. С. 77.
- ² Там же. С. 255.
- ³ Муркос Г. А. Интересы России в Палестине. М.: Университетская типография (М. Катков), 1882. 14 с.
- ⁴ Там же. С. 6.
- ⁵ Соловьев М. П. Историческое призвание России в Святой Земле. Тобольск: Губернская типография, 1894. 33 с.
- ⁶ Дмитриевский А. А. Императорское православное палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907). СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1907. 334 с.
- ⁷ Там же. С. 301, 307.
- ⁸ Некролог Г. А. Муркоса // Древности восточные. Труды Восточной комиссии Императорского московского археологического общества. М.: Типография крестного календаря А. Гатцука, 1913. Т. 4. С. 69–77.
- ⁹ Крачковский И. Ю. Шейх Тантави профессор С.-Петербургского университета (1810–1861). Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1929. 136 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базилянц А. П. Лазаревский институт восточных языков в истории отечественного востоковедения. М.: Наука, 1973. 224 с.
2. Бартольд В. В. Сочинения: В 9 т. Т. 9: Работы по истории востоковедения. Обзор деятельности факультета восточных языков. М.: Наука, 1977. 968 с.
3. Воробьева И. А. Русские миссии в Святой земле в 1847–1917 годах. М.: ИВ РАН, 2001. 174 с.
4. Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М.: Наука, 1973. 432 с.
5. Данциг Б. М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М.: Мысль, 1965. 272 с.
6. Долинина А. А. Невольник долга. (Биография И. Ю. Крачковского). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. 459 с.
7. Дьяков Н. Н. Россия и страны Магриба: историко-культурные контакты в Новое время // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 176–203.
8. Кириллина С. А. Арабские ученые в России (XIX – начало XX столетия) // Восхваление: Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается. М.: Ключ – С., 2008. С. 145–165.
9. Кострюков М. А., Хабибуллин М. З. Пантелеймон Крестович Жузе (1870–1942): востоковед, исламовед и общественный деятель. Казань: ЯЗ, 2012. 224 с.
10. Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л.: АН СССР, 1950. 299 с.
11. Крымский А. Е. История новой арабской литературы. М.: Наука, 1971. 794 с.
12. Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX века. М.: Индик, 2006. 512 с.
13. Оде-Васильева К. В. Взгляд в прошлое // Палестинский сборник. М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 13 (76). С. 171–176.
14. Оде-Васильева К. В. Мои воспоминания об академике И. Ю. Крачковском // Палестинский сборник. М.; Л.: Изд. Академии наук СССР, 1956. Вып. 2 (64–65). С. 127–136.
15. Подцероб А. Б. Россия – арабский мир: культурные и научные связи // Азия и Африка сегодня. 2013. № 4. С. 59–62.
16. Россия и Арабский мир: к 200-летию профессора Санкт-Петербургского университета Шейха ат-Тантави (1810–1861): Материалы конференции / Отв. ред. Н. Н. Дьяков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. 302 с.
17. Сипенкова Т. М. Россия и Арабский Восток: этапы историко-культурного взаимодействия // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 143–175.
18. Смилянская И. М. Очерк востоковедной деятельности А. Е. Крымского // Письма из Ливана. М.: Наука, 1975. С. 303–338.

19. Соловьев М. П. Святая Земля и Императорское Православное Палестинское общество. М.: Индик, 2012. 248 с.
20. Сухова Н. Ю. Уроки взаимности. Сирийские и палестинские студенты в российских духовных академиях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ippo.ru/history/school/int/4/> (дата обращения 15.05.2016).

Smirnova E. V., Institute of Oriental Studies of RAS (Moscow, Russian Federation)

THE RUSSIAN-EAST ARAB SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL RELATIONSHIPS IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES: STUDY HISTORY

Applying the problem-chronological method the author identifies the main approaches to the study of the Russian-Arab scientific and educational relationships. Before the 1917 Russian revolution, the national scholars explored the problems in response to political and religious interests of Russia in the Middle East. The researchers P. Uspenskiy, G. A. Murkos, M. P. Solov'ev, A. A. Dmitrievskiy pointed to the existence of historical ties between Russia and the Holy Land, paying particular attention to the period of Arab enlightenment. During the Soviet period Russian orientalists concentrated on the study of secular contacts. A. E. Krymskiy, I. Yu. Kratchkovskiy, B. M. Dantsig, A. P. Bazyants summarized factual materials on scientific relationships (particularly Arab scholars and teachers in Russia) and outlined ways of further investigation. In the post-Soviet period, two basic approaches to the study of the Russian-Arab relations in the sphere of science and education prevailed. On the one hand, these were the works focusing on religious and cultural relationships between Russia and the Holy Land (I. A. Vorob'eva, N. N. Lisovoy, N. Yu. Sukhova), on the other hand, the works were focused on the study of biographies and scientific achievements of the Arab scholars in Russia (S. A. Kirillina, M. A. Kostriukov, M. Z. Habibullin). In recent times, Russian scholars have made a significant contribution to the exploration of the Russian-Arab relations both scientific and educational. The author of the article is convinced that a further comprehensive study of the problem involves employment of the combination of scientific approaches.

Key words: historiography, Russian-Arab relations, Arab scholars, Imperial Orthodox Palestinian Society, Oriental Studies

REFERENCES

1. Bazyants A. P. *Lazarevskiy institut vostochnykh yazykov v istorii otechestvennogo vostokovedeniya* [Lazarev institute of Oriental Languages through the History of National Orientalism]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 224 p.
2. Bartold V. V. *Sochineniya: V 9 t. T. 9: Raboty po istorii vostokovedeniya. Obzor deyatel'nosti fakul'teta vostochnykh yazykov* [9 volume works. Vol. 9: Works on Oriental Studies. Overview on the faculty of Oriental languages performance]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 968 p.
3. Vorob'eva I. A. *Russkie missii v Svyatoy zemle v 1847–1917 godakh* [Russian missions in Holy Land in 1847–1917]. Moscow, IV RAN Publ., 2001. 174 p.
4. Dantsig B. M. *Blizhniy Vostok v russkoy nauke i literature (dooktyabr'skiy period)* [The Middle East in Russian Science and Literature (the pre-October period)]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 432 p.
5. Dantsig B. M. *Russkie puteshestvenniki na Blizhnem Vostoke* [Russian Travelers in the Middle East]. Moscow, Mysl' Publ., 1965. 272 p.
6. Dolinina A. A. *Nevol'nik dolga. (Biografiya I. Yu. Krachkovskogo)* [Hostage of duty (I. Yu. Krachkovsky biography)]. St. Petersburg, Tsentr "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ., 1994. 459 p.
7. D'yakov N. N. Russia and the Maghreb countries: historical and cultural contacts in the Modern period [Rossiya i strany Magriba: istoriko-kul'turnye kontakty v Novoe vremya]. *Rossiya i Vostok: fenomenologiya vzaimodeystviya i identifikatsii v Novoe vremya*. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2011. P. 176–203.
8. Kirillina S. A. Arab Scholars in Russia (XIX – early XX century) [Arabskie uchenye v Rossii (XIX – nachalo XX stoletiya)]. *Voskhvalenie: Isaaku Moiseevichu Fil'shtinskomu posvyashchaetsya*. Moscow, Klyuch – S Publ., 2008. P. 145–165.
9. Kostriukov M. A., Khabibullin M. Z. *Panteleymon Krestovich Zhuze (1870–1942): vostokoved, islamoved i obshchestvennyy deyatel'* [Panteleimon Krestovich Juze (1870–1942) orientalist, Islamic scholar and public figure]. Kazan, YaZ Publ., 2012. 224 p.
10. Kratchkovskiy I. Yu. *Ocherki po istorii russkoy arabistiki* [An outline of Russian Arabic Studies History]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1950. 299 p.
11. Krymskiy A. E. *Istoriya novoy arabskoy literatury* [History of modern Arabic Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 794 p.
12. Lisovoy N. N. *Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoy zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX veka* [Russian spiritual and political presence in the Holy Land and in the Middle East in the 19th and early 20th century]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 512 p.
13. Ode-Vasil'eva K. V. Retrospective view [Vzglyad v proshloe]. *Palestinskiy sbornik*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. Issue 13 (76). P. 171–176.
14. Ode-Vasil'eva K. V. My memories about academician Krachkovsky [Moi vospominaniya ob akademike I. Yu. Krachkovskom]. *Palestinskiy sbornik*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1956. Issue 2 (64–65). P. 127–136.
15. Podtserob A. B. Russia – the Arab world: cultural and scientific links [Rossiya – arabskiy mir: kul'turnye i nauchnye svyazi]. *Aziya i Afrika segodnya*. 2013. № 4. P. 59–62.
16. *Rossiya i Arabskiy mir: k 200-letiyu professora Sankt-Peterburgskogo universiteta Sheykha at-Tantavi (1810–1861): materialy konferentsii* [Russia and the Arab World: dedicated to the 200th anniversary of Shaikh Muhammad Ayyadh At-Tantawi (1810–1861): Abstracts and papers]. Gen. editor N. N. D'yakov. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2010. 302 p.
17. Sipenkova T. M. Russia and the Middle East: stages of historical and cultural interaction [Rossiya i Arabskiy Vostok: etapy istoriko-kul'turnogo vzaimodeystviya]. *Rossiya i Vostok: fenomenologiya vzaimodeystviya i identifikatsii v Novoe vremya*. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2011. P. 143–175.
18. Smilyanskaya I. M. Essay on A. E. Krymskiy Oriental activity [Ocherk vostokovednoy deyatel'nosti A. E. Krymskogo]. *Pis'ma iz Livana*. Moscow, Nauka Publ., 1975. P. 303–338.
19. Solov'ev M. P. *Svyataya Zemlya i Imperatorskoe Pravoslavnoye Palestinskoe obshchestvo* [The Holy Land and The Imperial Orthodox Palestine Society]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 248 p.
20. Sukhova N. Yu. *Uroki vzaimnosti. Siriyskie i palestinskie studenty v rossiyskikh dukhovnykh akademiakh* [The Lessons of Reciprocity. Syrian and Palestinian students in the Russian Theological Academies]. Available at: <http://ippo.ru/history/school/int/4/> (accessed 15.05.2016).

Поступила в редакцию 24.04.2017

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, директор Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

verigin@petrsu.ru

ЗАСЕЛЕНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ г. СОРТАВАЛЫ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ В 1940–1941 ГОДАХ

На основе анализа широкого круга опубликованных и архивных источников рассматривается процесс заселения и экономического освоения г. Сортавалы и его окрестностей в 1940–1941 годах. В ходе этого процесса одной из самых острых проблем являлась кадровая проблема, которую решали за счет массового переселения жителей из других регионов страны. Весной 1940 года по всей стране началась вербовка специалистов на предприятия и учреждения новых районов Карело-Финской ССР. Если, несмотря на все объективные трудности, процесс восстановления промышленности, транспорта и связи в Северном Приладожье Карело-Финской ССР шел в целом достаточно успешно, то значительно сложнее обстояли дела в аграрной сфере. Определенное место отводится исследованию вопроса адаптации переселенцев из различных регионов СССР на бывших финских территориях. Значительную их часть представляли белорусы из Белорусской ССР. Судя по воспоминаниям переселенцев-белорусов, основной причиной их переселения в КФСР являлись тяжелые условия жизни в Белоруссии. В статье делается вывод, что времени для полного заселения и освоения Северного Приладожья, включая Сортавалу и ее окрестности, не хватило. Этот процесс был прерван начавшейся летом 1941 года войной между СССР и Финляндией.

Ключевые слова: Карело-Финская ССР, г. Сортавала, бывшие финские территории, заселение, экономическое освоение, переселенцы, адаптация населения

Вопросы заселения и освоения бывших финских территорий, отошедших к СССР от Финляндии в результате Зимней войны 1939–1940 года, не нашли еще полного освещения в российской исторической литературе. До середины 1980-х годов, исходя из идеологических соображений, они отражались лишь в самом общем виде в связи с другими проблемами [9: 319–328], [10: 306–321]. Кроме того, исследователям был недоступен весь комплекс документов по этим вопросам. В конце 1980-х – 1990-е годы публикуются первые работы по данной проблеме, которые носили в основном публицистический характер [1], [11]. И только с начала 2000-х годов стали появляться научные исследования [2], [4], защищаться диссертации [3], [7], [12], в которых освещались различные аспекты процесса заселения и экономического освоения бывших финских территорий после Зимней войны. Однако основное внимание в этих работах уделено процессам заселения и экономического освоения Карельского перешейка. В какой-то мере это и понятно: авторы, занимающиеся этими проблемами, проживают в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Данные процессы в Северном Приладожье, включая Сортавалу и ее окрестности, которое отошло к новой союзной республике – Карело-Финской ССР, остаются за рамками исследований.

Реализация российско-финляндского проекта по истории Сортавалы в определенной мере

должна закрыть эту историографическую проблему. Значение проекта видится и в том, что история Сортавалы будет написана совместно российскими и финляндскими историками с привлечением опубликованных и архивных документов как России, так и Финляндии.

По итогам Советско-финляндской (Зимней) войны 12 марта 1940 года был заключен Московский мирный договор, по которому к Советскому Союзу отходили районы Северного и Западного Приладожья и весь Карельский перешеек. Новая граница была отодвинута на северо-запад гораздо дальше той линии, до которой дошла Красная армия к концу Зимней войны. Переданные территории составляли примерно 11,1 % от площади Финляндии и 0,22 % от площади СССР [12: 29]. В целом Финляндия утратила восьмую часть полей и лесов, до трети водных ресурсов, пятую часть торговых путей и промышленности [8: 29, 362]. Численность населения территорий, отошедших к СССР, к началу Зимней войны составляла почти 450 тыс. человек, или около 12 % всего населения страны [12: 30]. Практически все финское население переселилось на запад, за новую границу, так что доставшаяся СССР территория оказалась без жителей.

В Северном Приладожье, отошедшем к Советскому Союзу, находилось 419 сел и очень много старых церквей, часовен и скитов. На острове Валаам в северной части Ладожского озера

располагался Валаамский монастырь, который также отошел к СССР. На Северном побережье Ладожского озера находился основанный в 1634 году город Сортавала. Он быстро развивался благодаря торговле с Восточной Финляндией и Беломорьем. Строительство Карельской железной дороги от Выборга до Сортавалы через Йозенсуу в 1894 году усилило экономический расцвет города.

31 марта 1940 года решением высшего законодательного органа СССР – VI сессии Верховного Совета СССР большая часть бывших финских территорий, включая Сортавалу и ее окрестности, вошла в состав новой союзной республики – Карело-Финской ССР¹. Эти территории вносили значительный экономический вклад в народное хозяйство созданной КФСР. Оценивая новое приобретение, зам. председателя СНК КФСР П. В. Соляков в июле 1940 года заявил, что «эта сравнительно небольшая территория – лишь 34,8 тыс. кв. км (без водных пространств), но экономическое значение этих районов исключительно большое»².

Заселение и экономическое возрождение этих территорий должен был возглавить аппарат партийных, советских и хозяйственных организаций. Летом 1940 года было образовано 7 новых районов, включая Сортавальский. Функции органов государственной власти в этих районах первоначально были возложены на созданные сразу после войны Временные управления. Они обязаны были «создать на территории этих районов нормальные условия жизни и обеспечить пуск находящихся там промышленных и культурно-бытовых предприятий» до выборов в местные Советы депутатов трудящихся. Председателем Временного управления г. Сортавалы был назначен С. М. Максимов, а Сортавальского района – А. И. Романов³ [12: 37].

В сентябре 1940 года ЦК КП(б) КФСР принял решение о проведении выборов в партийные и советские органы во вновь организованных районах Карелии⁴. В них прошли первые партийные конференции, которые подвели итоги работ по освоению этих территорий, определили задачи партийных организаций на будущее и избрали районные и городские комитеты КП(б) КФСР. Первым секретарем Сортавальского городского комитета партии стал Н. А. Богданов, а Сортавальского районного комитета партии – М. В. Каджиев. В декабре 1940 года состоялись выборы в районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся КФСР. В районах, вошедших в состав Карелии, выборы в местные органы советской власти проводились впервые. Первыми председателями городских и районных Советов депутатов трудящихся стали председатели Временных управлений городов и районов новых территорий: С. М. Максимов (Сортавальский горсовет), А. И. Романов (Сортавальский райсовет) и другие⁵.

В процессе экономического освоения бывших финских территорий одной из самых острых проблем являлась кадровая проблема. На этих территориях практически не осталось местного населения. По архивным документам, всего немногим более 150 бывших граждан Финляндии пожелали остаться в СССР, в основном по идейным соображениям [6: 100]. Для них был установлен особый порядок получения гражданства СССР. Им после подачи заявлений автоматически выдавались советские паспорта. Практически все они направили письма в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о предоставлении им советского гражданства. Некоторые из них проживали до войны в Сортавале. Приведем одно из таких характерных писем:

«В Президиум Верховного Совета СССР
от финской гражданки, оставшейся
на территории Советского Союза,
Лемби-Мария Тухканен
г. Сортавала
19 мая 1940 г.

Заявление

Я осталась на территории Советского Союза 22 марта 1940 г., исходя из моих истинных убеждений. В мирное время, а также во время войны я испытала много обид и несправедливости в Финляндии.

Прошу Президиум Верховного Совета СССР принять меня в подданство Советского Союза и дать мне гражданские права как гражданке СССР.

У моих детей есть желание учиться и развиваться. Здесь у них есть на это все возможности, чего нет в Финляндии. Поэтому, как мать, я уважаю ту страну, где нет классовых ограничений и всем людям дается право учиться.

Лемби Тухканен» [6: 100].

Данные факты широко использовались в советской пропаганде, но, естественно, не могли решить проблему трудовых ресурсов. Проблему с населением в присоединенных районах новой союзной республики руководство СССР предполагало решить за счет массового переселения жителей из других регионов страны. Опыт такой переселенческой политики уже был накоплен в 1920–1930-е годы.

Весной 1940 года по всей стране началась вербовка специалистов на предприятия и учреждения новых районов Карело-Финской ССР. Она проходила под руководством обкомов и горкомов ВКП(б). Уже в апреле 1940 года Временные управления этих районов были завалены потоком писем и телеграмм от добровольцев, желавших работать на бывших финских территориях. В итоге их стало так много, что комиссии по регулированию организационного набора рабочих при СНК КФСР пришлось разьяснять, что «направление на работу в новые районы производится только путем отбора необходимых квалификаций непосредственно на действующих предприятиях и учреждениях» и что все поступившие в комиссию заявления отправлены руководителям предприятий и учреждений, где работает заявитель. После этого поток добровольцев в города на промышленные предприятия

уменьшился, но это не означало, что завершилась кампания по вербовке рабочей силы. Наоборот, она только усилилась, но шла планомерно, в соответствии с запросами того или иного Временного управления [11: 28].

Вопросы освоения новых территорий были в центре внимания руководства страны и партии. СНК СССР и ЦК ВКП(б) считали, что ведущая роль в хозяйстве этих районов принадлежит лесной и целлюлозно-бумажной промышленности. В этой связи значительное внимание уделялось фанерной фабрике и лесозаводу в Сортавале, деревообрабатывающему комбинату и мебельной фабрике в Хелюля (6,4 км от Сортавалы) [11: 28]. Уже к началу 1941 года они стали выдавать продукцию.

Экономический Совет при СНК СССР 8 мая 1940 года принял постановление № 647 «Об организации лесозаготовок в районах Карело-Финской ССР, отошедших к СССР от Финляндии»⁶. Согласно ему, в Сортавале был организован трест «Сердобольлес» в структуре Наркомлеса СССР, задачей которого стало обеспечение лесопродукцией целлюлозно-бумажных комбинатов, лесопильных и фанерных заводов, мебельных фабрик, а также снабжение круглым лесом всех предприятий, расположенных на территории Карело-Финской ССР. К июлю 1940 года в составе этого треста насчитывалось 7 леспромхозов (Ляскельский, Питкярантский, Салминский, Настеньярвский, Лахденпохский, Суоярвский и Лоймольский), в которых трудилось около 1 тыс. рабочих.

Важное значение для развития экономики новой союзной республики – КФССР приобретали предприятия промышленности строительных материалов и горнодобывающей отрасли, которые находились на бывших финских территориях. Уже к июлю 1940 года были пущены в строй несколько предприятий, в том числе кирпичный завод близ Сортавалы. Начались разработки Рускеальского мраморного карьера и восстановление построенного на его базе известкового завода.

Для обеспечения населения новых районов услугами необходимо было развивать промкооперацию. Уже в апреле 1940 года Карелпромсовет начал проводить работу по восстановлению предприятий этой отрасли. В Сортавале был создан разнотропный союз, который сразу же наметил план организации сети разнотропных артелей: швейно-трикотажной, кожевенной, деревообрабатывающей, строительной и пищевой с цехами хлебопечения, производства воды, маслосемянным и сыроваренным производством. Он же должен был открыть в новых районах парикмахерские, фотоателье, часовые мастерские, мастерские металлических изделий и другие [12: 86].

По оценке правительства КФССР, для развития рыбной промышленности новых районов сюда необходимо было переселить 2 тыс. рыбаков и примерно 500 рабочих для обработки рыбы⁷. Рыбтресту Наркомата рыбной промышленности республики был передан весь сохранившийся промысловый флот, судоремонтные мастерские,

склады, орудия лова и другое оборудование. Уже в апреле 1940 года эта организация начала сбор инвентаря, восстановление и освоение всего рыбацкого хозяйства, прежде всего в Сортавале. Для укрупнения бригад рыбаками Наркомат рыбной промышленности СССР начал производить вербовку за пределами Карелии, а Рыбтрест – в Беломорском районе республики.

Летом 1940 года в районе Сортавалы началась организация райрыбхозов, которые занимались вербовкой рыбаков и созданием рыболовецких хозяйств. В конце августа 1940 года в район Северного Приладожья из Астрахани и Кубани прибыли первые 140 рыболовецких семей. К сентябрю 1940 года их количество выросло до 300 семей. К этому времени в данном районе было создано 4 крупных рыболовецких колхоза: «Ленинский путь» (62 хозяйства) и «Маяк социализма» (35 хозяйств) разместились на острове Тулон близ Сортавалы; третий – «Красный кубанец» (102 хозяйства) располагался на острове Мантсинсаари в Питкярантском районе; четвертый – им. 50-летия т. Сталина находился на острове Сарола в Куркийокском районе⁸. Этим хозяйствам предстояло осваивать рыбные богатства Северного Приладожья. У основной массы новых колхозников-рыбаков имелся богатый опыт рыбодобычи в Каспийском и Азовском морях, они хорошо владели орудиями лова.

Для обслуживания этих колхозов Наркомат рыбной промышленности КФССР организовал вблизи Сортавалы Северо-Ладжскую моторно-рыболовецкую станцию, а для обработки рыбы были открыты три рыбозавода, имевшие несколько приемных пунктов в местах лова.

В создании рыболовецких хозяйств не обошлось без трудностей. Многочисленные проблемы в организации лова и хозяйственном устройстве переселенцев приводили к большому количеству жалоб с их стороны, а 30 семей из колхоза «Красный кубанец» и вовсе выехали на прежнее место жительства⁹. Данные случаи негативно влияли на дальнейшее проведение вербовки и переселения рыбаков из Азово-Черноморского региона в Карелию. Но в целом весной 1941 года рыболовецкие колхозы начали полноценный вылов рыбы в Ладжском озере.

Пищевая промышленность новых районов имела большое значение для экономики Карелии. В ее состав входили хлебозавод, пивоваренный завод и завод фруктовых вод в Сортавале [12: 91]. Значительная часть этих предприятий в результате военных действий была разрушена, с некоторых из них финны при отступлении увезли оборудование. Но уже к лету 1940 года большинство предприятий этой отрасли было восстановлено и пущено в эксплуатацию.

К концу апреля 1940 года было восстановлено железнодорожное сообщение между Суоярви и Сортавалой. 26 июля 1940 года в Сортавалу прибыл первый прямой пассажирский поезд из Ленинграда и между двумя городами установилось регулярное железнодорожное сообщение.

В межвоенный период был восстановлен порт в Сортавале. В начале сентября 1940 года Северо-Западное пароходство организовало регулярное сообщение между Ленинградом, островом Валаам и Сортавалой¹⁰. В следующем месяце вступил в строй Сортавальский судоремонтный завод.

Связь между столицей КФССР Петрозаводском и новыми районами устанавливалась также посредством автомобильного транспорта. Управление автотранспорта при СНК республики организовало в Сортавале отделение автотранспорта и обеспечило его персоналом и автомашинами. Уже 14 апреля 1940 года было открыто автобусное сообщение по маршруту Петрозаводск – Сортавала протяженностью 301 км.

Вместе с восстановлением автотранспортного хозяйства в новых районах Карело-Финской ССР шло восстановление связи. Связисты телефонизировали крупные промышленные предприятия, сельские Советы, совхозы, смонтировали во всех районных центрах радиоузлы. В Сортавале начала работать первая в республике автоматическая телефонная станция на 800 номеров [12: 100].

Восстанавливали и почтовую связь. Одним из первых открылся почтамт в Сортавале, который уже в апреле 1940 года производил все операции по своему профилю¹¹. Вместе с тем надо отметить, что налаживание связи в новых районах, особенно между поселками, шло очень тяжело. Так, в Сортавальском районе к началу осени 1940 года колхозы почти полностью не обслуживались почтовой связью. К этому времени здесь даже не были намечены пункты почтовых агентств, в результате чего отдаленные от районного центра поселки были лишены возможности вести переписку и получать газеты и журналы [12: 102].

Если, несмотря на все объективные трудности, процесс восстановления промышленности, транспорта и связи в Северном Приладожье Карело-Финской ССР шел в целом достаточно успешно, то значительно сложнее обстояли дела в аграрной сфере. Правительство Карело-Финской ССР в деле сельскохозяйственного возрождения новых районов основное внимание прежде всего уделяло созданию совхозов животноводческого направления для обеспечения городов молоком и мясом. Уже в мае 1940 года Сортавальским Временным управлением в местечке Валеала на месте бывшего помещичьего имения был создан первый

животноводческий совхоз. В июне этого же года в 30 км от Сортавалы близ станции Ляскеля создали еще одно хозяйство – совхоз «Харлу». Рядом с ним располагались два ЦБК, поэтому первоочередной задачей совхоза стало обеспечение рабочих и служащих этих предприятий продукцией животноводства, а также овощами и ягодами. За новым хозяйством закрепили 5000 га земли, из них 1000 га пахотных [12: 106].

В процессе создания совхозов на новых территориях возникали многочисленные трудности. Многие образованные хозяйства не могли сразу приступить к работе, с одной стороны, потому, что жилые и производственные постройки часто были заняты воинскими частями, с другой стороны, Временные управления этих районов в противовес постановлениям ЦК ВКП(б) и СНК СССР нередко самостоятельно принимали решения, отдавая закрепленные за совхозами помещения и постройки другим организациям.

В результате работы по организации совхозов широко развернули только в августе 1940 года, создав 12 совхозов, в том числе Сортавальский № 1 и № 2. Одновременно в течение месяца – с 15 августа по 15 сентября 1940 года – были проведены завоз скота в новые хозяйства и комплектование их руководящими кадрами, специалистами и рабочими [12: 106].

Важнейшим направлением в освоении сельского хозяйства новых территорий стало переселение сюда колхозников из других регионов СССР. Для организации и руководства этой деятельностью по постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 896 «О мероприятиях по восстановлению хозяйства в новых районах Карело-Финской ССР» от 28 мая 1940 года был создан Переселенческий отдел при СНК КФССР. Согласно этому же постановлению, для сельскохозяйственного освоения новых районов планировалось переселить всего 40 тыс. семей, из них в 1940 году – 20 тыс. семей (II квартал – 5 тыс., III квартал – 12 тыс., IV квартал – 3 тыс. семей), в 1941 году – 20 тыс. семей. Переселение колхозников и колхозов намечали произвести из ряда областей и республик Советского Союза: Белорусской ССР, Чувашской, Мордовской и Татарской АССР, Рязанской, Калининской, Смоленской, Орловской, Кировской и Вологодской областей¹². Этим же постановлением определялся план заселения по 7 новым районам республики на 1940 год.

План заселения новых районов Карело-Финской ССР в 1940 году¹³

Район	План на 1940 год	План на II квартал 1940 года	План на III квартал 1940 года	План на IV квартал 1940 года
Выборгский	3500	1000	2200	300
Яский	1800	500	1000	300
Кексгольмский	4000	1200	2200	600
Сортавальский	3600	800	2200	600
Питкярантский	1500	400	1000	100
Суоярвский	3400	600	2000	800
Куркийокский	2200	500	1400	300
Всего	20000	5000	12000	3000

Свою деятельность Переселенческий отдел при СНК КФССР начал с организации и укомплектования кадрами как республиканского отдела, так и отделов при районных Временных управлениях. Первым делом этих отделов стало то, что они послали в области и республики «выхода» представителей от каждого района. Переселение планировали провести в коллективном порядке – путем переселения целых колхозов или групп колхозников.

Для знакомства с условиями ведения хозяйства и выбора земельных участков в новых районах областям и республикам «выхода» предоставлялось право посылать предварительно своих представителей – «ходоков». В подавляющем большинстве «ходоки» сразу же после осмотра земель закрепляли их за своими колхозами [12: 109].

Переселенцам, прибывавшим в колхозы и совхозы новых районов Карелии, Советское государство оказывало определенную помощь. Колхозникам предоставлялась продовольственная ссуда сроком на два года в размере до 3 центнеров на семью. Также переселенческим хозяйствам выделялась семенная ссуда в соответствии с их посевными планами. Бескоровным колхозникам предоставлялся кредит на приобретение коров сроком на пять лет, который погашался начиная со второго года. Кроме этого, колхозники-переселенцы получали ссуду на хозяйственное обустройство в сумме 300 рублей на семью.

Переезжающим в новые районы передавались в собственность оставшиеся дома и надворные постройки с погашением их оценочной стоимости равными частями в течение восьми лет начиная с третьего года после вселения. Вне районов боевых действий после ухода финского населения оставались совершенно неповрежденными целые деревни. Оставившие их хозяева надеялись, что скоро вернутся, и поэтому забирали с собой лишь самое необходимое из того, что были в состоянии вывезти. Практически в каждом хозяйстве имелись многочисленные постройки – амбары, конюшни, коровники, бани, сараи [1: 51]. В результате строиться большинству переселенцев первой волны не было необходимости.

Одна из проблем сельскохозяйственного освоения новых территорий состояла в том, что землепользование здесь было исключительно хуторным. Советская система сельского хозяйства требовала организации коллективного землепользования, которое определяло расселение поселкового типа. Поэтому в присоединенных районах Карелии летом 1940 года была проведена большая работа по определению центров колхозов и по отводу им земель для дальнейшего создания поселений.

В новых районах КФССР планировалось за 1940–1941 годы организовать примерно 500 колхозов и завести около 20 тыс. голов скота. Для обслуживания хозяйств предполагалось создать 25 МТС, в том числе 10 – в 1940 году. Каждая МТС должна была получить по 70 тракторов¹⁴.

В район Сортавалы первые 40 семей колхозников из Белоруссии прибыли 16 июля 1940 года. Один из переселенцев вспоминал: «До нас здесь были посланные нами ходоки. Они осмотрели внимательно места нового нашего жительства, подобрали место для поселения. Мы знали, что финны вырезали весь скот, все хозяйство надо заводить заново. Зная это, мы привезли с собой 16 лошадей, 50 коров, 6 рабочих волов, много свиней и другого скота»¹⁵. Уже к сентябрю 1940 года в Сортавальском районе было создано 64 переселенческих колхоза, которым предварительно дали следующие направления: животноводческо-зерновые – 52; животноводческие – 3, животноводческо-овощные – 26, райсельхозы – 1 и рыболовецкие – 2 [12: 113].

Процесс сельскохозяйственного освоения присоединенных территорий шел очень сложно. Об этом говорят многие докладные записки спецорганов руководству республики. Так, в докладной записке НКВД КФССР от 6 сентября 1940 года отмечалось, что мероприятия по приему переселенцев остаются крайне неудовлетворительными: не хватает автотранспорта для перевозки людей, поезда простаивают, плохо поставлено снабжение переселенцев товарами первой необходимости, недостает жилья и так далее¹⁶.

Основными недостатками в приеме и хозяйственном устройстве колхозников, по мнению председателя СНК КФССР П. С. Прокконена, являлось неумение Переселенческих отделов и райисполкомов в достаточной степени сочетать работу по приему и хозяйственному устройству переселенцев с другими хозяйственными задачами, в результате чего возник ряд трудностей в размещении прибывших колхозников¹⁷. Так, в новых районах к тому времени, как начали прибывать переселенцы, не был закончен учет сохранившихся домов, надворных построек и земельных угодий, что, несомненно, препятствовало четкому проведению заселения.

Имели место и такие факты, когда первую партию приехавших колхозников из одной местности Белоруссии (например, из Могилевской, Витебской и Полесской областей) поселили в Сортавальском районе, а вторую партию с этих же территорий – в Куркийокском районе. Естественно, в подобных ситуациях среди переселенцев начало проявляться недовольство: ведь их фермы и даже часть семей были размещены в Сортавале, а сами колхозники – в Куркийоки. Указанные факты, а также недостаточное проведение во вновь созданных хозяйствах разъяснительной и организационной работы создавали условия, когда колхозники, поселенные в одном месте, самовольно переезжали в другие населенные пункты без ведома Переселенческих отделов, а ряд семей просто исчезли [12: 117].

В процессе переселения были и другие недостатки. Крайне неудовлетворительно проводился отбор колхозников в местах «выхода». В списки переселенцев часто включали людей, которые никогда не работали в сельском хозяйстве и не владели необходимыми специальностями.

В результате они, приезжая на новые места, уходили работать либо на промышленные предприятия, либо в организации, либо возвращались на родину, что, несомненно, тормозило сельскохозяйственное освоение данных территорий.

Значительную часть переселенцев в новые районы КФССР представляли белорусы из Белорусской ССР. По данным белорусских исследователей, в 1940–1941 годах сюда переселилось более 30 тыс. белорусов [5: 47]. Так, в Сортавальский район приехал из Гомельской области тракторист А. Д. Шаколин, удостоенный впоследствии звания Героя Социалистического Труда [5: 47]. Судя по воспоминаниям переселенцев-белорусов, основной причиной их переселения в КФССР являлись тяжелые условия жизни в Белоруссии. Так, известный карельский исследователь В. Н. Бирин в сборнике «Белорусы в Карелии», вышедшем в Петрозаводске в 2016 году, пишет: «Семья моей матери приехала из Белоруссии (д. Хатучи Брагинского района Гомельской области) в Карело-Финскую ССР в сентябре 1940 г. и была размещена в Сортавальском районе в д. Лахденкюля. Для проживания семье, состоявшей из 6 человек, был выделен (хотя и не сразу) отдельный деревянный дом из имеющегося жилого фонда. Каковы были причины переезда? По словам матери и многих наших соседей-белорусов старшего поколения, основная причина – тяжелые условия жизни в колхозах. После обязательных поставок на трудодень колхознику мало что оставалось. Еле сводили концы с концами. Поэтому, когда приехали вербовщики и стали агитировать переехать в “Карело-Финляндию”, многие откликнулись: дескать, хуже не будет, а лучше – очень даже может быть» [5: 356]. И далее он отмечает: «Стала ли жизнь переселенцев на новом месте лучше по сравнению с той, что была в Белоруссии? Мои родные и знакомые положительно отвечают на этот вопрос. Моя мама, например, рассказывала, что впервые белый хлеб она увидела и попробовала только на Финляндском вокзале г. Ленинграда, на пути в Карелию. До конца своих дней она помнила тот его запах.

В Карелии белый хлеб был на столе достаточно часто. Лучше и разнообразнее стала пища, поскольку было личное подсобное хозяйство: возделывали огород и держали скот. Не случайно, после окончания Великой Отечественной войны (в финской историографии – война-продолжение. – С. В.) эвакуированное из Северо-Западного Приладожья белорусское население активно стремилось вернуться в места довоенного вселения. Сделать это было непросто, поскольку местные власти в районах эвакуации, испытывая нехватку рабочих рук, всячески стремились оставить эвакуированных у себя. Мои родные с трудом вернулись в д. Лахденкюля из эвакуации из Кировской области в мае 1945 г.» [5: 356].

Однако намеченный план сельскохозяйственного освоения присоединенных от Финляндии районов в 1940–1941 годах полностью выполнить не удалось. В докладной записке «Об итогах работы по заселению и сельскохозяйственному освоению новых районов за 1940 г. и мероприятиях, проводимых в 1941 г.» от 21 февраля 1941 года председатель СНК КФССР П. С. Прокконен отметил, что «к 1 января 1941 года в КФССР прибыло колхозников-переселенцев: всего хозяйств – 15 305; человек – 68 560, из них трудоспособных – 32 254. Следовательно, намеченный годовой план был выполнен лишь на 76,5 %»¹⁸.

В целом к началу 1941 года общая численность населения в новых районах республики, по данным Статистического управления КФССР, достигла 197 600 человек¹⁹. К этому времени в Сортавальском районе проживало 25 тыс. человек. Сортавала стал крупным промышленным центром Карелии, в нем проживало 12,6 тыс. человек²⁰.

Однако времени для полного заселения и освоения новых территорий, отошедших от Финляндии к СССР после Зимней войны по Московскому мирному договору 12 марта 1940 года, в том числе Северного Приладожья, включая Сортавалу и ее окрестности, не хватило. Этот процесс был прерван начавшейся летом 1941 года войной между СССР и Финляндией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шестая сессия Верховного Совета СССР, 29 марта – 4 апреля 1940 г.: Стенографический отчет. М., 1940. С. 47.

² Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 8. Оп. 2. Д. 3. Л. 22–24.

³ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 168. Л. 153.

⁴ Ленинское знамя. 1940. 7 сентября.

⁵ НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 34. Л. 126–127.

⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 28. Д. 689. Л. 1.

⁷ НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 10. Л. 140.

⁸ Там же. Д. 467. Л. 54.

⁹ Там же. Л. 19.

¹⁰ Ленинское знамя. 1940. 7 сентября.

¹¹ НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 10. Л. 151.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 24. Д. 1911. Л. 25–26.

¹³ НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 195. Л. 24.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 38. Д. 689. Л. 9.

¹⁵ Красная Карелия. 1940. 27 июля.

¹⁶ Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940 гг. / Сост. А. В. Климова, В. Г. Макуров, А. Т. Филатова; Науч. ред. В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1997. С. 318.

¹⁷ НАРК. Ф. 1392. Оп. 7. Д. 5/40. Л. 30.

¹⁸ НАРК. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 5/40. Л. 25.

¹⁹ Архив Президента Российской Федерации (АПРФ). Ф. 3. Оп. 61. Д. 380. Л. 127.

²⁰ НАРК. Ф. 1411. Оп. 2. Д. 1095. Л. 22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашов Е. А. Карельский перешеек: Земля неизведанная. Ч. 1. СПб.: Нива, 1998. 259 с.
2. Большакова Г. И. Заложники новой границы: проблемы заселения и освоения Карельского перешейка в 1940–1960 гг.: Монография / Под ред. д. и. н., проф. И. В. Алексеевой. СПб.: Астерион, 2009. 140 с.
3. Большакова Г. И. Переселенческая политика советского государства и ее реальное воплощение на Карельском перешейке в 1940–1960 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. 621 с.
4. Большакова Г. И. Советский Выборг и Выборгский район: проблемы становления в 1940–1941 гг. / Под ред. д. и. н., проф. И. В. Алексеевой. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2009. 146 с.
5. Белорусы в Карелии. Исследования и материалы. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2016. 462 с.
6. Веригин С. Г., Лайдинен Э. П. Интернированные финны // Север. 1995. № 3. С. 91–102.
7. Герашенко Л. В. Переселенческая политика советского государства на Карельском перешейке: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 220 с.
8. Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. Политическая история. М.: Наука, 1999. 382 с.
9. Очерки истории Карелии. Ч. 2. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1964. 615 с.
10. Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск: Карелия, 1974. 590 с.
11. Степак В. Н., Балашов Е. А. В «новых районах»: Из истории освоения Карельского перешейка, 1940–1941, 1944–1950 гг. СПб.: Нордмедиздат, 2001. 144 с.
12. Смирнова Е. П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. 249 с.

Verigin S. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE SETTLEMENT AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF SORTAVALA CITY AND ITS SUBURBS IN 1940–1941

Based on the analysis of the wide range of previously published materials and archival sources, a process of settlement and economic development of Sortavala city and its suburbs in 1940–1941 is considered in the article. One of the most pressing issues of this process was a problem of qualified personnel. The challenge was solved by the mass migration of people from other regions of the country. In spring of 1940, multiple specialists from all over the country were recruited to work at the enterprises and institutions, which were located in the new regions of the Karelo-Finnish SSR. In spite of all unbiased difficulties, a process of the industry, transport and communications' reconstruction in Northern Priladozhje of the Karelo-Finnish SSR was, all-in-all, successful. The progress in the agrarian sphere was much slower. A special place in the article is given to the question of adaptation of settlers from different regions of the USSR to the new environment of former Finnish territories. The majority of new settlers were Belarusians from the Belarusian SSR. According to the memories of Belarusian settlers, the main reason of their movement to KPSSR was rough living conditions in Belorussia. The author came to a conclusion that the time allotted for the complete settlement and economic development of Northern Priladozhje including Sortavala and its suburbs was not sufficient. The process was interrupted by the war between the USSR and Finland, which began in 1941.

Key words: Karelian-Finnish SSR, Sortavala city, former Finnish territories, settling, economic development, settlers, adaptation of population

REFERENCES

1. Balashov E. A. *Karel'skiy peresheek: Zemlya neizvedannaya* [The Karelian Isthmus: Unexplored land]. Part 1. St. Petersburg, Niva Publ., 1998. 259 p.
2. Bolshakova G. I. *Zalozhniki novoy granitsy: problemy zaseleniya i osvoeniya Karel'skogo peresheyka v 1940–1960 gg.* [Victims of the new border: problems of settling and development of Karelian Isthmus in 1940–1960]: Monography]. Edited by Doctor of Historical Sciences, prof. I. V. Alekseeva. St. Petersburg, Asterion Publ., 2009. 140 p.
3. Bolshakova G. I. *Pereselencheskaya politika sovetskogo gosudarstva i ee real'noe voploshchenie na Karel'skom peresheyke v 1940–1960 gg.: Dis. ... d-ra ist. nauk* [Resettlement policy of the Soviet state and its real implementation on Karelian Isthmus in 1940–1960]. St. Petersburg, 2009. 621 p.
4. Bolshakova G. I. *Sovetskiy Vyborg i Vyborgskiy rayon: problemy stanovleniya v 1940–1941 gg.* [Soviet Vyborg and Vyborg region: problems of formation in 1940–1941]. Edited by the Doctor of Historical Sciences, prof. I. V. Alekseeva. St. Petersburg, Izd-vo SpbGUSE, 2009. 146 p.
5. *Belorusy v Karelii. Issledovaniya i materialy* [Belarusians in Karelia. Researches and materials]. Petrozavodsk, Izd-vo KarNTs RAN, 2016. 462 p.
6. Verigin S. G., Laidinen E. P. Interned Finns [Internirovannye finny]. *Sever*. 1995. № 3. P. 91–102.
7. Gerashchenko L. V. *Pereselencheskaya politika sovetskogo gosudarstva na Karel'skom peresheyke: Dis. ... kand. ist. nauk* [Resettlement policy of the Soviet state on Karelian Isthmus: Candidate's thesis]. St. Petersburg, 2009. 220 p.
8. *Zimnyaya vojna 1939–1940. Kn. 1. Politicheskaya istoriya* [Winter War 1939–1940]. Book 1. Political history]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 382 p.
9. *Ocherki istorii Karelii* [Outline of Karelian History]. Part 2. Petrozavodsk, Karel. kn. izd-vo, 1964. 615 p.
10. *Ocherki istorii Karel'skoy organizatsii KPSS* [Sketches on the history of KPSS Karelian organization]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1974. 590 p.
11. Stepanov V. N., Balashov E. A. *V "novykh rayonakh": Iz istorii osvoeniya Karel'skogo peresheyka, 1940–1941, 1944–1950 gg.* [In "new regions": From the history of Karelian Isthmus' development in 1940–1941, 1944–1950]. St. Petersburg, Normedizdat Publ., 2001. 144 p.
12. Smirnova E. P. *Zaselenie i osvoenie novykh rayonov Karelo-Finskoy SSR v 1940-e gody: Dis. ... kand. ist. nauk* [Settling and development of new regions of the Karelian-Finnish SSR: Candidate's thesis]. Petrozavodsk, 2006. 249 p.

Поступила в редакцию 27.07.2017

ХАННУ ИТКОНЕН

доктор философии, профессор кафедры социологии спорта, Университет г. Ювяскюля (Ювяскюля, Финляндия)
hannu.itkonen@juu.fi

ЮРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ШИКАЛОВ

доктор философии, доцент кафедры исторических и географических наук факультета общественных и экономических наук, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
yury.shikalov@uef.fi

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В г. СОРТАВАЛЕ (1880–1939)

Рассматривается история развития гражданского общества в г. Сортавале в конце XIX столетия и в период нахождения города в составе независимой Финляндии. За начальную точку периода исследования был взят 1880 год, поскольку именно в этом году в городе была основана учительская семинария, послужившая мощным толчком к формированию гражданского общества. К началу Зимней войны гражданское общество в Сортавале было уже довольно хорошо развито. После окончания войны, в 1940 году, город был аннексирован Советским Союзом и финское население было полностью эвакуировано. В рассматриваемый период наиболее популярными среди жителей города были спортивные, музыкальные и просветительские общественные организации. Цель данной статьи – выяснить, как формировалась и изменялась деятельность этих организаций. Исследование показало, что в последние десятилетия «финского периода» своей истории Сортавала превратилась в оживленный культурный и спортивный центр с активно действующим гражданским обществом. Ключевые слова: Сортавала, гражданское общество, общественные перемены, организации, культура, спорт

Провинциальный город

В Финляндии формирование гражданского общества пришлось на вторую половину XIX века [2]. В 1855–1880 годах основной движущей силой этого процесса выступали представители высшего сословия и немногочисленные круги активистов народного просвещения. На втором этапе (1880–1895) деятельность общественных организаций стала стремительно развиваться и затрагивать все более широкие слои населения. Объединения рабочих, молодежи, а также общества трезвости стали играть значительную социальную роль. На третьем этапе, в 1896–1905 годах, в стране, еще не получившей независимости, уже возникла развитая система общественных организаций, охватывавшая обширные территории [11]. Формирование гражданского общества в конечном итоге обрело локальный характер. Объединения учреждались внутри муниципалитетов, с самого начала приобретая выраженную локальную идентичность. Так произошло и в городе Сортавале, расположенном на северном берегу Ладожского озера.

Вплоть до 1870-х годов Сортавала представляла собой скромный провинциальный город. Расположение его было таково, что жители из других мест заезжали туда редко, а сами сортавальцы тоже нечасто навещали в другие города [12: 159–160]. Зарождение первых общественных объединений в Сортавале приходится на 30-е годы XIX века. Известно, что тогда в городе работал танцевальный клуб, но его деятельность нельзя назвать активной. К примеру,

в 1835 году члены клуба собирались лишь трижды. Примерно в середине века в клубе также музицировали и ставили спектакли. На раннем этапе организация культурной деятельности была уделом представителей благородных сословий и подобные увлечения предназначались лишь для людей высшего общества. Низшие сословия не могли иметь отношения к «деликатным» развлечениям [12: 160].

В 1870-х годах круг приверженцев культурной деятельности стал расширяться, ремесленники занялись организацией собственных мероприятий, включавших в себя в основном пение и игру на различных музыкальных инструментах. Первый местный смешанный хор был учрежден в 1868 году. Музыкальное общество Сортавалы было основано в 1877 году, а вскоре появилось и Общество игры на духовых инструментах [12: 160].

К концу XIX века жители Сортавалы начинают устанавливать культурные связи и с другими областями Финляндии. Уже в 1874 году горожане организовали систему совместной подписки на периодические издания, и вскоре в Сортавалу стали доставляться практически все газеты, выпускавшиеся на финском языке. Газеты позволяли жителям Сортавалы быть в курсе событий, происходивших в других регионах страны [12: 162]. Совместные увлечения, в свою очередь, развивали навыки организованной общественной деятельности и работы в коллективе. Помимо этого, совместная деятельность создавала у сортавальцев особое представление о собственном городе. Так возникали предпосылки формирования локальной идентичности.

Учреждение учительской семинарии и активизация гражданского общества

В 1880 году в Сортавале была учреждена семинария, задачей которой являлась подготовка учителей. Это событие сыграло огромное значение в развитии города. На решение об учреждении семинарии отчасти повлияла благоприятная финансовая ситуация: а именно – пожертвование Хермана и Элизабет Халлонбладов в 400 000 марок «на расходы по учреждению института по подготовке учителей». О размере этой суммы можно судить по тому, что, например, в городе Савонлинна, также претендовавшем на учреждение семинарии, было собрано лишь 50 000 марок пожертвований для этой цели [12: 216].

Значение преподавателей семинарии для культурной и общественной жизни города было огромно. Приглашенные в семинарию из других областей Финляндии учителя привозили с собой различные культурные веяния, однако их влияние не ограничивалось только культурной жизнью. Преподаватели играли значительную роль и в общественной деятельности, и в органах местного управления. Так, в конце XIX века в Сортавале стала выходить газета, начали свою работу Городской совет и Городская счетная палата, была открыта библиотека [12: 166]. С учреждением семинарии оживился и приток населения. В семинарию со всех концов Финляндии приезжали не только учителя, но и студенты. Больше всего учеников прибыло из Выборгской и Куопиоской губерний. Львиная доля новоприбывших была родом из сельской местности, что отражает динамику социальных изменений того времени. Об улучшении финансовой ситуации Сортавалы свидетельствует то, что в 1913 году 18,7 % от средств муниципалитета было направлено на «иную просветительскую деятельность». В других городах Финляндии на эту статью расходов из общественных средств не было выделено ни одного процента. Сортавала действительно стала одним из богатейших городов такого размера [12: 171–183].

Мобильности населения способствовало и развитие транспортной инфраструктуры. Железная дорога достигла Сортавалы в 1893 году, когда было завершено строительство путей между Сортавалой и городом Антреа. Годом позже по железной дороге уже можно было добраться до города Йоэнсуу. Об оживленности водных путей сообщения свидетельствует то, что на рубеже XIX–XX веков на Ладоге работало уже несколько пароходных компаний [12: 206].

Представление о возрастающей роли семинарии в жизни города дает и знакомство с данными о количестве учащихся. Через три года после ее основания, в 1883 году, в ней уже числилось 132 студента. В 1895 году их число превысило 200, а в 1904 и 1905 годах в семинарии обучалось более 300 студентов. Нередко численность учащихся в Сортавальской семинарии превышала даже численность студентов старейшей в Финляндии учительской семинарии, находившейся

в городе Ювяскюля [12: 218]. Наиболее многочисленной аудитория студентов Сортавальской семинарии была в середине 1920-х годов [6: 339].

Преподаватели семинарии с энтузиазмом принимали участие в формировании местного гражданского общества. В 1882 году начала работу добровольная пожарная дружина. В соответствии с духом времени речь шла не только о тушении пожаров – деятельность этого общества преследовала и патриотические цели. Важное место в дружине занимали также музыка и пение. В 1902 году, в праздничном параде, посвященном 20-летию юбилею этого общества, приняли участие более 200 мужчин. Не была забыта и физическая культура: в дневную программу юбилейных торжеств было включено показательное выступление гимнастов. В 1890 году лекторами семинарии было основано Сортавальское евангелистское общество, в задачи которого входило удовлетворение духовных нужд населения региона Ладожская Карелия [12: 192–197].

Преподаватели Сортавальской семинарии участвовали во многих мероприятиях. Одним из активнейших общественных деятелей был учитель гимнастики Элиэль Вартиайнен. Помимо своей преподавательской деятельности, он являлся руководителем добровольной пожарной дружины, командиром местного отделения шюцкора (финской полувоенной добровольной охранной организации), хормейстером смешанного хора и депутатом Городского совета. К тому же Вартиайнен был известен как писатель [4: 25].

На раннем этапе помещения и площадки семинарии имели большое значение для организации городских мероприятий. Классные комнаты семинарии позволяли проводить различные культурные акции, а спортзалы и спортплощадки предоставляли пространство для добровольческой деятельности. Позднее в Сортавале появились и другие спортивные сооружения. В 1913 году рядом со зданием лицея был открыт стадион с раздевалками. Вблизи от семинарии в 1927 году начал работу бассейн, а в начале 1930-х годов в районе горы Кухавуори были открыты трамплин и теннисный корт [5: 117, 156].

Культурная жизнь Сортавалы обязана своим расцветом не только семинарии, но и появлению в городе других образовательных учреждений. В 1893 году был учрежден лицей, а четыре года спустя начала действовать народная школа [12: 221–224]. Все большее вовлечение низших слоев общества в гражданскую деятельность было связано с возникновением рабочего движения. В 1899 году в Сортавале было зарегистрировано Рабочее объединение, занимавшееся культурной и развлекательной деятельностью. В этом объединении можно было заниматься игрой на духовых инструментах, народными танцами, пением, участвовать в театральных постановках и т. п. В 1904 году в объединение входило 102 человека. Из документов следует, что 25 из них внесли членский взнос через

Гимнастическое общество, которое тоже входило в состав объединения. В Сортавале было основано и Общество трезвости, главными энтузиастами которого вновь выступили преподаватели семинарии. Наиболее активно Рабочее объединение вело свою работу незадолго до начала масштабных волнений 1905 года, после чего наблюдается спад его деятельности [12: 240–241, 252].

Организация спортивной деятельности

Благодаря преподавателям семинарии в Сортавале начала развиваться и спортивная жизнь. Карл и Алина Поппиусы в 1895 году основали два общества гимнастов – мужское и женское, которые тесно сотрудничали с семинарией. В 1900 году под эгидой семинарии и под руководством ее преподавателя Элиэля Вартиайнена было основано Сортавальское отделение Общества спортсменов-лицеистов [1: 14]. В 1914 году это общество было реорганизовано и получило новое название, а годом позже оно было вновь переименовано в «Lyseon Kilpa-Veikot» [14: 310–311].

До 1910 года в Сортавале было создано еще три спортивных общества. В 1904 году организовывается общество гимнастов «Virkistys», руководителем которого был известный по Обществу спортсменов-лицеистов Элиэль Вартиайнен. В ноябре этого же года начало работу спортивное общество рабочих «Sortavalan Ponnistus» под руководством Э. Лааксо. Это общество было открыто в рамках деятельности Рабочего объединения и вплоть до 1910-х годов представляло собой ведущую спортивную организацию Восточной Карелии. В 1906 году было учреждено Сортавальское женское гимнастическое общество [9: 52], [14: 14–15].

Самый активный период деятельности общества «Sortavalan Ponnistus» пришелся на 1907–1910 годы. Уже в начальный период в нем можно было заниматься гимнастикой, лыжами, спортивной ходьбой, греблей и гонками на санях упряжках. Чуть позднее в программу работы общества были включены легкая атлетика и футбол. Наибольшей популярностью пользовалась борьба [1: 32–33].

В 1911 году общество «Ponnistus» отделилось от Рабочего объединения в самостоятельную спортивную организацию. Причиной отделения послужили некоторые разногласия по хозяйственным вопросам. После отделения финансовое положение общества действительно улучшилось, что позволило ему уделять еще больше внимания спортивной деятельности. Среди видов спорта, культивируемых в «Ponnistus», на первое место выходит борьба, где были достигнуты определенные успехи. Это спортивное общество просуществовало вплоть до 1 января 1944 года, когда в городе Куопио было принято решение о его закрытии [1: 33–34].

В 1911 году в Сортавале было учреждено спортивное общество «Sortavalan Viritys», вскоре ставшее крупнейшим в городе наряду с «Ponnistus». В «Viritys» тоже были представлены самые различные виды спорта. Наибольшую популярность

в нем приобрели легкая атлетика, лыжи и гимнастика. Активисты общества «Viritys» поддерживали в порядке местный каток до тех пор, пока эту задачу не взял на себя город. Когда в 1910 году было учреждено Восточно-Карельское отделение Гимнастического и спортивного союза Финляндии (SVUL), то организаторам «Viritys» в числе прочего была поручена поддержка деятельности небольших спортивных обществ [15: 91].

В 1911 году были учреждены Сортавальское общество плавания и Ладожское общество гребли. В 1920 году было основано Сортавальское женское гимнастическое общество. На рубеже 1920–1930-х годов появились спортивные клубы, объединявшие любителей игр с мячом: «Sortavalan Voimaveikot», «Sortavalan Palloilijat» и «Sortavalan Palloseura», а также объединение «Sortavalan Kunto». Возникновение их отражало возрастающий интерес молодежи к командным видам спорта. Задачей «Sortavalan Kunto» была организация занятий по физической культуре для учащихся семинарии, которым, в частности, предлагались гимнастика, легкая атлетика и игры с мячом. В 1935 году теннисисты также получили собственное объединение – Сортавальский теннисный клуб [1: 142–146], [15: 92].

Спорт являлся существенной частью деятельности и добровольной военно-патриотической организации шюцкор. В Сортавальском шюцкоре предпочтение отдавалось лыжам, стрельбе, спортивному ориентированию и финскому бейсболу. Это не удивительно, поскольку именно эти виды спорта лучше всего подходили для воинской подготовки. Многие шюцкоровцы увлекались и гимнастикой [1: 92]. Помимо этого, шюцкор с особым вниманием относился к воспитательной работе с подростками, которая организовывалась совместно со спортивными клубами [16: 591].

Диапазон культурной жизни

Во второй половине XIX века Сортавала славилась своей любительской музыкальной деятельностью. Как уже упоминалось выше, еще до учреждения учительской семинарии в городе действовал любительский мужской хор. Ключевую роль здесь сыграл прибывший в Сортавалу в конце 1860-х годов ректор К. В. Алопеус. В 1868 году был основан смешанный хор, вскоре уже имевший в своем репертуаре 50 композиций. Смешанный хор ремесленников был учрежден в 1875 году, а двумя годами позже возникло и Сортавальское музыкальное общество, при котором был организован оркестр. Любительская музыкальная деятельность позволяла развивать творческие контакты. Сортавала, наряду с Выборгом, становится важным культурным центром, влияние которого распространялось на все области Карелии [10: 9–11].

В первые десятилетия XX века хоровое пение пользовалось в Сортавале небывалой популярностью. В 1917 году был учрежден хор Сортавальской семинарии, позднее переименованный

в «Вечерний хор». Хористы шюцкора начали занятия в 1918 году, а год спустя свой хор появился и у женской военно-патриотической организации «Lotta Svärd». Преемником хора семинарии стал учрежденный в 1922 году хор Молодежного христианского объединения. Мужской хор железнодорожников Сортавалы начал свою деятельность в 1928 году, а уже в следующем году возник мужской хор «Певцы Сортавалы». Крайне правые круги общества в 1934 году учредили хор Патриотического народного движения [10: 72–85].

Развитию музыкальной жизни Сортавалы способствовали не только хоры, но и оркестры. Оркестр Ладожского пехотного полка был учрежден в 1918 году. Три года спустя Третий полк береговой артиллерии также обзавелся собственным оркестром. В 1927 году Скаутская организация основала собственный хор под названием «Ладожские парни». В том же году был основан Сортавальский салонный оркестр. Ранее действовавший оркестр Добровольной пожарной дружины был восстановлен в 1932 году. В 1933 году начал свою работу Сортавальский оркестр друзей музыки [10: 111–114].

Одной из самых значимых глав в истории культуры Сортавалы являются песенные фестивали, получившие известность по всей Финляндии. Первые фестивали были проведены в 1896 году, когда любительская музыкальная деятельность достигла в городе своего расцвета [10: 9]. Десятью годами позже в парке Ваккосалми состоялся песенный фестиваль, благодаря которому в следующем году силами горожан была поставлена опера «Марта» немецкого композитора Фридриха фон Флотова [10: 50]. В 1926 году был организован Всеобщий фестиваль музыки и песни Народного просветительского общества, который открыл лично президент Финляндии Л. К. Реландер. Для этих целей был приведен в порядок городской парк Ваккосалми [6: 394].

Самый масштабный песенный фестиваль в Сортавале был проведен в 1935 году. Назывался он Всеобщим музыкально-песенным фестивалем юбилейного года «Калевалы» и проводился в честь первого издания эпоса «Калевала», вышедшего ровно столетие назад. Прежде всего этот фестиваль являлся демонстрацией достижений в деятельности общественных формаций. В нем приняли участие 136 хоров и 12 духовых оркестров – всего 4 259 выступающих. Участники прибыли даже из Эстонии и Венгрии. В закрытии мероприятия участвовало около 25 000 человек [17: 131–144]. Наряду с такими грандиозными проектами проводились и небольшие песенные фестивали. В 1914 году свой первый певческий фестиваль провела Греко-Католическая церковь. Позднее концерты греко-католической церковной музыки проводились неоднократно [10: 65].

В 1881 году было основано Сортавальское Финское сообщество, задачей которого было «продвижение финской культуры во всех кругах общества» [10: 15–19]. Значительным событием для развития культурной жизни Сорта-

валы явилось открытие в 1885 году городской ратуши, которая затем десятилетиями служила местом проведения концертов, спектаклей, торжеств и других мероприятий. Парк Ваккосалми, в свою очередь, имел большое значение для проведения мероприятий на открытом воздухе. Уже в 1883 году торжества, проводимые в городе, описывались как миниатюрные песенные фестивали, где принимало участие до 1 500 человек [10: 2–23].

Первые театральные постановки в городе были показаны на приемах в высших кругах общества. Однако театром интересовались и рабочие слои населения, которые начали ставить свои спектакли. Нередко такие спектакли проводились в благотворительных целях. Так, доходы от спектакля, поставленного рабочими в 1870 году, были направлены на финансирование библиотеки [12: 162]. В 1920–1930-е годы в Сортавале функционировало три театра. Долше всех проработал театр «Рабочая сцена», действовавший в период с 1920 по 1928 год. Деятельность этого театра описывалась как оживленная, а репертуар – как обширный. В 1922 году был открыт Театр Сортавальского сообщества, целью которого было развитие сценического искусства. Через пару лет театр был переименован в Сортавальский театр, но он закрыл свои двери уже в 1926 году. Жизнь третьего театра оказалась еще более короткой. Театр «Сортавальские подмости», основанный в 1932 году, прекратил свое существование, едва пережив 1933 год [6: 389–391], [13: 297–298].

Идейная и просветительская деятельность организаций

Финляндия обрела независимость в конце 1917 года, а в начале 1918 года страну захлестнула кровавая гражданская война. Однако Сортавалу эти события затронули незначительно. Располагавшийся в городе небольшой российский гарнизон был разоружен белофиннами уже 23 января 1918 года [15: 417–418]. После захвата власти белыми большую роль в городе стали играть добровольные военно-патриотические формирования шюцкор и «Lotta Svärd». Как и во всей стране, в Сортавале шюцкор становится главной общественной организацией [3: 225].

Гражданское общество Сортавалы в политическом смысле разделилось на два лагеря. Пока буржуазия формировала свои объединения, политически организовывался и рабочий класс. Понятно, что целью рабочих организаций являлась забота о беднейших слоях населения. Уже упомянутое выше Сортавальское рабочее объединение, учрежденное в 1889 году, в начале XX века становится крупнейшей и важнейшей организацией региона, занимавшейся как социальной, так и культурной деятельностью. На первых парламентских выборах 1907 года за социал-демократическую партию проголосовало 28 % избирателей Сортавалы. Перед провозглашением независимости Финляндии данная организация развивала четыре направления своей работы

в среде трудящихся масс: культурная деятельность, улучшение социальных и экономических условий жизни, противодействие русификации, а также расширение избирательных прав на местных выборах [12: 241–248].

В развитии гражданского общества Сортавалы важную роль сыграли и молодежные организации. Еще в XIX веке в Сортавале проводились различные праздники, имевшие характер организованной молодежной деятельности. Излюбленным местом празднований являлся парк Вакко-салми, куда в летнее время гуляющие прибывали и из-за пределов города.

На собрании, проведенном в 1891 году и посвященном организации молодежной деятельности, была избрана комиссия, целью работы которой являлось проведение соответствующих мероприятий по всей Ладожской Карелии. Благодаря работе этой комиссии в деревнях Кармала, Куокканиemi, Лахденкюля, Рюттю и Риеккалансаари были открыты избы-читальни, но молодежных организаций как таковых учредить не удалось. Тем не менее в июне 1902 года в местечке Хелюля было открыто свое молодежное объединение. Работа в нем велась активно: уже в течение первого года деятельности в объединении был зарегистрирован 91 человек. В местечке Хюмпеля молодежное сообщество было основано в 1906 году. Развитию молодежной деятельности в регионе в значительной мере способствовала организаторская помощь городских чиновников [7: 389].

Гражданская активность в конце 1930-х годов

Формирование гражданского общества Сортавалы продолжалось вплоть до начала Зимней войны. Общее представление о гражданском обществе Сортавалы в конце 1930-х годов дает анализ подшивки газеты «Laatokka» за 1938 год. В данном разделе приводятся результаты этого анализа. При этом следует помнить о том, что данный печатный орган представлял интересы Коалиционной партии и придерживался правой направленности. По этой причине в «Laatokka» практически не освещалась деятельность Рабочего союза. Союз издавал собственную газету «Kansan lehti» («Народная газета»). Объявления и новости, касающиеся профессиональных объединений, также представлены в «Laatokka», но весьма ограниченно.

Публиковавшиеся в 1938 году в газете организации можно разделить на девять основных групп: 1) предпринимательские организации; 2) оборонные организации; 3) политические организации; 4) спортивные клубы; 5) культурные и любительские организации; 6) религиозные организации; 7) общества трезвости; 8) благотворительные организации; 9) профессиональные объединения. Некоторые общества было трудно классифицировать по причине их многопрофильной деятельности. Так или иначе данная классификация дает определенную картину структуры гражданского общества города.

В 1930-е годы финское общество активно модернизировалось. Этот процесс, в частности, выражался в оживлении предпринимательской деятельности. В значительной степени активизация предпринимательства происходила благодаря деятельности общественных организаций. На страницах газеты «Laatokka» упоминается целый ряд объединений, способствовавших развитию предпринимательства. В их число входили Ремесленное объединение Восточной Карелии, Сортавальское отделение Торговой палаты, Сортавальское объединение продавцов, Женщины предпринимательских кругов Сортавалы, Сортавальское мануфактурно-промышленное объединение, Сортавальское объединение Выборгской торговой палаты и Сортавальское объединение стенографистов. Жилищными вопросами заведовало Объединение домовладельцев города Сортавала.

К предпринимательской деятельности отчасти имели отношение и общества, объединявшие любителей животных и природы. Деятельность их была важной, поскольку Финляндия в 1930-е годы являлась аграрной страной. В Сортавале к таким обществам можно отнести следующие: Сортавальское коневодческое общество, Совет рыболовов Сортавальского хозяйственно-территориального департамента, Сортавальский клуб рыболовов, Всеобщее охотничье объединение Сортавальской области, Сортавальское лесоводческое объединение и Сортавальское общество садоводов.

В эти же годы в Финляндии особое внимание начало уделяться туризму. В Сортавале главным импульсом для развития туризма послужил упомянутый выше масштабный музыкально-песенный фестиваль 1935 года. На официальном уровне туризмом занималось Сортавальское отделение Туристического объединения Финляндии.

Крайне важное значение в 1930-е годы в Финляндии получили добровольные военно-патриотические организации. После гражданской войны 1918 года именно они стали играть ключевую роль в подготовке населения к защите страны. Это отразилось и в содержании анализируемой газетной подшивки. Помимо шюцкора, к военно-патриотическим образованиям в Сортавале относились следующие сообщества: Собственный отдельный Морской охранный корпус, женская организация «Lotta Svärd», объединение противовоздушной обороны Восточной Карелии, объединение противовоздушной обороны Сортавальской области, Сортавальский клуб офицеров запаса, Сортавальский клуб унтер-офицеров запаса, Сортавальское отделение объединения тылового обеспечения береговых вооруженных сил, Сортавальское объединение фронтовиков, женское отделение Сортавальского объединения фронтовиков, а также объединение фронтовиков Сортавальской области.

Как уже упоминалось выше, газета «Laatokka» придерживалась линии Коалиционной партии и о других политических субъектах писала крайне редко. Например, в подшивке 1938 года

упоминалось только Сортавальское Национальное общество. Деятельность спортивных обществ, напротив, освещалась в газете очень подробно. Мероприятиям многопрофильных спортивных организаций, в частности, обществ «Sortavalan Ponnistus», «Viritys», уделялось большое внимание. Помимо них в городе в 1930-е годы действовало большое количество профильных спортивных организаций. Любителей игр с мячом объединяли клубы «Sortavalan Palloseura» и «Sortavalan Palloilijat». Свои клубы появились и у стрелков, шахматистов и теннисистов. Тяжелотлеты, в свою очередь, объединились в общество «Sortavalan Voimaveikot». При Лицее продолжало функционировать спортивное сообщество «Lyseon Kilpa-Veikot». Для женщин существовал спортивный клуб при семинарии – Женское гимнастическое общество Сортавальской семинарии, самым заметным мероприятием которого стал Гимнастический фестиваль. Развитием любительской спортивной деятельности занималась Сортавальская комиссия по любительскому спорту.

Ранее отмечалось, что в Сортавале уже в конце XIX века получило широкое развитие хоровое пение. Как видно из газеты «Laatokka», популярность этого увлечения сохранилась вплоть до конца 1930-х годов. В 1938 году через газету мужчины активно привлекались в мужской хор «Sortavalan laulajat» («Певцы Сортавалы»), а женщины – в Сортавальский женский хор. Собственный хор был и у железнодорожников, о его высокой активности свидетельствуют 30 выступлений, состоявшихся в 1937 году. К услугам местных рабочих был Мужской хор сортавальских рабочих.

Упомянутые в газете многочисленные любительские объединения говорят о неуклонном росте значения свободного времени в 1930-е годы. Свои клубы имели фотографы (Фото клуб Сортавалы), авиамodelисты (Сортавальский авиамodelный клуб и Сортавальский клуб мини-авиамodelей). Скаутской деятельностью занималось скаутское отделение, получившее название «Ладожские парни». Сортавальская походная комиссия, со своей стороны, занималась развитием городского туризма в сотрудничестве с местным отделением Туристического объединения. К любительским организациям также можно отнести Сортавальскую добровольную пожарную дружину.

Религиозная направленность была у пяти организаций, упомянутых на страницах газеты «Laatokka» в 1938 году. Сортавальский церковный хор координировал свою деятельность с местной лютеранской церковью. Для трудящихся города было организовано Сортавальское христианское рабочее объединение. К религиозным объединениям, помимо этого, относились Христианское молодежное объединение и Христианское женское молодежное объединение Сортавалы. Также в городе функционировало отделение Армии Спасения.

На страницах газеты в 1938 году упоминаются и два общества трезвости: Сортавальский брат-

ский кружок трезвости и Сортавальское объединение трезвости. К группе благотворительных организаций относились Сортавальское дамское объединение, начавшее свою деятельность еще в XIX веке, а также Сортавальское братство «Tiistaiseura» («Вторничное общество»), в круг деятельности которого входили защита детей, раздача благотворительной помощи и открытие воскресных школ. Аналогичной деятельностью занималось и Сортавальское объединение Белой Ленты.

Что касается обществ, организованных по профессиональным признакам, то они не получили широкого освещения на страницах газеты «Laatokka» в силу ее правой направленности. В подшивке газеты за 1938 год из подобных обществ были упомянуты только Учительское объединение Сортавальской области и Сортавальское отделение союза машинистов.

Вместо заключения: город гражданской активности

Открывшаяся в 1880 году Сортавальская учительская семинария имела центральное значение с точки зрения развития гражданской инициативы в городе. Уже сама образовательная программа этого учреждения включала в себя разнообразные виды деятельности в сферах духовной и физической культуры. К тому же учителя семинарии оказались в ключевом положении, когда в городе началась активизация гражданской деятельности. Не стоит умалять и роль студентов семинарии в организации культурных мероприятий.

Гражданское общество в Сортавале формировалось на фоне общего развития этого процесса во всей Финляндии. Отличительной чертой Сортавалы в этом плане было то, что этот город в первую очередь был городом музыки и песни. Музыкальное обучение в семинарии, музыкально-песенные фестивали, а также творческие связи и поездки создавали предпосылки к развитию обширной деятельности в музыкальной сфере. Без гражданской инициативы организация масштабных культурных мероприятий, проводимых в городе, оказалась бы невозможна.

В общем можно утверждать, что начиная с конца XIX века и вплоть до начала 1940-х годов Сортавала представляла собой оживленный культурный и спортивный центр. Сортавальская семинария с ее преподавателями, а также масштабная добровольческая деятельность различных обществ предоставляли горожанам большие возможности для участия в многочисленных мероприятиях. Гражданские инициативы распространялись и за пределы города. Сортавалы ездили с песенными концертами, участвовали в различных спортивных соревнованиях и в других городах, а также принимали у себя гостей. Такие взаимные связи способствовали обогащению и развитию сортавальского гражданского общества.

Перевод А. Линнала

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ahjopalo T. Me urheilimme Laatokan-Karjalassa ja Sortavalassa. Helsinki: Sortavalan liikeapulaisyhdistys, 1966. 171 c.
2. Alapuro R., Stenius H. Kansanliikkeet loivat kansakunnan // Kansa liikkeessä. Ed. R. Alapuro et al. Vaasa: Kirjayhtymä, 1987. C. 7–52.
3. Alapuro R. Suomen synty paikallisena ilmiönä 1890–1933. Porvoo: Hanki ja Jää Oy, 1994. 386 c.
4. Björn I. Suomalaisten Sortavala, Laatokan valkoinen kaupunki // Sortavala – rajakaupunki. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja № 132. P. Hakamies, I. Liikanen, H. Simola (Ed.). Joensuu: Joensuun yliopisto, 2001. C. 21–36.
5. Jaatinen M. Sortavalan rakentaminen 1643–1944. Espoo: Teknillinen korkeakoulu, 1997. 248 c.
6. Karttunen E. Itsenäisyyden aika Sortavalassa // Sortavalan kaupungin historia. Jyväskylä: Sortavalalaisten Seura r. y., 1970. C. 273–430.
7. Kuikka R. Nuorisoseuratyö Sortavalan maalaiskunnassa // Sortavalan maalaiskunta. Muistojen kirja. Jyväskylä: Sortavala säätiö, 1954. C. 387–393.
8. Manninen T. Tie sotaan // Itsenäistymisen vuodet 1917–1920. Helsinki: Valtion painatuskeskus, 1993. C. 398–433.
9. Matkanieniemi T. Muuttuva seurakenttä – vaihtuvat käytännöt // Toimintaa, Urheilua, Liikettä. TUL:n Karjalan piiri 1919–1999. Ed. H. Itkonen. Turku: TUL:n Karjalan piiri ry, 2000. C. 49–86.
10. Pajamo R. Sortavala – Laatokan laulava kaupunki. Joensuu: Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö, 1985. 207 c.
11. Stenius H. Järjestö-Suomen kehityspiirteitä // Maailmankuvan muutoksen kehityspiirteitä. M. Kuusi, R. Alapuro, M. Klinge (Ed.). Keuruu: Otava, 1977. C. 77–97.
12. Tiainen J. Hitaan kehityksen kausi; Sortavala Laatokan Karjalan nousun aikana // Sortavalan kaupungin historia. Jyväskylä: Sortavalalaisten Seura r. y., 1970. C. 111–164.
13. Vartiainen E. Sortavalan taiteellisista harrastuksista // Sortavalan kaupungin historia. U. Karttunen (Ed.). Sortavala: Sortavalan kaupunki, 1932. C. 283–301.
14. Vartiainen E. Yleiskatsaus Sortavalan urheilulliseen elämään // Sortavalan kaupungin historia. U. Karttunen (Ed.). Sortavala: Sortavalan kaupunki, 1932. C. 305–314.
15. Vartiainen E. Lyhyt yleiskatsaus Sortavalan urheilullisiin vaiheisiin // Me urheilimme Laatokan-Karjalassa ja Sortavalassa. T. Ahjopalo (Ed.). Helsinki, 1966. C. 88–91.
16. Vasara E. Valkoisen Suomen urheilijat soturit. Suojeluskuntajärjestön urheilu- ja kasvatustoiminta vuosina 1918–1939. Bibliotheca Historica 23. Helsinki: SHS, 1997. 748 c.

Itkonen H., University of Jyväskylä (Jyväskylä, Finland)

Shikalov Yu. G., University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

THE CIVIL SOCIETY FORMATION AND DEVELOPMENT IN THE CITY OF SORTAVALA (1880–1939)

The article deals with the history of the civil society development in Sortavala at the end of the XIX century and during the period when the city was part of the independent Finland. The year of 1880 was taken as a starting period of our research because a city teachers' seminary was founded during this year. Its establishment served as a powerful impetus to the formation of the civil society. By the beginning of the Winter War, the civil society in Sortavala was already quite well developed. After the end of the war, in 1940s the city was annexed by the Soviet Union and the Finnish population was completely evacuated. According to the results of our research, during this period the most popular among the city's residents were sports, music and public educational organizations. The purpose of this article is to identify how the activities of these organizations were formed and changed. The study showed that in the last decades of its "Finnish period" the city of Sortavala turned into a vibrant cultural and sports center with an active civil society.

Key words: Sortavala, civil society, social change, organization, culture, sports

REFERENCES

1. Ahjopalo T. Me urheilimme Laatokan-Karjalassa ja Sortavalassa. Helsinki: Sortavalan liikeapulaisyhdistys, 1966. 171 c.
2. Alapuro R., Stenius H. Kansanliikkeet loivat kansakunnan // Kansa liikkeessä. Ed. R. Alapuro et al. Vaasa: Kirjayhtymä, 1987. C. 7–52.
3. Alapuro R. Suomen synty paikallisena ilmiönä 1890–1933. Porvoo: Hanki ja Jää Oy, 1994. 386 c.
4. Björn I. Suomalaisten Sortavala, Laatokan valkoinen kaupunki // Sortavala – rajakaupunki. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja № 132. P. Hakamies, I. Liikanen, H. Simola (Ed.). Joensuu: Joensuun yliopisto, 2001. C. 21–36.
5. Jaatinen M. Sortavalan rakentaminen 1643–1944. Espoo: Teknillinen korkeakoulu, 1997. 248 c.
6. Karttunen E. Itsenäisyyden aika Sortavalassa // Sortavalan kaupungin historia. Jyväskylä: Sortavalalaisten Seura r. y., 1970. C. 273–430.
7. Kuikka R. Nuorisoseuratyö Sortavalan maalaiskunnassa // Sortavalan maalaiskunta. Muistojen kirja. Jyväskylä: Sortavala säätiö, 1954. C. 387–393.
8. Manninen T. Tie sotaan // Itsenäistymisen vuodet 1917–1920. Helsinki: Valtion painatuskeskus, 1993. C. 398–433.
9. Matkanieniemi T. Muuttuva seurakenttä – vaihtuvat käytännöt // Toimintaa, Urheilua, Liikettä. TUL:n Karjalan piiri 1919–1999. Ed. H. Itkonen. Turku: TUL:n Karjalan piiri ry, 2000. C. 49–86.
10. Pajamo R. Sortavala – Laatokan laulava kaupunki. Joensuu: Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö, 1985. 207 c.
11. Stenius H. Järjestö-Suomen kehityspiirteitä // Maailmankuvan muutoksen kehityspiirteitä. M. Kuusi, R. Alapuro, M. Klinge (Ed.). Keuruu: Otava, 1977. C. 77–97.
12. Tiainen J. Hitaan kehityksen kausi; Sortavala Laatokan Karjalan nousun aikana // Sortavalan kaupungin historia. Jyväskylä: Sortavalalaisten Seura r. y., 1970. C. 111–164.
13. Vartiainen E. Sortavalan taiteellisista harrastuksista // Sortavalan kaupungin historia. U. Karttunen (Ed.). Sortavala: Sortavalan kaupunki, 1932. C. 283–301.
14. Vartiainen E. Yleiskatsaus Sortavalan urheilulliseen elämään // Sortavalan kaupungin historia. U. Karttunen (Ed.). Sortavala: Sortavalan kaupunki, 1932. C. 305–314.
15. Vartiainen E. Lyhyt yleiskatsaus Sortavalan urheilullisiin vaiheisiin // Me urheilimme Laatokan-Karjalassa ja Sortavalassa. T. Ahjopalo (Ed.). Helsinki, 1966. C. 88–91.
16. Vasara E. Valkoisen Suomen urheilijat soturit. Suojeluskuntajärjestön urheilu- ja kasvatustoiminta vuosina 1918–1939. Bibliotheca Historica 23. Helsinki: SHS, 1997. 748 c.

Поступила в редакцию 22.06.2017

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
 pashkov@petrsu.ru

СОРТАВАЛА ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Анализируются путевые очерки русских путешественников, побывавших в Сортавале на рубеже XIX–XX веков, и их восприятие города, его достопримечательностей, быта и повседневной жизни. В тот период Сортавала была небольшим, но быстро развивавшимся городом Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. Большую часть населения города составляли лютеране (финны и шведы) (в 1900 году 2834 человека, или 91 % населения). Но в городе существовала и небольшая православная община (карелы и русские) (в 1900 году 183 человека, или 9 % населения). В восприятии Сортавалы русскими путешественниками этого периода можно выделить следующие черты: Сортавала воспринималась как небольшой, комфортный для жизни город и как очаг православия в лютеранской стране; авторы путевых очерков отмечали распространение в городе русского языка. Ключевые слова: Сортавала, финны, социальная история, историческая антропология, этническая идентичность, имидж места

Для понимания восприятия Сортавалы русскими путешественниками начала XX века большое значение имел тот факт, что Финляндия по уровню жизни была самой высокоразвитой частью Российской империи. Современный историк Б. Н. Миронов подсчитал индекс человеческого развития (Human Development index), используемый ООН, для выяс-

нения уровня развития отдельных этносов царской России по состоянию на 1897 год. По этим подсчетам, основанным на данных переписи населения Российской империи 1897 года и других статистических материалах того времени, выясняется, что по индексу человеческого развития финны находились на первом месте в Российской империи (табл. 1).

Таблица 1

Индекс человеческого развития народов Российской империи в 1897 году

	Средняя продолжительность жизни	Средняя грамотность в %	Средние доходы (коп. на душу населения)	Индекс человеческого развития
Русские	28,7	29,3	1092	0,247
Финны	44,3	98,3	2377	0,636
В среднем по империи	32,4	27,7	937	0,248

Примечание. Источник: [2: 56].

Среди 14 крупнейших народов России финны занимали 1-е место по средней грамотности и средним государственным доходам на душу населения и 3-е место по средней продолжительности жизни [2: 56]. В этом контексте становится более понятным образ Сортавалы в восприятии русских путешественников рубежа XIX–XX веков.

Важнейшим фактором, определившим социокультурное развитие Сортавалы в тот период, была деятельность Сортавальской учительской семинарии, основанной в 1880 году. В семинарию ежегодно принимали по 45 юношей и 45 девушек. Иногородним предоставлялось общежитие. Обучение длилось 4 года. С 1887 года при семинарии действовало особое отделение, где готовили учителей передвижных школ. С 1896 года в семинарию кроме лютеран стали принимать

и православных. Курс обучения у тех и других был одинаковым, кроме основ вероучения.

Учительская семинария привлекла в город преподавателей и учеников, которым требовалось жилье и совершенно иные условия жизни. Работавшие в семинарии финские педагоги были инициаторами многих социокультурных инноваций. С ноября 1881 года в Сортавале учительской семинарии стала издаваться газета «Ладога» («Laatokka»), выходившая 1 раз в неделю [9: 334].

В 1883 году был открыт историко-краеведческий музей. Экспонаты для него собирались не только в Сортавале, но и в Салми, Иломанси, Куркиёки, а также в Русской Карелии. Основателем музея был преподаватель семинарии Оскар Адольф Форсстрём (о нем подробнее см.: [6]).

Благодаря преподавателям семинарии в 1896 году в городе возникла традиция проведения

Всефинляндских песенных праздников. В парке Ваккосалми в 1896 году построили сцену для выступлений, а на горе Кухавуори смотровую башню, ставшую символом Сортавалы [8: 50]. На первый песенный праздник в Сортавалу прибыли 21 хор и 11 оркестров духовых инструментов (всего около 1000 певцов и исполнителей). Праздник длился несколько дней. Исполнялись руны и плачи под звуки кантеле. Выступали известные кантелисты и легендарные рунопевцы Петри и Иван Шемейкка [7: 153]. Прошли конкурсы хоров и оркестров. Впоследствии песенные праздники проводились в Сортавале еще много раз.

Новым толчком к росту благосостояния города стало проведение в 1894 году железной дороги по направлению Выборг – Сортавала – Йоэнсуу. Строительство дороги проводилось в необычно короткие сроки. Участок дороги от Выборга до Сортавалы был готов уже к 1 ноября 1893 года.

Далее строительство продолжалось до Йоэнсуу. В результате постройки железной дороги Сортавала превратилась в важный перевалочный пункт для товаров, следующих из Финляндии и Петербурга [4: 85].

В Сортавале и ее окрестностях растет производство. В 1902 году на 39 сортавалских фабриках и в ремесленных мастерских было занято 218 рабочих, общий объем продукции за год составил 392,8 тысячи марок. На рубеже XIX–XX веков в Сортавале возникают предательства банков. С развитием рыночных отношений росли доходы города. Так, например, за 1875–1904 годы они выросли почти в 8 раз [4: 85].

После открытия учительской семинарии и прокладки через Сортавалу Карельской железной дороги в городе начался период экономического и культурного подъема, под влиянием которого росла и численность населения города (см. табл. 2).

Таблица 2

Численность населения Сортавалы в 1880–1910 годах

Год	Лютеране	Православные	Прочие	Всего
1880	742	144	4	890
1900	1856	183	2	2041
1910	2834	126	65	3085

Примечание. Источник: [9: 343].

Из приведенной табл. 1 видно, что Сортавала в начале XX века была небольшим городком. Для сравнения, в конце 1908 года население Выборга составляло 23554 чел.¹

Сортавала была полиэтничным городом. Там проживали финны, карелы, шведы и русские. По данным на 1880 год, из 890 жителей Сортавалы финнов и карел было 697, шведов и шведоязычных финнов – 127, русских – 56 человек. Несмотря на небольшую численность постоянного русского населения, русский язык в Сортавале пользовался популярностью и был широко распространен благодаря близости России. В декабре 1903 года в Сортавале даже возник кружок русского языка, занятия которого посещали около 200 человек².

В конфессиональном отношении Сортавала была городом, где сосуществовали лютеранская и православная конфессии. Лютеранство имело в городе давние культурные корни. Однако и у православия были сильные позиции. Это было связано с тем, что недалеко от Сортавалы находился крупнейший центр православия – Валаамский Спасо-Преображенский монастырь. Кроме того, православие было господствующей религией Российской империи. В Сортавале находилось два православных храма и подворье Валаамского монастыря: каменная Петропавловская церковь в Сортавале (построена в 1869–1873 годах, освящена в июле 1873 года, с 1946 года называется Никольской) и деревянная Никольская церковь в Риеккалансаари (первое упоминание

относится к 1500 году, капитально реконструирована в 1890–1891 годах) [1: 446–449, 774–794].

Тем не менее на рубеже XIX–XX веков происходит существенное уменьшение православного населения. По данным на 1880 год, в городе проживало 742 лютеранина (83,4 % всего населения) и только 144 православных (16,6 % всего населения). В 1900 году численность православных снизилась почти вдвое и составила только 8,9 % населения города, тогда как лютеране составляли около 91 %. В 1910 году численность православных уменьшилась еще в 2 раза и составила только 4 % населения (вероятно, из-за сделанного в 1906 году облегчения перехода из православия в другую конфессию), лютеранское же население – около 96 %.

Лютеранская кирха была построена на горе Кисамяки (службы начались в 1801 году), перестроена в 1843–1844 годах и освящена в 1845 году (сгорела в результате бомбардировки советской авиацией 2 февраля 1940 года) [1: 524–530].

Рубеж XIX–XX веков стал также и временем впечатляющих успехов в благоустройстве города и улучшении условий жизни горожан. В 1871 году в городе появилось уличное освещение – 20 газовых фонарей. В 1874 году началась электрификация города, и в 1906 году на смену газовым фонарям пришли электрические, получавшие энергию от электростанции в Хелюля, а затем в Питкякоски [9: 141]. В декабре 1885 года в Сортавале появились первые телефоны, а в 1888 году была организована телефонная

компания, обслуживавшая 38 абонентов в городе и 5 в его окрестностях. В 1910 году в Сортавале 1 телефон приходился на 14 жителей. Первый водопровод был проведен в Сортавале в 1890 году, но он снабжал водой только учительскую семинарию, больницу и железнодорожную станцию. Общегородской водопровод был обустроен только в 1914–1926 годах [9: 141]. Источником воды стало озеро Хельмиярви, находившееся в 6 километрах от города. Сортавала была своего рода проводником различных экономических и культурных инноваций для жителей всего Северного Приладожья³.

Высокий уровень благосостояния, культуры и комфорта городской жизни привлекал в Сортавалу самых разных русских путешественников. Один из них, вероятно, педагог, побывавший в Сортавале в конце XIX века для организации познавательных экскурсий школьников, писал: *«Из Гельсингфорса мы поехали по железной дороге в Сердоболь. Удивительно, для нас, русских, совсем непонятно, чтобы такой маленький городок, каков Сердоболь, был таким благоустроенным: мостовые, тротуары, водопровод, канализация, освещение, общественный великолепный (с цветниками, беседками, раковинами для музыки, кеглями, буфетом, театром и проч.) парк, телефоны во все дома – и все это в прекрасном виде и порядке»*⁴. Как видно из этой цитаты, автора привлекал в Сортавале комфорт городской жизни.

Часто русскими путешественниками, оставившими свои свидетельства о посещении Сортавалы, были православные паломники, направлявшиеся или возвращавшиеся с Валаама. В 1899 году такое паломничество совершила группа студентов Московской духовной академии. По его окончании был подготовлен своего рода отчет «Соловки и Валаам: дневник студентов-паломников»⁵. Студенты-паломники возвращались с Валаама в Петербург через Сортавалу. В своем отчете они написали: *«...мы незаметно приблизились к Сердоболу. Наш пароход вошел в узкий пролив, который, углубляясь в берег, подходит к самому городу... Внимание паломников привлекала, прежде всего, православная церковь... Небольшая, белая, с пятью синими главами, она по своей архитектуре ничем не отличалась от наших обыкновенных деревенских церквей, но нам в высшей степени приятно было видеть православный храм в городе, где громадное большинство жителей принадлежит к иному вероисповеданию. Чем-то родным и дорогим сердцу повеяло на нас от этой православной святыни, и мы с особенным чувством пропели тропарь и величание Святителю Николаю (в честь которого построен храм), когда пароход поравнялся с церковью... По городу нам пришлось пройти всего две улицы. Одна из них спускается к самой пристани, а другая идет перпендикулярно первой. Судя по этим улицам и тем, в какие нам пришлось только заглянуть, Сердоболь – довольно опрятный город и производит приятное*

*впечатление внешней благоустроенности и планируемости»*⁶. Валаамским паломникам было удивительно увидеть в лютеранской Сортавале очаг православия.

На пароходе студенты-паломники познакомились с представительницей старинного рода сортавалских купцов – «местной интеллигентной дамой» Елизаветой Григорьевной Молдаковой⁷, по совету которой посетили местный этнографический музей, основанный, как уже отмечалось выше, О. А. Форсстрёмом. Музей находился в двух местах в разных концах города, и студенты-паломники успели посмотреть только одну из экспозиций, называвшуюся «Карельская изба» (Karjalan tupa). В тексте дневника дается подробное описание этого музея, причем названия экспонатов даны по-русски и по-фински. Затем студенты-паломники посетили картинную галерею в доме Елизаветы Ивановны Галлонблад⁸, чтобы «посмотреть картины, оригиналы лучших шведских художников», которые их владелица собиралась пожертвовать городу. Завершилось пребывание группы студентов-паломников в Сортавале посещением дачи архиепископа Финляндского и Выборгского Николая (Налимова) по приглашению ее хозяина. Дача находилась в двух верстах от Сортавалы в местечке Хюмпеля. В тот же день путешественники сели в поезд и отправились в Иматру.

Православные студенты-паломники воспринимали Сортавалу как островок православия в иноязычной и иноконфессиональной среде. На них город произвел большое положительное впечатление. Крупнейшим неудобством поездки по финскому Приладожью, отраженным в дневнике, было незнание финскими железнодорожными служащими русского языка: *«...главное неудобство путешествия по Финляндии состояло в том, что кондукторы, не говоря уже о низшей поездной прислуге, очень и очень плохо изъясняются по-русски. Большинство из них знает только одно русское слово – “билет”»*⁹.

Несколько публикаций, посвященных Сортавале, появилось на страницах официального печатного органа российского правительства на территории Финляндии «Финляндская газета» (подробнее о ней см.: [3: 113–114]). Так, в августе 1901 года там был опубликован очерк некоего офицера русской армии, посетившего Сортавалу в июне того же года по служебным делам. Он был в мундире и совсем не знал финского языка. О Сортавале у него остались такие воспоминания:

«В Сердоболе, куда поезд по живописной дороге, часто проходящей по самому берегу Ладожского озера, доставил меня к 1 часу дня, я нашел даже извозчика, говорящего по-русски. Он меня прямо с вокзала привез в учительскую семинарию, расположенную недалеко от станции, за городом. Она занимает 15 деревянных, отдельно стоящих в красивом парке, удобных зданий; к сожалению, я мог их осмотреть лишь снаружи; семинария была закрыта по случаю

каникул, здания были заперты, и не у кого было спросить мне их показать. В ней находятся на полном содержании до 200 воспитанников и воспитанниц, приготовляющихся к учительской деятельности. Проездом в город я невольно обратил внимание на большой парк, вход в который в виде арки был декорирован гирляндами зелени и белосиними флагами. Извозчик мне сказал, что это городской парк Веккосалмен и что накануне в нем было народное гуляние. В этом парке на высокой горе есть беседка, из которой открывается роскошный вид на весь город и на Ладожское озеро.

Сердоболь гораздо больше Кексгольма¹⁰, в нем до 4000 жителей; основан в 1617 году; на окраине города я видел красивую православную церковь, но стоит она на пустыре, заросшем травой. Да и в городе трава растет по улицам и на площадях; чтобы как-нибудь от нее избавиться, некоторые домовладельцы обмазывают откосы тротуаров смолой. <...> ...в гостинице, куда я заехал пообедать. Очень любезный хозяин, хорошо говоривший по-русски, посадил меня в общей комнате за отдельный столик и принес мне последний номер «Нивы»¹¹...»¹². Для этого офицера наиболее важным было знание местными финнами русского языка.

В январе 1904 года в «Финляндской газете» появился пространный путевой очерк «Сердоболь и его окрестности»¹³. Его автором был, вероятно, русский чиновник, долго служивший в Финляндии и знавший финский язык. По крайней мере, в тексте его очерка прослеживается знакомство автора с работой преподавателя Сортавальской учительской семинарии и известного исследователя Приладожской Карелии Оскара Адольфа Форстрёма «Kuvia Raja-Karjalasta» («Картинки из пограничной Карелии»), вышедшей в 1895 году¹⁴.

Очерк начинается с общего описания Сортавалы: «За последнее десятилетие город возрос больше, чем на 600 жителей: в 1893 году население его едва равнялось одной тысяче, а теперь насчитывает свыше 1700 жителей. Город занимает красивое местоположение на высоком мысу, вдающемся в Ладогу, северная часть которой испещрена живописными островами различной величины и формы. Длинный залив Ваколахти разделяет Сердоболь на две части: северная половина и есть собственно город, где сосредоточены главные его учреждения: православный собор, лютеранская кирка, городская ратуша, отделение банка «Kansallis osake», торговая площадь, магазины с лавками и т. п. Другая, южная часть, называется «Кюмеля» и соединена с городом длинным деревянным мостом для пешеходов. Для извозчиков и проезжих проложена дорога вокруг залива. Эта новая часть города еще только обустраивается, а потому не приведена в надлежащий порядок; здесь всегда происходит движение рабочих: прокладывают новые улицы, строят дома, ставят телефонные столбы и проч. На этой же стороне находится и вокзал железной дороги, от которой проведена ветвь на пристань. Летом по ней совершается передача пассажиров

и товаров с вокзала к пароходам и судам, пристающим к берегу и обратно. В 1880 году, когда в Кюмеля открывалась учительская семинария, эта местность была удалена от города на почетительное расстояние, теперь же она составляет нераздельную часть его»¹⁵.

Большое внимание в очерке уделено городской застройке: «Дома в Сердоболе, как и в других небольших городах Финляндии, преимущественно деревянные, одноэтажные с красивою отделкою снаружи и внутри; большая часть их выкрашены масляною краскою и отделены друг от друга зеленью разросшихся садов. Здесь каждое семейство не стесняется местом и любит жить особняком. На краю города расположен красивый парк, опрятно содержимый за городской счет... Почти посредине парка возвышается конусообразная горка, вся заросшая зеленью и местами усаженная цветами; по склонам ее вьется узенькая тропинка со ступеньками, а вершина украшена беседкою. Отсюда можно видеть весь город, а за ним расстилающийся обширный лес, растянувшийся вдаль насколько глаз хватит»¹⁶.

Автор не мог не упомянуть и о сортавальских церквях. О православных храмах он писал: «В городе находятся две православных церкви и часовня, выстроенная валаамскими монахами на Валаамском подворье. Главный собор во имя Петра и Павла еще не стар; он выстроен только в 1873 году вместо бывшей старой деревянной церкви, находившейся вблизи лютеранской кирки. Другая небольшая церковь во имя св. Николая расположена в двух верстах от города на острове Реккала (греческий); она тоже еще новая; постройка ее относится к 1890 году. До этого времени здесь находился весьма старинный деревянный храм во имя того же святого. Построен он был еще во времена шведского владычества. На колокольне этой церкви есть разбитый колокол, который отлит был в Стокгольме, как говорит об этом надпись, сделанная на нем. Существует предание, что город Сердоболь со времени своего основания находился здесь, на Греческом острове. Около церкви расположено кладбище; между памятниками, поставленными над могилами, особенно выдается красивый и богатый памятник купца Ситонена¹⁷, на средства которого выстроена была в Кюмеля народная школа»¹⁸.

Среди других построек Сортавалы в очерке подробно описана ратуша: «Обращает на себя внимание весьма красивое здание городской ратуши, выстроенной по плану архитектора Шестрема»¹⁹. Большой зал ратуши украшен хорошими произведениями финляндского художника Мунстерсельма²⁰, подаренными городу одним из его меценатов. В этом же самом здании находится историко-этнографический музей, в котором собраны предметы древнего и настоящего быта карелов, вещи их домашнего изделия и несколько сот орудий каменного века»²¹.

С симпатией в очерке охарактеризованы местные жители: «Большая часть населения города

состоит из православных жителей; старики хорошо объясняются по-русски, но молодежь говорит исключительно только на финском языке; есть несколько семейств, говорящих по-шведски, но этот язык у них употребляется только в домашнем обиходе. Горожане ведут весьма простую патриархальную жизнь. В летнее время, когда покупателей мало, торговцы стоят или сидят у отворенных дверей лавок и переговариваются друг с другом через дорогу, подчас сходясь вместе и продолжают вести беседу тут же у входа в магазин. Местные покупатели тоже не спешат: идя в лавку, они также останавливаются с разговаривающими и вступают в общую беседу. Почти все горожане знакомы между собой, а потому при встрече всегда найдется предлог перекинуться несколькими словами и обменяться мыслями. В 8 часов вечера во всем городе тишина и движения никакого незаметно, разве только запоздавший посыльный, возвращаясь от соседа, пробежит посреди улицы и своими шагами нарушит общее безмолвие. Зимой и осенью в редком только окне можно увидеть освещение; после 9-ти часов уже весь город на ногах»²².

Отличительной чертой сортавальской жизни автор считает большое количество лютеранских и православных праздников, которые отмечал весь город: «Праздников у сердобольцев много. Как сказано выше, большая часть жителей православные. Свои праздники они справляют по православному обычаю, в силу постановления православной церкви, а лютеранские – они должны праздновать в силу финляндских гражданских законов, воспрепятствующих купцам открывать свои лавки и заниматься вообще торговлею. Школы также справляют двойные праздники, а так как почти весь Сердоболь состоит из людей торговых, учащихся и учащихся да нескольких должностных чиновников, то на его долю много больше приходится праздников, чем на долю других городов Финляндии, где преобладающее население – лютеране;

в этих последних православный элемент теряется, и дни праздников православной церкви проходят незаметно в общей массе: школы на это время не закрываются, и торговля идет своим чередом»²³.

В очерке дана характеристика и основных, с точки зрения автора, сортавальских периодических изданий: «В городе издаются: один небольшой журнал духовно-литературного содержания “*Aamun Koitto*” (“Утренняя заря”. – А. П.), выходящий раз в месяц под редакцией и ответственностью священника С. Окулова²⁴, и газета “*Laatokka*”. Журнал издается на средства братства Сергия и Германа. Тут же при редакции “*Aamun Koitto*” находится и книжный склад братства, где продаются книги и брошюры на финском языке православно-религиозного содержания. Газета “*Laatokka*” выходит два раза в неделю. В ней заключаются отдельные статьи и фельетоны, сообщения из ближайших окрестностей и со всей Финляндии, в общем весьма тенденциозного характера»²⁵. Последнее предложение отражало усилившееся на рубеже XIX–XX веков политическое противоборство между финским национальным движением и российским великодержавием.

Таким образом, в этом обширном очерке Сортавала получила всестороннюю характеристику. Автор уделил внимание описанию планировки и застройки города, его архитектуре и коммуникациям, наиболее значимым зданиям (православные храмы, лютеранская кирха и ратуша), с симпатией описаны местные жители и их образ жизни, кратко изложены сведения о городских периодических изданиях.

Итак, в восприятии Сортавалы русскими путешественниками конца XIX – начала XX века можно выделить следующее: Сортавала воспринималась как небольшой, комфортный для жизни город, как очаг православия в лютеранской стране. Авторы путевых очерков отмечали широкое распространение в городе русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Народнонаселение в городах Финляндии // Финляндская газета. 1909. № 1 (от 1/14 января).

² Курсы русского языка в Сердоболе // Финляндская газета. 1904. № 20 (от 4/17 февраля). Сердоболь – русское название города Сортавалы до 1917 года (от названия средневекового карельского поселения Никольско-Сердобольский погост, существовавшего на месте возникшей в 1643 году Сортавалы).

³ Подробнее о развитии Сортавалы в конце XIX – начале XX века см. статью Х. Итконена «Формирование гражданского общества и его изменения в городе Сортавала (вторая половина XIX века – 1940-е годы) в этом же номере «Ученых записок Петрозаводского государственного университета».

⁴ Общеобразовательные экскурсии в средней школе // Русская школа. 1900. Т. 1. С. 86–87.

⁵ Соловки и Валаам: дневник студентов-паломников. М., 1901. С. 161–172 (первоначально текст дневника публиковался в журнале «Душеполезное чтение» в 1900–1901 годах).

⁶ Там же. С. 161–162.

⁷ Молдаковы (Молтакайнены) – карельский род сортавальских купцов, выходцев из села Корписелья (совр. Суоярвского района). В тексте дневника речь идет о Елизавете Григорьевне Молдаковой (урожденной Сийтойи) (28.07.1853–25.10.1903) [1: 708].

⁸ Халлонблады – известный финско-шведский род чиновников и благотворителей, в XIX – начале XX века тесно связанных с Сортавалой. Вероятно, здесь упомянута Эльза Ана Алиса Халлонблад (род. 23.01.1879), дочь Йохана Фредрика Халлонблада (1830–1884) [1: 718–719].

⁹ Соловки и Валаам: дневник студентов-паломников. С. 170.

¹⁰ Кексгольм – современное название Приозерск (город в Ленинградской области).

¹¹ «Нива» – популярный русский еженедельный журнал (в 1899 году тираж достиг 200 тысяч экземпляров), выходил в 1869–1918 годах, позиционировал себя как журнал для семейного чтения, публиковал литературные произведения, исторические, научно-популярные и различные юбилейные очерки, репродукции и гравюры картин современных художников и т. д.

¹² Поездка в Кексгольм и Сердоболь // Финляндская газета. 1901. № 117 (от 9/22 августа).

- ¹³ Сердоболь и его окрестности // Финляндская газета. 1904. № 10 (от 17/30 января); № 11 (от 18/31 января); № 12 (от 22 января / 2 февраля); № 13 (от 24 января / 4 февраля).
- ¹⁴ Forsström O.A. Kuvia Raja-Karjalasta. Helsingissä, 1894. 172 s.
- ¹⁵ Сердоболь и его окрестности // Финляндская газета. 1904. № 11 (от 18/31 января).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Ситонен (правильно Сийтойнен) Иван Федорович (1775–1.12.1860) – богатый сортавальский купец. Школа в Кюмёле была основана его единственной дочерью Елизаветой (в замужестве Халлонبلاد) в 1864 году в память об отце [1: 389, 706].
- ¹⁸ Сердоболь и его окрестности // Финляндская газета. 1904. № 11 (от 18/31 января).
- ¹⁹ Здание ратуши в Сортавале было построено по проекту архитектора Франса Анатолиуса Съёстрема (1840–1880) в 1882 году [1: 298].
- ²⁰ Мунстергельм (Мунстерьелм) Магнус Ялмар (1840–1905) – финский художник-пейзажист.
- ²¹ Сердоболь и его окрестности // Финляндская газета 1904. № 12 (от 22 января / 2 февраля).
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Сергей Николаевич Окулов (13.09.1853–8.02.1940) – родился в селе Суйстамо, окончил С.-Петербургскую духовную семинарию в 1875 году, был настоятелем Никольской и Петропавловской церквей в Сортавале в 1875–1883 годах, рукоположен в священники в январе 1876 года, преподавал основы православия в Сортавальской учительской семинарии [1: 696].
- ²⁵ Сердоболь и его окрестности // Финляндская газета. 1904. № 12 (от 22 января / 2 февраля).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краснолуцкий А. Ю. Сортавала. СПб.: Площадь искусств, 2012. 760 с.
2. Миронов Б. Н. Историческая социология России. СПб.: Издательский дом С.-Петербургского университета: Интерсоцис, 2009. 536 с.
3. Назарова Е. Л. «Финляндская газета» о русификации Прибалтики и Финляндии (1900–1904) // Балтия в контексте Северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века: Сборник статей по материалам XVI Всероссийской конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии, г. Архангельск, 2008. М.: Изд-во Института всеобщей истории РАН (ИВИ), 2009. С. 113–146.
4. Новоселова З. А. Сердоболь – уездный город Выборгской губернии XIX – начала XX вв. // Сортавальский исторический сборник. Вып. 1 / Под ред. А. М. Пашкова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 80–91.
5. Пашков А. М. Карельские просветители и краеведы XIX – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 446 с.
6. Пашкова А. А., Пашков А. М. Оскар Адольф Форстрём (Хайнари) – финский педагог, общественный деятель и краевед Северного Приладожья // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Материалы конференции. Ч. 1. М.: Институт всеобщей истории; Архангельск: Поморский государственный университет, 2008. С. 98–99.
7. Салонен В. В. Всефинляндские песенно-исполнительные праздники в городе Сортавала // Сортавальский исторический сборник. Вып. 1 / Под ред. А. М. Пашкова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 150–163.
8. Яатинен М. И. История строительства Сортавалы // Сортавальский исторический сборник. Вып. 1 / Под ред. А. М. Пашкова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 45–52.
9. Karttunen U. Sortavalan kaupungin historia. Sortavala: Sortavalan kaupunki, 1932. 348 s.

Pashkov A. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SORTAVALA TROUGH THE EYES OF RUSSIAN TRAVELERS IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

The article is concerned with the review of road sketches written by Russian travelers who visited Sortavala in the late XIXth – early XXth centuries. During that period Sortavala was a small, but rapidly developing city of the Grand Duchy of Finland, part of the Russian Empire. The biggest part of Sortavala population consisted of Lutherans (Finns and Sweds) (2834 persons or 91 % of the total population in 1900). In addition to that, a little Orthodox community (Karelians and Russians) also existed in the city (183 persons or 9 % of the total population in 1900). The article focuses on the Russian travelers' perception related to the general impression of the city, to the remarkable sights, and to the daily life of Sortavala. The following features of the Russian travelers' perception of Sortavala of that period can be emphasized: Sortavala was perceived as a small, livable city and as a center of Orthodoxy in the Lutheran country; the authors of the studied travel essays pointed to the prevalence of the Russian language in the city.

Key words: Sortavala, Finns, social history, historical anthropology, ethnic identity, local image

REFERENCES

1. Krasnolutskiy A. Yu. *Sortavala* [Sortavala]. St. Petersburg, Ploshchad' iskusstv Pybl., 2012. 760 p.
2. Mironov B. N. *Istoricheskaya sotsiologiya Rossii* [The Historical Sociology of Russia]. St. Petersburg, Izdatel'skiy dom St. Petersburgskogo universiteta, Intersotsis Publ., 2009. 536 p.
3. Nazarova E. L. "Finlandskaya gazeta" about russification of the Baltic states and Finland ["Finlyandskaya gazeta" o rusifikatsii Pribaltiki i Finlyandii (1900–1904)]. *Baltiia v kontekste Severnogo prostranstva. Ot Srednevekov'ya do 40-kh godov XX veka*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta vseobshchey istorii RAN (IVI), 2009. P. 113–146.
4. Novoselova Z. A. Serdobol' as the district (yezd) city of Vyborg province (guberniya) in the 19th – early 20th centuries [Serdobol' – yezdnyy gorod Vyborgskoy gubernii XIX – nachala XX veka]. *Sortaval'skiy istoricheskiy sbornik*. Issue 1. A. M. Pashkov (ed.). Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU, 2005. P. 80–91.
5. Pashkov A. M. *Karel'skie prosvetiteli i kraevedy XIX – nachala XX veka* [Karelian educators and local scholars in the 19th – early 20th centuries]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU, 2010. 446 p.
6. Pashkova A. A., Pashkov A. M. Oskar Adolf Forsström (Hainari) as a Finnish pedagogue, public figure and a local scholar of the Northern Ladoga area [Oskar Adol'f Forsstrem (Khaynari) – finskiy pedagog, obshchestvennyy deyatel' i kraeved Severnogo Priladozh'ya]. *XVI konferentsiya po izucheniyu Skandinavskikh stran i Finlyandii: Materialy konferentsii*. Part 1. Moscow, Institut vseobshchey istorii, Arkhangelsk, Pomorskii gosudarstvennyy universitet Publ., 2008. P. 98–99.
7. Salonen V. V. All-Finland Song Festivals in the city of Sortavala [Vsefinlyandskie pesenno-ispolnitel'nye prazdniki v gorode Sortavale]. *Sortaval'skiy istoricheskiy sbornik*. Vol. 1. A. M. Pashkov (ed.). Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU, 2005. P. 150–163.
8. Jaatinen M. I. The History of Sortavala development [Istoriya stroitel'stva Sortavaly]. *Sortaval'skiy istoricheskiy sbornik*. Vol. 1. A. M. Pashkov (ed.). Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU, 2005. P. 45–52.
9. Karttunen U. *Sortavalan kaupungin historia*. Sortavala: Sortavalan kaupunki, 1932. 348 s.

Поступила в редакцию 19.07.2017

ЮРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ШИКАЛОВ

доктор философии, доцент кафедры исторических и географических наук факультета общественных и экономических наук, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
yury.shikalov@uef.fi

«ФИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ» В СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СОРТАВАЛЫ

Аннексированные у Финляндии в 1939–1945 годах населенные пункты представляли собой города и поселки с развитой материальной базой и богатым культурным прошлым. Советские переселенцы получали в свое распоряжение многообразное «наследие». В данной статье на примере города Сортавалы (Республика Карелия) рассматривается роль этого «финского наследия» в разных сферах жизни советского города. Основное внимание уделяется жилищным, производственным, спортивным и культурным ресурсам, созданным финскими жителями Сортавалы и перешедшим затем в пользование советских переселенцев. Описывается влияние этих ресурсов на развитие советской Сортавалы, а также отношение новых жителей города к полученному ими «наследству».

Ключевые слова: Сортавала, «финское наследие», советский период, архитектура, промышленность, спорт, культура

Бывшие финские территории, аннексированные Советским Союзом после войны, и сегодня вызывают большой интерес в Финляндии. Это не удивительно, поскольку с данными регионами связаны судьбы многих финских семей. В результате аннексии около 430 000 человек (11 % тогдашнего населения Финляндии) были вынуждены покинуть свои дома¹. Потомки этих переселенцев, естественно, хотят знать, что происходило на землях их дедов и отцов после того, как они были заселены советскими людьми.

До распада СССР финны имели возможность получать лишь отрывочную информацию о послевоенном развитии своих бывших территорий. Большая часть этих мест находилась в приграничной зоне, посещение которой было запрещено для иностранцев. По этой причине советский период в истории этих регионов оставался долгое время практически неосвещенным в финской историографии. Лишь в начале 2000-х годов начали появляться публикации, описывающие «затерянные годы» оставленных финнами городов и поселков². Сортавала в этом плане не является исключением. Перед началом Зимней войны в городе было зарегистрировано около 4 700 жителей³. Все они покинули город после передачи его Советскому Союзу, и до распада СССР у бывших жителей Сортавалы и их потомков не было возможности посещать свою историческую родину. Город был закрыт не только для иностранцев, но и для граждан СССР, не проживавших в городе, которым для его посещения требовалось специальное разрешение [3]. Единственной книгой, из которой можно было почерпнуть информацию о развитии города в советский период, была брошюра «Сортавала» из серии «Города и районы Карелии», первое издание которой вышло в свет в 1978 году [1].

После распада СССР и упрощения пограничного режима финны наконец смогли во-

очию увидеть, во что превратился их бывший город за несколько послевоенных десятилетий. В 1990-е годы Сортавала становится не только одним из центров финского туризма, но и центром активного сотрудничества между российскими и финскими предпринимателями [3: 60–62]. При этом в Финляндии до сих пор отсутствует полное описание истории города, в котором было бы освещено не только его довоенное прошлое, но и советский период. Исходя из этого в 2016 году финское общество «Sortavalan pitäjaseura» (Общество Сортавальского уезда), объединяющее бывших жителей региона и их потомков, решило финансировать проект под названием «Sortavalan vuosisata: Sortavala 1900-luvulla» (Век Сортавалы: Сортавала в XX столетии). Целью проекта явилось издание книги по истории Сортавалы в период с конца XIX – до конца XX века. Для его осуществления были привлечены исследователи из Финляндии и России. Данная статья касается той части проекта, в которой освещается советский период в истории города. Переселенцы, заселившие Сортавалу после войны, получили в свое распоряжение богатое «финское наследие»: превосходные дома, промышленные предприятия, школы, спортивные и культурные сооружения. Целью этой работы является показать, каким образом советское население города распорядилось этим «наследием» и как оно повлияло на жизнь советской Сортавалы.

Нельзя сказать, что советский период в истории Сортавалы до сих пор является полностью неосвещенным. Жизнь советской Сортавалы описана в некоторой степени в трудах историка Александра Изотова, являющегося уроженцем города и работающего сейчас в Финляндии. Его исследования посвящены прежде всего вопросам формирования локальной идентичности горожан [2], [3], [11]. В 2012 году вышла в свет монография Александра Краснолуцкого «Сортавала».

К сожалению, несмотря на большой объем этой книги, советский период представлен в ней лишь лаконичным перечислением основных событий, происходивших в городе в это время [6: 234–250]. Особенно ярко советский период Сортавалы представляется в номерах городского альманаха «Сердоболь»⁴. Важным источником материалов, позволяющих реконструировать повседневную жизнь советской Сортавалы, являются статьи и заметки, печатавшиеся в городской газете «Красное знамя». Несмотря на тенденциозность и определенную сухость информации, газетные публикации позволяют воссоздать довольно подробную и многоплановую картину будней этого районного города. Газета публиковала не только «трескучие» рапорты о выполнении планов и репортажи о трудовых успехах передовиков производства, но часто писала и об отношении жителей к своему городу, освещала культурные и спортивные события. Газетный материал дает возможность проследить, как использовалось «финское наследие», как жители города приспосабливались к условиям жизни в городе и как они приспосабливали эти условия под свой стиль жизни.

Послевоенное заселение аннексированных финских территорий можно считать исключительным в своем роде социальным экспериментом. Многие из переселенцев являлись горожанами в первом поколении, не имевшими опыта проживания в городах [11: 98]. Для бывших крестьян из глухих деревень Белоруссии, Украины и центральной России городская жизнь вообще была в диковинку, а западноевропейская архитектура и удобства финских городов их просто поражали. Можно сказать, что переезд «в Финляндию» означал для новых жителей Сортавалы не только смену места жительства, но и «перемещение во времени», своего рода скачок в будущее. Разница между советскими и финскими городскими пространствами была настолько велика, что это производило впечатление даже на людей, привычных к обстановке крупных советских городов. Так, например, писатель А. Таланов, посетивший Сортавалу в начале 1950-х годов, восхищался зданием гостиницы «Ладога», построенным в 1939 году: «...все красиво, удобно, практично...». Он же писал с восторгом о магазине, в котором «строители простоту сочетали с удобством», и о жилом доме, построенном с «веселой щеголеватостью»⁵. При этом отношение переселенцев к полученным «благам цивилизации» не отличалось рачительностью и стремлением сохранить финское наследие. Проведенное исследователями Петрозаводского государственного университета в 2013 году социологическое исследование жителей Сортавалы показало, что многие переселенцы не чувствовали себя «хозяевами в городе», и оттого у них не было стремления сохранить все то, что оставили после себя

финны⁶. Финские строения хотя и отличались крепостью, но и они нуждались в постоянном уходе. Даже наличие средств не гарантировало того, что работы будут проведены качественно. Так, в середине 1950-х годов председатель Сортавальского горисполкома был вынужден признать, что, несмотря на выделяемые деньги, ремонт зданий и улиц проводится из рук вон плохо. Дворы и дома в центре города выглядели уже тогда «безобразно» и вызвали «справедливое возмущение» горожан⁷. Публикации, призывающие беречь Сортавалу и повышать его «культурный уровень», регулярно появлялись на страницах городской газеты. Жители писали жалобы на строителей, оставлявших после себя грязь и разбитые улицы, на формальное отношение руководителей города и организаций к работам по сохранению и улучшению лица города. Директоров предприятий, располагавшихся в бывших финских домах, обвиняли в том, что они не заботятся о внешнем виде зданий, коммунальные службы ругали за неспособность «отвечать потребностям населения». Городские власти, в свою очередь, писали о том, что горожане сами сводят «на нет» труд коммунальщиков, не следят за чистотой на улицах, превращают скверы в «аллеи для скота», ломают деревья и «отдыхают» в пьяном виде на газонах. Состояние сортавальских улиц вызывало нелестные эпитеты и в высказываниях советских туристов, посещавших город⁸.

Уникальный архитектурный облик Сортавалы приходил в упадок не только потому, что советские жители города относились к нему с недостаточной рачительностью. Горожанам самим не позволялось ремонтировать дома (да у них и не было средств на это), а ремонтно-строительные организации просто не справлялись с объемом работ. Многие здания годами не видели ремонта вообще, либо в них проводились лишь «косметические» ремонтные работы. Без надлежащего ухода особенно страдали деревянные здания, создававшие неповторимую атмосферу Сортавалы [2: 179–180], [6: 241]. Хотя руководство города признавало ценность полученного от финнов архитектурного наследия, призывы сохранить уникальную архитектуру Сортавалы обычно оставались лишь на бумаге. Генеральный план застройки отсутствовал, и в результате в историческом центре Сортавалы появлялись постройки, совершенно не гармонирующие с финской архитектурой. Город был включен в список исторических населенных мест Российской Федерации только в феврале 1990 года [4: 808]. Говоря образным языком, лицо Сортавалы старело и искажалось. Однако, по мнению финских специалистов, пассивность советских властей сыграла и свою положительную роль. В Финляндии в настоящее время распространено мнение, что переход города после войны в состав СССР можно расценивать как удачу в смысле сохранения финской

архитектуры конца XIX – начала XX столетия. По мнению специалистов, если бы Сортавала осталась финской, то ее уникальный архитектурный облик был бы, несомненно, утерян в период строительного бума 1970-х годов. В это время во многих финских городах старинные здания безжалостно сносились, и на их месте строились безликие «бетонные ящики». Сортавала же, благодаря советской провинциальной нерасторопности превратилась в «живой музей городского строительства, в котором лучше всего сохранилось финское городское пространство, построенное перед войной»⁹.

«Финское наследие» оказало влияние не только на внешний облик советской Сортавалы. Оно определило и основные линии экономического развития города. По замыслам советского правительства, Сортавала должна была стать одним из крупных промышленных центров Карелии, и работы в этом направлении начали проводиться сразу после окончания войны. Уже к середине 1950-х годов в городе действовало более десятка различных предприятий, в число которых входили валяльно-войлочная, суконная и мебельная фабрики, пивоваренный завод и другие [6: 238]. Большая часть промышленных предприятий Сортавалы, однако, не преуспела в своем развитии. В условиях советской экономики главным в работе заводов и фабрик было количество, а не качество выпускаемой продукции. Во главу угла ставилось «выполнение и перевыполнение плана», при этом качество выпускаемой продукции и спрос на нее учитывались далеко не всегда. По этому принципу работала, например, Сортавальская валяльно-войлочная фабрика. Фабрика ежегодно рапортовала о перевыполнении плана, но при этом на ее складах лежали многометровые горы никому не нужных второсортных валенок¹⁰. В конечном итоге фабрика была закрыта в 1958 году. Спасением для городской экономики и, можно сказать, вообще для города стал мебельно-лыжный комбинат, открытый в 1958 году. Здесь «финское наследие» сыграло ключевую роль, поскольку комбинат был основан на базе бывших финских мебельных предприятий, располагавшихся в Сортавале и в пригородном поселке Хелюля. Продукция комбината (особенно лыжи) быстро завоевала большую популярность в стране, и вскоре он превратился в так называемое градообразующее предприятие, игравшее ведущую роль в жизни города [1: 56–57], [7]. Еще одним наследием финской промышленности явился Сортавальский пивоваренный завод, ведущий свою историю с конца XIX века. В довоенное время пиво этого завода пользовалось большой популярностью во всей Финляндии. После войны пивоваренный завод возобновил свою работу уже в 1945 году, однако финские традиции пивоварения не нашли своего продолжения в советский период. Завод выпускал типичные

для советского пивоварения сорта пива. В начале 1970-х годов это предприятие становится частью Ленинградского объединения «Степан Разин»¹¹. Кроме упомянутых выше предприятий, расположенных в черте города и ближайших окрестностях, на развитие промышленности советской Сортавалы оказали влияние и бывшие финские заводы, располагавшиеся в Сортавальском районе, такие как мраморно-известковый завод в поселке Рускеала и металлургический завод в поселке Вяртсиля.

Таким образом, «финское наследие» в промышленности оказалось той базой, на основе которой были организованы наиболее успешные советские предприятия Сортавалы и Сортавальского района. Именно бывшие финские предприятия оказались наиболее живучими даже в условиях советской экономики, но и они не смогли устоять в условиях «дикого капитализма», наступившего в 1990-х годах.

«Финское наследие» не только окружало жителей советской Сортавалы на улицах и в квартирах и обеспечивало их работой, но в немалой степени влияло на формирование досуга горожан. Особенно сильно это влияние прослеживалось в области спорта и в культурной жизни города.

В Финляндии Сортавала была известна как центр зимнего спорта. Уже в конце XIX столетия в городе развивается конькобежный спорт, тогда же растет интерес к лыжным гонкам. В 1929 году в городе был построен трамплин для прыжков, тогда же на ближайших холмах были организованы горнолыжные трассы. Не были забыты и другие виды спорта. В школах Сортавалы имелись прекрасно оборудованные залы для занятий спортивной гимнастикой, а городской стадион и спортивные площадки создавали условия для развития футбола и легкой атлетики. Большое влияние на спортивную жизнь города в финский период оказала учительская семинария, начавшая свою работу в 1880 году. В ее стенах учились и работали энтузиасты различных видов спорта [5: 9–13].

Советские переселенцы получили «в наследство» от финнов замечательную «спортивную базу», которая и сформировала спортивный облик советской Сортавалы. Директор Национального музея Республики Карелия Михаил Гольденберг, детство которого прошло в Сортавале в 1960-х годах, называет город «спортивным центром» с «уникальной» спортивной жизнью. По мнению Гольденберга, причиной тому было именно финское прошлое: «Она (спортивная жизнь) основывалась на оставшемся от финнов наследии, включавшем в себя небольшой, хороший стадион, трамплин и лодочную станцию» [9].

Местная газета отмечала в 1949 году, что во многих домах после финнов остались лыжи, коньки и велосипеды, а в школах города имелись превосходные спортивные залы с разнообразными гимнастическими снарядами¹².

Одна из жительниц Сортавалы вспоминает, как в 1960-е годы она начала серьезно заниматься спортивной гимнастикой: «Трижды в неделю мы с подружками бежали в спортивный зал средней школы № 1... Эта школа еще финнами была оборудована для занятий гимнастикой. Большой зал, в котором были все гимнастические снаряды...» [8: 79].

На базе оставшихся от финнов спортивных сооружений и оборудования в послевоенной Сортавале развиваются лыжный и конькобежный спорт, прыжки с трамплина и двоеборье, горнолыжный спорт и гимнастика. Летом на стадионе проводились соревнования по легкой атлетике и футбольные турниры. Особенное развитие получил гребной спорт. Как отмечает один из заслуженных спортсменов Сортавалы конца 1960-х годов, «складывалось впечатление, что вся молодежь города занималась спортом» [8: 25]. Историю развития спорта в советской Сортавале точно характеризуют слова заслуженного спортсмена города И. Павлова: «был восход, был расцвет, и начиная с 1990-х годов наступил закат» [8: 33]. Оставшийся от финнов инвентарь приходил в негодность, спортивные сооружения ветшали. О ремонте стадиона, например, начали говорить еще в 1947 году, но проведение его все откладывалось. В 1955 году городская газета писала о том, как под болельщиками сломалась трибуна стадиона, а поднимавшаяся во время футбольных матчей пыль «заставляла зрителей чихать»¹³. Особой поддержки со стороны властей спортсмены Сортавалы не получали. Не удивительно, что к концу советского периода «финское наследие» в области спорта было использовано практически до конца. Однако именно это наследие позволило достичь удивительных результатов для провинциального города. В Сортавале к концу 1980-х годов было воспитано шесть участников Олимпийских игр, причем пять из них – в прыжках на лыжах с трамплина и в двоеборье [8: 113–115].

В культурной жизни советской Сортавалы «финское наследие» тоже сыграло немаловажную роль. Переселенцы получали в свое распоряжение не только здания, построенные и обставленные по самым передовым для того времени архитектурным веяниям, но и культурные памятники. Сортавала, наряду с другими финскими местами, отошедшими к СССР, имела богатую культурную историю. Город был известен в Финляндии как центр карельской культуры, и в этом плане было символично даже то, что центр города украшала не скульптура какого-нибудь полководца или политика, а памятник карельскому рунопевцу Педри Шемейке. Преподаватели и учащиеся учительской семинарии заботились о сохранении и развитии традиций карельской и финской народной музыки. Особую известность городу принесли песенные праздники, организуемые здесь с конца XIX столетия [12].

Для советских жителей города «финское наследие» в области культуры оставалось далеко не всегда понятным. Финские культурные традиции «не вписывались» в уклад их жизни [3: 58–59]. Так, например, даже через 15 лет после переезда в Сортавалу многие из переселенцев считали, что скульптура в центре города изображает героя карело-финского эпоса «Калевала» Вайнямейнена¹⁴. Переселенцам в период их вербовки никто не рассказывал о культуре Финляндии. Да и после переезда их знания об истории и культуре региона чаще всего ограничивались лишь статьями по истории города, которые иногда публиковала местная газета. Разумеется, в этих статьях история преподносилась с советской точки зрения, и Сортавала называлась старинным русским городом.

Кроме памятников в области культуры финны оставили «в наследство» и материальную базу, а именно – различные музыкальные инструменты и классы для занятий музыкой. Эта база послужила толчком к развитию музыкальной жизни в советской Сортавале. В 1955 году в городе была открыта музыкальная школа, в которой дети имели возможность обучаться игре на фортепиано и баяне. Не были забыты и карельские музыкальные традиции. В 1951 году местный энтузиаст Тойво Хаккарайнен организовал народный хор, исполнявший песни на русском, карельском и финском языках, а в 1953 году в городе вновь был проведен певческий праздник, повторившийся затем и в следующем году¹⁵. Затем, увы, эта традиция была предана забвению вплоть до 1990 года, когда город становится открытым для финских туристов и здесь впервые проводится международный песенный праздник [10: 118].

Ситуация с «финским наследием» в культурной жизни советской Сортавалы развивалась по тому же сценарию, что и в спорте. Советское население пользовалось тем, что получило в наследство, а отдельные энтузиасты пытались поддерживать и развивать традиции в меру своих сил. Несмотря на их старания, «финское наследие» довольно быстро приходило в упадок. Так, например, городской парк Ваккосалми, являвшийся в финской Сортавале одним из центров культурной жизни города, в советское время довольно быстро становится заброшенным местом, привлекавшим местных хулиганов и любителей алкоголя. Бездеятельность дирекции парка не раз подвергалась критике в местной газете, но это не приносило результатов. Например, в июле 1971 года была опубликована заметка, в которой парк был назван «угасающим очагом культуры». Автор сетовал на то, что даже в разгар лета парк представлял собой удручающее зрелище: «...несколько аттракционов на детской площадке, русские качели, стрелковый тир да танцы – вот, пожалуй, и все». На месте бывшего фонтана –

«голый постамент да столб с оборванными проходами». Читальный зал, Зеленый театр и финская курная изба закрыты, зато в парке «бойко идет торговля водкой в разлив»¹⁶. Так вырабатывалась до конца и исчезала оставленная финнами материальная база в области культуры.

Пример Сортавалы показывает, насколько разносторонне влияло на жизнь советских жителей города «финское наследие». Они жили в домах, построенных финнами, работали на предприятиях, основанных некогда финскими предпринимателями. Финское прошлое города определяло во многом даже увлечения переселенцев и их детей. Не удивительно, что по результатам уже упомянутого выше социологического исследования, проведенного в 2013 году, около половины опрошенных горожан (46 %) до сих пор считают, что они живут «в финском культурном окружении»¹⁷.

Оставленная финнами Сортавала представляла собой крепкую основу для начала нового этапа в жизни города, дававшую возможности для его многопланового развития. Однако эти возможности были использованы крайне незначительно. «Финское наследие», в основном, только потреблялось, а его развитие и даже сохранение не особенно занимали руководство города и его жителей. Строения ветшали, улицы и скверы приобретали неряшливый вид, промышленные предприятия закрывались, спортивные сооружения разрушались. Подобная картина наблюдалась практически во всех аннексированных Советским Союзом населенных пунктах Финляндии. Особенно ярко результаты советской

системы хозяйствования проявлялись именно в городах Сортавала и Выборг.

Обличительные статьи в местной газете с призывами «сохранить» и «не допустить», как и деятельность отдельных энтузиастов, пытавшихся сохранить и преумножить «финское наследие», не приносили особых результатов. Город быстро терял тот потенциал, который оставили его довоенные обитатели. Из достоинств города сохранились только окружающие его природные ландшафты и, в некоторой степени, финская архитектура. Именно их ставят на первое место жители современной Сортавалы. При этом условия проживания в городе и работа в списке достоинств города находятся на последних местах¹⁸.

Было бы неверным обвинять жителей советской Сортавалы в потребительском отношении к полученному ими от прежних обитателей города наследию. Газетные публикации советского периода и воспоминания людей показывают, что многие горожане искренне болели и болеют за сохранность города. К сожалению, существовавшая система отнюдь не способствовала этому. В итоге Сортавала превратилась в типичный советский провинциальный районный город, отличавшийся только необычной архитектурой центра и красотой окрестной природы. Как сказал один из жителей города в интервью: «Мы не наследники финской культуры... Наследники – это в какой-то степени последователи. <...> Которые не только сохраняют. Но и продолжают. Развивают. В этом ключе я не вижу никакого наследства, скорее, отрицательно»¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Siirtokarjalaisten historia. Публикация на сайте организации Karjalan Liitto (Карельский Союз): https://www.karjalanliitto.fi/karjala_ja_karjalaisuus/siirtokarjalaisuus.

² В 2010 году был издан шестой том истории Выборгского лена, освещавший также советский период региона «Karjala itärajan varjossa». В 2011 году вышла в свет двухтомная история Суоярви «Omal mual. Vierahal mual», а в 2013-м была издана книга о советском периоде в истории г. Выборга «Viipurin kadotetut vuodet: 1940–1990». Название этой книги можно перевести на русский как «Затерянные годы Выборга». Издатель, предложивший это название, мотивировал свой выбор тем, что советский период города для финнов являлся своего рода «затерянным миром», о котором они имели лишь весьма смутное представление.

³ Suomen tilastollinen vuosikirja 1940. Helsinki, Valtioneuvoston kirjapaino, 1941. Osa II. С. 14 (http://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/69230/stv_1940.pdf?sequence=1).

⁴ Альманах издается с 2008 года. До настоящего времени выпущено 18 номеров этого альманаха. Каждый из номеров посвящен определенной теме и содержит большое количество воспоминаний и иллюстраций.

⁵ Таланов А. В стране белых ночей. М.: Молодая гвардия, 1957. С. 12–13.

⁶ Яровой Г. и др. Социология приграничного города. Общественное мнение и гражданские инициативы Сортавала. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 34–35.

⁷ Газета «Красное знамя». 1955. 20 мая.

⁸ Газета «Красное знамя». 1953. 24 мая; 1970. 15 сент.; 1955. 21 авг.; 1977. 1 июля; 1977. 29 сент.

⁹ Björn I. Sortavala suomalaisin silmin: Публикация на сайте общества Pälkäjärven pitäjäseura ry: <http://www.palkjarvi.fi/sisalto.php?id=109>.

¹⁰ Газета «Красное знамя». 1949. 17 мая; 1949. 20 окт., 1955. 14 сент.

¹¹ Назирова Т., Пивзавод. Публикация на сайте Регионального музея Северного Приладожья: <http://museum-sortavala.ru/sortavalskij-pivzavod.html>.

¹² Газета «Красное знамя». 1949. 12 апр.

¹³ Газета «Красное знамя». 1955. 11 сент.

¹⁴ Газета «Красное знамя». 1960. 20 авг., 27 авг.

¹⁵ Газета «Красное знамя». 1953. 3 июня; 1954. 2 июня; 1955. 4 дек.; Сортавальский финский народный хор. Публикация на сайте Регионального музея Северного Приладожья «ВКонтакте»: https://vk.com/topic-27150458_33345696.

¹⁶ Газета «Красное знамя». 1971. 21 июля.

¹⁷ Брошюра результатов исследования «Общественное мнение, гражданские инициативы Сортавала 2013», Центр публичной политики гражданского образования и прав человека. Петрозаводск: ПетроПресс, 2013. С. 6.

- ¹⁸ Брошюра результатов исследования «Общественное мнение, гражданские инициативы Сортавала 2013», Центр публичной политики гражданского образования и прав человека. Петрозаводск: ПетроПресс, 2013. С. 7.
- ¹⁹ Яровой Г. и др. Социология приграничного города... С. 101.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власов П., Стафеев Б. Сортавала. Города и районы Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978. 110 с.
2. Изотов А. Магия Сортавалы: пространственно-временные и культурные образы города // Вестник Евразии. 2008. № 1 (39). С. 149–202.
3. Изотов А. Повседневная жизнь пограничного города: послевоенная Сортавала // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. Вып. 1. С. 53–64.
4. История Карелии с древних времен до наших дней / Ред. Н. Кораблев и др. Петрозаводск: Периодика, 2001. 946 с.
5. Итконен Х. Ранние десятилетия истории сортавальского спорта // Сортавала. С любовью к спорту. Петрозаводск: Verso, 2015. С. 9–20.
6. Краснолуцкий А. Сортавала. СПб.: Площадь Искусств, 2012. 760 с.
7. Рыстов В. Сортавальский мебельно-лыжный комбинат // Сердоболь. Городской альманах, 2011. Вып. 11–12. С. 61–72.
8. Сортавала. С любовью к спорту. Петрозаводск: Verso, 2015. 119 с.
9. Goldenberg M. Kohtalon lahja // Carelia. 2015. № 2. С. 60.
10. Hakamies P. Sortavalan laulujuhlat – kansallisuusaatetta ja kotiseutumatkailua // Sortavala – rajakaupunki. Joensuu: Joensuun yliopisto, 2001. S. 111–122.
11. Izotov A. Terra incognita: suljettu kaupunki ja sen asukkaat // Sortavala – rajakaupunki. Joensuu: Joensuun yliopisto, 2001. S. 91–109.
12. Pajamo R. Sortavala: Laatokan laulava kaupunki. Joensuu: KES, 1985. 207 s.

Shikalov Yu. G., University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

“THE FINNISH HERITAGE” IN THE SOVIET REALITY OF SORTAVALA

This article focuses on the role played by the “Finnish heritage” in various spheres of Sortavala live in the Soviet period. The core emphasis is laid on the issue of the further use, transfer, and exploitation of the created by the Finnish people housing, industrial and other resources by the Soviet settlers. The article reflects Finnish traditions in the cultural live and sports of Soviet Sortavala.

Key words: Sortavala, “Finnish heritage”, Soviet period, architecture, industry, sport, culture

REFERENCES

1. Vlasov P., Stafeyev B. *Sortavala. Goroda i rayony Karelii* [Sortavala. Cities and regions of Karelia]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1978. 110 p.
2. Izotov A. Magic of Sortavala: space-time and cultural images of the city [Magiya Sortavaly: prostranstvenno-vremennyye i kul'turnye obrazy goroda]. *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica]. 2008. № 1 (39). P. 149–202.
3. Izotov A. The daily life of the border city: the post-war Sortavala [Povsednevnyaya zhizn' pogranichnogo goroda: poslevoennaya Sortavala]. *Granitsy i kontaktnyye zony v istorii i kul'ture Karelii i sopredel'nykh regionov*. Petrozavodsk, KarNTs RAN Publ., 2008. Issue 1. P. 53–64.
4. *Istoriya Karelii s drevnikh vremen do nashikh dney* [History of Karelia from ancient times to the present days]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2001. 946 p.
5. Itkonen H. The early decades of the history of the Sortavala sports [Rannie desyatiletia istorii sortaval'skogo sporta]. *Sortavala. S lyubov'yu k sportu*. Petrozavodsk, Verso Publ., 2015. P. 9–20.
6. Krasnoluckij A. *Sortavala* [Sortavala]. St. Petersburg, Ploshchad' Iskusstv Publ., 2012. 760 p.
7. Rystov V. Sortavala furniture-ski factory [Sortaval'skiy mebel'no-lyzhnyy kombinat]. *Serdobol'. Gorodskoy al'manakh*. 2011. Issue 11–12. P. 61–72.
8. *Sortavala. S lyubov'yu k sportu* [Sortavala. With love to the sports]. Petrozavodsk, Verso Publ., 2015. 119 p.
9. Goldenberg M. Kohtalon lahja. *Carelia*. 2015. № 2. P. 60.
10. Hakamies P. Sortavalan laulujuhlat – kansallisuusaatetta ja kotiseutumatkailua. *Sortavala – rajakaupunki*. Joensuu, Joensuun yliopisto, 2001. S. 111–122.
11. Izotov A. Terra incognita: suljettu kaupunki ja sen asukkaat. *Sortavala – rajakaupunki*. Joensuu, 2001. P. 91–109.
12. Pajamo R. *Sortavala: Laatokan laulava kaupunki*. Joensuu, 1985. 207 p.

Поступила в редакцию 17.05.2017

АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ БАРКОВИЧ

доктор филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики филологического факультета, Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь)
albark@tut.by

МЕТАЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА МОДЕЛИРОВАНИЯ: ДЕРИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Метаописания динамики языка актуальны в контексте современной лингвистики, обеспечивающей совершенствование коммуникации. Особый интерес представляет репрезентация модификационных возможностей языковой системы – деривационных. Современное развитие языковой системы характеризуется все более существенным влиянием фактора компьютерного опосредования коммуникации, что придает речевой практике новую специфичность. Подобный тренд обуславливает и целесообразную ориентацию метаязыкового изучения и сопровождения дискурса на создание статистически корректных моделей. Такие модели должны быть максимально дискретными и иерархически организованными в соответствии со статистической моделью коммуникации, в том числе в научном дискурсе. Базовым уровнем непротиворечивого и иерархического метаописания деривационных отношений является терминологический. Задачи комплексного моделирования референтных языковых отношений обусловлены верификацией и корректной систематизацией терминосистемы. Основой соответствующей научной практики является репрезентация базовых понятий: для деривационных отношений приоритетными будут вопросы метаописания самой *деривации* как феномена и ее базовых единиц – *деривативов*, *деривантов*, *дериватов*. Аспекты рассмотрения данной проблемной области, в частности лексический, характеризуются существенным потенциалом метаязыковой репрезентации.

Ключевые слова: деривация, терминосистема, метаязык, метаописание, фрейм, иерархическая метамодель деривации, компьютерно-опосредованный дискурс

Формальная выраженность деривационного процесса позволяет предметно изучать и описывать его с помощью вторичных семиотических систем – в метаязыковом аспекте. В контексте повышенного внимания в современных условиях практически ко всем особенностям речевой практики их корректная метаязыковая репрезентация становится весьма актуальной. В свою очередь, последовательное использование потенциала метаязыковой парадигмы способствует решению широкого круга вопросов, связанных с адекватной речевой имплементацией языковых единиц. В этой связи репрезентация деривационных закономерностей развития языка, пожалуй, одна из наиболее практически обусловленных лингвистических задач. Стратегической целью в метаязыковом плане является создание фреймовой инфраструктуры *деривации* как языкового феномена. Такое языковое моделирование предъявляет вполне определенные требования к репрезентации эмпирического материала: она должна быть дискретной и непротиворечивой. Решение данной проблемы, пожалуй, невозможно без устранения множественности в понимании и использовании важнейшего метаязыкового ресурса – терминологического, что явилось объектом данного исследования. Есть все основания предполагать, что приоритетной в данной связи будет лингвистическая верификация самой референтной терминосистемы.

Специфика изучения языка как системы в «до-компьютерную» эпоху в значительной мере была обусловлена сложностью сбора представительных массивов речевой практики. В метаязыковом плане такая деятельность ориентировалась, как правило, на *лексический* уровень языковых данных. С появлением компьютеров эмпирическая обеспеченность лингвистики существенно улучшилась, и по мере развития коммуникационных технологий дискурс в «электронном» формате становится все более *репрезентативным* [2]. Нечто подобное в истории коммуникации можно было наблюдать, возможно, лишь при возникновении письменности.

Неудивительно, что сегодня новые количество и качество доступной для исследований речевой практики обуславливают сдвиг фокуса метаязыковых исследований в сферу металингвистики, по-новому актуализируя проблематику многоуровневой репрезентации языковой системы [5: 47]. Вместе с тем лексическая проблематика осталась востребованной. Разумеется, сегодня, как и прежде, языковая система – абстракция, обеспеченная *метаязыком* и его возможностями «сопоставлять языковые знаки и говорить о самом языке», быть «структурным образованием» [9: 316]. При этом, с учетом современной эмпирической обеспеченности лингвистики, нередко по-новому актуализируются «классические» метаязыковые описания. Примером такой

традиционной для языкознания проблемной области, по-прежнему обладающей существенным потенциалом метаязыкового развития, является *деривация* – воплощенная в речевой деятельности вариативность единиц языка, в первую очередь слов. В деривационном процессе имеет место «особая форма функционирования слова (функционирования с модификацией)» [6: 3].

Деривация – термин с богатой историей, этимологически восходящий к латыни: его эволюция отчетливо прослеживается через английский язык, где *derivation* – ‘вывод, образование, деривация’; старофранцузский язык, где *dérivation* – ‘уход, поворот’; и латынь, где *derivare* – ‘приисходить, спускаться’ – было образовано от *de* – ‘из, от’ и *rivus* – ‘поток, течение’¹. Понятие *деривации*, введенное в 30-е годы XX века Е. Куриловичем для характеристики словообразовательных процессов, позволило предметно соотнести цели и задачи процесса развития языковой системы с метаязыковыми средствами его описания [7]. Сам термин является широкоизвестным и востребованным. Однако, несмотря на интенсивное изучение референтной проблематики, наблюдаются существенные расхождения в лингвистической интерпретации как самой единицы *деривация*, так и соответствующей терминотерминологии.

Так, например, в «Энциклопедическом словаре лингвистических терминов и понятий: русский язык» *деривация* прямо ассоциируется со словообразованием: «ДЕРИВАЦИЯ (лат. *derivatio* “отведение; словопроизводство”). 1. См. словообразование. 2. Образование простых производных слов. В этом значении исключается образование сложных слов, которые являются объектом *композитологии*»². В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой *деривация* – только «аффиксальное словообразование»³. В однотипном источнике «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило *деривация* толкуется достаточно широко, но в пределах только лексического уровня языка: «ДЕРИВАЦИЯ [лат. *derivatio* отведение, отклонение]. Образование слова в языке по существующим моделям с помощью аффиксации, чередования звуков, словосложения, стяжения, развития новых значений и др. средств»⁴. Достаточно объективно и пространно *деривация* структурирована в источнике «Языкознание. Большой энциклопедический словарь»: «ДЕРИВАЦИЯ (от лат. *derivatio* – отведение; образование) – процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные, в простейшем случае – путем “расширения” корня за счет аффиксации или словосложения, в связи с чем Д. приравнивается иногда к словопроизводству или даже словообразованию. Согласно более широкой точке зрения, Д. понимается либо как обобщенный термин для обозначения словоизменения и словообразования вместе взятых, либо как название для процессов

(реже результатов) образования в языке любых вторичных знаков, в т. ч. предложений, которые могут быть объяснены с помощью единиц, принятых за исходные, или выведены из них путем применения определ. правил, операций»⁵. Характерно, что в большинстве приведенных определений различения начинаются уже на этапе корреляции термина с латинским языком: кроме ‘отведения’ – это и ‘словопроизводство’, и ‘отклонение’, и ‘образование’. Впрочем, лексикографическая практика всегда отражала субъективность составителей словарей.

Пожалуй, бесспорным является то, что **деривация** – это образование новых языковых единиц или их форм на основе уже существующих языковых единиц при помощи релевантных языковых средств. При этом характеристика *релевантности* языковых средств подразумевает, в свою очередь, достаточно широкий спектр идентичности, начиная от характера, стереотипности средств и заканчивая уровневой локализацией процесса. Анализ речевой практики, ее дискурсивная по сути интерпретация, не оставляет места для сомнений в универсальности и общезыковом характере деривационных процессов. Так, по мнению Н. Д. Голева: «Слово – не единственный объект деривации / мотивации. Деривация слова – частная разновидность процессов, имеющих общезыковой характер. Они проявляются при образовании сложных единиц: словосочетаний, предложений, текста, их компонентов – словоформ. Не исключена возможность применения принципа деривации / мотивации к более низким по уровню, чем слово, единицам, например, аффиксам» [6: 29]. Металексическая, как *гипер-*, так и *суб-* или *интер-* значимость языковых единиц в речи является важным ресурсом динамики языка [4]. Как отмечалось Л. Н. Мурзиным, значительно расширившим проблемную область дериватологии, в контексте речевой деятельности язык получает большую степень свободы [8: 132].

Во многом подобная вариативность объектных особенностей обусловила большое разнообразие компетентных суждений по данной проблематике. Велик разброс мнений относительно представления ключевых структурных элементов уже самой деривации: *дериватов*, *деривантов*, *деривативов*, *дериваторов*, *деривативных единиц* и т. д.⁶ Пожалуй, единственным счастливым исключением из единиц данного ряда, не имеющим в русской лингвистике противоречивого толкования, является *дериват* (см. ниже).

Характерно, что на собственно языковую специфику метаязыковой интерпретации деривации в отдельно взятом языке, например в русском, не может не влиять и статус самого термина-интернационализма *деривация* (англ. *derivation*, фр. *dérivation*, исп. *derivación* и т. д.), что важно в дискурсивном аспекте. Существенно в данной связи влияние экстралингвистических факторов.

Например, в русскоязычных метаописаниях сравнительно редко используются *derivativы* и *дериванты*. С учетом статуса данных единиц – заимствований-калек – их малая распространенность в русском языке (и отсутствие во многих словарях, в том числе терминологических) является косвенным свидетельством продолжающегося освоения. При этом их эквиваленты *derivative* и *derivant* широко востребованы в английском языке, в том числе вне лингвистического контекста.

Неустоявшаяся, колеблющаяся языковая динамика особенно ярко проявляется в *компьютерно-опосредованном дискурсе* (КОД) – новой коммуникационной реальности. Такова специфика КОД – «...речевой деятельности, развернутой в обеспеченной компьютерными технологиями пространственно-временной реальности и обусловленной широким экстралингвистическим контекстом и коммуникационной спецификой» [5: 37]. Как и иные языковые системообразующие отношения, деривационные отношения в компьютерно-опосредованной речевой сфере более прозрачны и доступны, чем в традиционном дискурсе. КОД, в частности интернет-дискурс, достаточно объективно отражает и существующее «деривационное» разнообразие:

Frodo Baggins is renamed Frodo Sumkin (a derivative from the Russian word sumka, or bag) (Фродо Бэггинс переименован во Фродо Сумкина (*производное* от русского слова «сумка», или пакет)) [<http://boingboing.net/2004/05/16-week/>];

Derivatives are contracts that are «derived» from an underlying asset such as a bond, a foreign currency or a commodity such as oil or soybeans (Деривативы – это контракты, которые являются производными от базового актива, такого как облигация, иностранная валюта или товар, такой как масло или соевые бобы) [http://usato-day30.usatoday.com/money/companies/management/2009-11-22gensler-otc-derivatives_N.html];

Again, although more primitive in construction, you will see the classic v-shaped profile that is now seen on the Mastiff – the British Army's derivant of the US Cougar mine protected vehicle (Опять же, вы увидите, хотя и более примитивный по конструкции, классический V-образный профиль «Мастиффа» – *модификации* для британской армии американской «Пумы», обладающего противоминной защитой транспортного средства) [<http://eureferendum.blogspot.com.by/2007/08/we-are-soooo-happy-for-them.html>].

Именно английский язык является «донором» или «логистическим центром» для огромного количества современных терминов, в том числе лингвистических, в том числе деривационных. При этом с терминами *derivate* (рус. *дериват*), *derivant* (рус. *деривант*), *derivative* (рус. *дериватив*) в самом англоязычном лингвистическом контексте тоже все далеко не однозначно: они

часто используются, но за ними нередко стоят разные денотаты. Так, то, что в русском языке подразумевается, главным образом, под *дериватом* – производной единицей в деривационном процессе, или «производным словом»⁷, – в английском языке может обозначаться и как, собственно, *derivate* (*derivat*), и как *derivant*, и как *derivative*.

В данной связи уже не удивляет противоречивая презентация элементов референтной терминотерминологической системы в русскоязычном метаязыковом формате. Так, в одном специализированном словаре на соседних страницах «словообразовательный элемент языка» квалифицируется и как *деривант*, и как *дериватор*: «ДЕРИВАНТ. То же, что формант словообразовательный»⁸; «ДЕРИВАТОР. 1. То же, что аффикс словообразовательный, формант словообразовательный»⁹. При этом для обозначения элементов, изменяющих производящую основу слова, вообще-то говоря, есть как минимум не менее удачные термины – *derivatema*, *граммема*, *флексионема* (см. ниже), не перегружающие «деривационную» парадигматику. *Дериватема*, кстати, тоже присутствует в данном словаре как «словообразовательная категория»¹⁰. Однако при целесообразной аналогии *дериватива* с *формативами* данный термин здесь почему-то использован в экспоненте женского рода – «дериватива» («...к числу *дериватив*...») и связывается как с *производящей основой*, так и, опять же, с *деривантом*.

Конечно, для метаязыка подобное противоречивое развитие лексемы *деривация* создает немало неудобств: нередко научное обсуждение начинается со «сверки часов» – что именно обсуждается и как понимается.

Характерным примером неоднозначной и неполной ассимиляции иноязычной по происхождению лексемы *деривация* в русском языке является единица *деривант*. В этом случае – наряду с иными, более и менее латентными причинами – сложившееся восприятие словообразовательной мотивации, например при использовании суффикса *-ант*-, совершенно не способствует формированию «прозрачных» деривационных отношений. Некоторые варианты его стереотипной имплементации описаны и представлены, в частности, в «Толковом словообразовательном словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой – кроме «названий лиц» здесь обозначены: «действие по глаголу, названному мотивирующим словом» и «результат такого действия (*вариант*, *диктант*)»¹¹. Естественно: «...деривационные правила и нормы при воспроизводстве готового деривата необходимо корректируются лексическими нормами (знанием того, что нужное слово существует в определенной форме и находится в определенном месте лексической системы)» [6: 213], – практика многообразнее.

В общем-то, в активе русского языка достаточно много лексики на *-ант*: только в «Обратном словаре русского языка» представлены 120 единиц¹². Единицы из данного перечня можно считать уже как минимум состоявшимися неологизмами, имея в виду, что огромное количество менее освоенной заимствованной лексики в узловые словари не попадает. Однако дополнительную сложность создает то обстоятельство, что далеко не все из них могут рассматриваться как возможные дериваты русского языка (ср. *квартир-ант*, *конкурс-ант*, *фигур-ант* и *адьютант*, *дилетант*, *педант*). Кроме того, например, потенциально продуктивная оппозиционная модель типа *адрес-ат* – *адрес-ант* – практически не распространена в русском языке, будучи заимствованной из немецкого языка в готовом виде (нем. *Adressat* – *Adressant*). Такие однокоренные этимологически пары слов, как *дипломат* – *дипломант*, *магистрат* – *магистрант*, *квадрат* – *квадрант*, в русском языке не более чем паронимы. Тем не менее оппозиционная модель *-ат* – *-ант* в русском языке объективно присутствует, что вполне может рассматриваться как фактор, способствующий целесообразной адаптации лексем *дериват* и *деривант* и формированию полноценной диады *дериват* – *деривант*.

Возникает резонный вопрос: так что на самом деле должно подразумеваться под терминами *дериват*, *деривант* и *дериватив* в русском языке? Ответ, как можно видеть, не столь очевиден, однако в силу вышеизложенных причин предложить его необходимо.

Разумеется, актуально в данном контексте то, что *деривация* и все ее производные – как правило, заимствования того или иного качества. Иноязычное происхождение имеют и такие заимствованные в рассматриваемой словообразовательной парадигме суффиксы, как *-ив-*, *-ат-*, *-ант-*, *-ор-* (*-ер-*, *-ёр-*) и др. Небезынтересным в данной связи может оказаться обращение к англоязычному дискурсу – одному из основных терминологических стандартов современной науки. Рассмотрим, к примеру, *дериватив* (англ. *derivative*): в английском языке данная лексема – наиболее употребительный термин для обозначения существительных и прилагательных с «деривационной» семантикой. Так, согласно данным словаря *The American Heritage Dictionary of the English Language*, здесь для лексемы *derivative* (рус. *дериватив*) среди девяти вариантов имеется узкоспециальное «лингвистическое» значение –

‘производное слово’ (*Linguistics: A word formed from another by derivation*). Однако на первом месте для данной лексемы предусмотрена гораздо более широкая значимость: «...1. Resulting from or employing derivation: a derivative word; a derivative process» (Возникший в результате деривации или задействованный в ней: *деривативное слово*, *деривативный процесс*)¹³. В контексте русскоязычных метаязыковых реалий *derivative word* (рус. *деривативное слово*) вполне может переводиться и не дословно – например, как *дериватив*.

Таким образом, избегая интерференции множества понятий, **деривативами**, видимо, целесообразно называть обобщенные совокупности задействованных в деривационном процессе единиц *лексического* уровня: как **дериватов** – производных, так и **деривантов** – базовых (производящих) единиц.

Влиятельные функциональные реалии современной речевой деятельности – это и сам *КОД* как активно развивающийся феномен, и его *опозиционная (бинарная) специфика*. В данной связи оказывается особенно востребованной такое «...иерархическое и оппозиционное – в идеале, бинарное – метаязыковое обобщение, отражающее динамику деривационных отношений в речевой практике как **иерархическая метамодель деривации**» [3: 108]. Собственно, *иерархическая* логика заложена в концептуальной организации любого фрейма как такового: «...структура фрейма складывается по принципу схожести элементов и их связей с подчинительной связью общего и частного» [1: 83]. *Метамодель* же – как модель или совокупность моделей – позволяет объединять разнородные, непрямо связанные иерархические конструкции, например разноуровневые субмодели.

Последовательная репрезентация деривационной терминосистемы позволяет создавать актуальные *динамические* метаописания, стремящиеся к дискретности. Разумеется, ввиду сложности деривационных отношений в языке данная проблематика не может быть исчерпана репрезентацией базовых единиц, таких как *деривативы*, *дериванты* и *дериваты*, а требует дальнейшей структуризации терминосистемы. При этом очевидно, что референтным структурным элементом деривационной метамодели вполне может быть иерархически организованное единство на лексическом уровне. Системообразующими элементами такой субмодели на лексическом уровне оказываются гипероним *дериватив* и оппозиционные гипонимы *деривант* и *дериват*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Online Etymology Dictionary. Available at: <http://www.etymonline.com> (accessed 30.07.2015).

² Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий: русский язык / Ред. А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов. М.: Флинта: Наука, 2014. Т. 1. 842 с.

³ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966. 607 с.

⁴ Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

⁵ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

- ⁶ Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий: русский язык / Ред. А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов. М.: Флинта: Наука, 2014. Т. 1. 842 с.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: Св. 136000 слов. ст., ок. 250000 семант. ед.: В 2 т. М.: Рус. яз., 2000. 2297 с.
- ¹² Обратный словарь русского языка: Около 125000 слов. М.: Сов. энциклопедия, 1974. 944 с.
- ¹³ The American Heritage Dictionary of the English Language [5th edition]. Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt, 2011. 2112 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакин С. В. Деривационный потенциал концептуальной системы языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2016. 609 с.
2. Баркович А. А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация. М.: Флинта: Наука, 2015. 288 с.
3. Баркович А. А. Информационная лингвистика: Метаописания современной коммуникации. М.: Флинта: Наука, 2017. 360 с.
4. Баркович А. А. Компьютерно-опосредованная коммуникация: потенциал металексической значимости // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 7 (152). С. 38–43.
5. Баркович А. А. Функциональность диады «коммуникационный – коммуникативный»: дискурсивный аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 5 (37). С. 37–52.
6. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. 252 с.
7. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 57–70.
8. Мурзин Л. Н. О степенях свободы языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Памяти Э. В. Кузнецовой. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. С. 127–133.
9. Якобсон Р. Речевая коммуникация // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 306–318.

Barkovich A. A., Belarusian State University (Minsk, Belarus)

METALANGUAGE SPECIFICITY OF MODELING: DERIVATIONAL ASPECT

Meta-descriptions of the language dynamics are relevant in the context of modern linguistics, which provides perfection in communication. The representation of modification possibilities of the language system, derivation in particular, constitutes a special scientific interest. The modern development of the language system is characterized by the growing influence of computer-mediated communication. Such mediation provides speech practice with new specificity. This trend causes purposeful orientation of the discourse's metalinguistic study and induces creation of statistically valid models. Such models should be discrete and hierarchically organized according to the statistical model of communication, scientific discourse inclusive. The terminological level is a basic benchmark for consistent and hierarchical meta-descriptions of derivational relations. The goals of the complex modeling of referent language relations are conditioned by the term system verification and correct systematization. The basis of the relevant scientific practice is a representation of basic concepts: meta-description issues are presented through derivational relations. *Derivation* is approached as a phenomenon itself and its basic units: *derivatives*, *derivates*, *derivants* are included into the practice of meta-description. The aspects of this problem area consideration, in particular lexical, are characterized by the significant potential of metalinguistic representations.

Key words: derivation, term system, metalanguage, meta-description, frame, hierarchical meta-model of derivation, computer-mediated discourse

REFERENCES

1. Balakin S. V. *Derivatsionnyy potentsial kontseptual'noy sistemy yazyka: Dis. ... d-ra filol. nauk* [Derivational potential of the language's conceptual system]. Cheljabinsk, 2016. 609 p.
2. Barkovich A. A. *Internet-diskurs: komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya* [Internet discourse: computer-mediated communication]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2015. 288 p.
3. Barkovich A. A. *Informatsionnaya lingvistika: Metaopisaniya sovremennoy kommunikatsii* [Information linguistics: Meta-descriptions of modern communication]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2017. 360 p.
4. Barkovich A. A. Computer-mediated communication: potential of metalexicalexical significance [Komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya: potentsial metaleksicheskoy znachimosti]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2015. № 7 (152). P. 38–43.
5. Barkovich A. A. Functionality of the dyad "communicational–communicative": discursive aspect [Funksional'nost' diady "kommunikatsionnyy – kommunikativnyy": diskursivnyy aspekt]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philology]. 2015. № 5 (37). P. 37–52.
6. Golev N. D. *Dinamicheskiy aspekt leksicheskoy motivatsii* [The dynamic aspect of lexical motivation]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta, 1989. 252 p.
7. Kurilovich E. Lexical derivation and syntactical derivation [Derivatsiya leksicheskaya i derivatsiya sintaksicheskaya]. *Ocherki po lingvistike*. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1962. P. 57–70.
8. Murzin L. N. The degrees of language freedom [O stepenyakh svobody yazyka]. *Russkoe slovo v yazyke, tekste i kul'turnoy srede. Pamyati E. V. Kuznetsovoy*. Ekaterinburg, Izd-vo UrGU, 1997. P. 127–133.
9. Jakobson R. Speech communication [Rechevaya kommunikatsiya]. *Izbrannye raboty*. Moscow, Progress Publ., 1985. P. 306–318.

Поступила в редакцию 16.02.2017

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
nvpatr@list.ru

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ПОНЯТИЯ «ОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ ОДНОСОСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ» В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ*

Тенденции использования номинативных, инфинитивных и безличных односоставных предложений уже были предметом анализа на материале лирических текстов, однако семантика синтаксического лица и функции определено-личных однокомпонентных конструкций гораздо реже становились объектом специального внимания лингвистов, исследующих русскую лирику. Между тем собранный для «Синтаксического словаря русской поэзии» массив поэтических высказываний демонстрирует характерные для лирического дискурса семантические особенности определено-личных конструкций. Целью статьи является анализ грамматической семантики глагольных форм 1-го и 2-го лица, являющихся предикатами односоставных предложений в поэтической речи эпохи русского барокко, классицизма и сентиментализма. Лирика демонстрирует расширение границ референциальной основы, нейтрализацию личных значений, переносные употребления определено-личных форм в качестве «условно-личных», неопределенно- или обобщенно-личных, что может быть признано общепоэтической нормой уже на начальном этапе развития русской поэзии и расширяется в дальнейшем, поскольку продиктовано условиями самой лирической коммуникации. Высказывания с неодушевленным или собирательно представляемым в контексте стихотворения субъектом либо адресатом интерпретируются в синтаксическом словаре как определено-личные, однако условность этой квалификации подчеркнута знаком астериска («определенно-личные*»). Поэтическая речь XVIII столетия, как об этом свидетельствуют материалы синтаксического словаря, демонстрирует картину довольно скромной репрезентативности определено-личных конструкций на фоне двусоставных. Определенно-личным предложениям свойственна устно-разговорная коннотация, однако в поэзии XVIII века ведущим жанром была высокая ода, поэтому писатели избегали односоставных глагольных предложений как стилистически сниженных. Постановка местоимения и выбор двусоставной структуры осуществлялись под воздействием латино-немецких книжно-письменных синтаксических образцов. Играл определенную роль и диктат версификационных требований: местоимение часто выступало как проклитика и способствовало распространению ямба, пришедшего на смену силлабике и хорю.

Ключевые слова: определено-личные односоставные предложения, поэтический синтаксис, синтаксис поэтического текста

ВВЕДЕНИЕ

В лирике экспрессивную нагрузку могут приобретать любые разновидности синтаксических конструкций, однако особые типологические признаки синтаксиса стихотворного текста проявляются прежде всего в присущих поэтическим высказываниям семантике и функциях, обусловленных спецификой лирической коммуникации. Например, для лирики характерны семантическая неодноплановость и неоднозначность референции – расширяющаяся нередко до максимальных пределов широта дейктического жеста. Здесь взаимодействуют тесно связанные тенденции к устранению наименования предмета и к концентрации признаков, и эта «повышенная предикативность» лирики обуславливает, в частности, обилие односоставных конструкций, на которых, очевидно, должно быть сосредоточено внимание исследователя поэтического синтаксиса, как и на иных позициях, средствах, подчеркивающих особый характер субъекта и адресата лирической коммуникации.

Если предмет и проблематику поэтического синтаксиса понимать более широко, чем это представлено в ставших уже классикой лингвопоэтики трудах И. И. Ковтуновой, то в качестве объекта синтаксиса стихотворного текста можно рассматривать все предложения, формирующие структуру поэтического произведения, а значит, не случайно отобранные автором для реализации своего художественного замысла в стихах. Научным коллективом кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета ведется работа по сбору материалов для «Синтаксического словаря русской поэзии». Строение, длина (в словах и строках), модальное значение предложений, целеустановка, синтаксические связи и отношения частей сложных конструкций анализируются в словаре в аспекте их соответствия стихотворному жанру, метрической схеме, строфической либо астрофической композиции, стиховому членению. Синтаксический поэтический словарь, на наш взгляд, предоставляет в распоряжение филологической общественности

ценные сведения и материалы для создания в ближайшем будущем фундаментальной исторической грамматики русского языка XVIII века: именно в этот период судьбы языка поэзии и литературного книжно-письменного языка были тесно связаны, а реформаторами языка являлись именно поэты – М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, Н. М. Карамзин, в области же прозы «нормы литературного выражения были еще очень зыбки и неопределенны» [1: 182], так как центральное место в системе средств литературного выражения вплоть до 1830-х годов занимала стихотворная речь. Словарь предлагает характеристику синтаксических особенностей поэтических высказываний (единицей словаря является предложение как основная синтаксическая категория) в тесной связи с метром и строфической организацией произведения, поэтому материалы словаря могут стать хорошим подспорьем для продолжения исследований в области лингвистики стиха как научной области, в последние десятилетия активно и плодотворно развивавшейся усилиями не лингвистов, а стиховедов [11], [15].

Целью статьи является анализ грамматической семантики глагольных форм 1-го и 2-го лица, являющихся предикатами односоставных предложений в поэтической речи эпох русского барокко, классицизма и сентиментализма.

ОБСУЖДЕНИЕ

Как показали, в частности, наблюдения О. Г. Ревзиной, Н. В. Перцова, С. Т. Золяна, «значение текста многозначно. Различные множества пропозиций, описывающие различные множества миров, могут претендовать на то, чтобы считаться значением текста... Случаи, когда тексту может быть приписано только одно правильное значение, следует рассматривать лишь как частный случай» [2: 75], неоднозначность и «темнота» поэтических текстов – вообще их «структурное свойство» [9: 424], см. также: [8]. Не случайно поэтому, что примененная в «нелексическом» писательском словаре традиционная грамматическая классификация иногда давала некоторые «сбои» в ходе проведения синтаксической разметки поэтических высказываний: участникам проекта не раз приходилось сталкиваться с «темноватыми», «непрозрачными» для анализа построениями – примерами как структурной, так и семантической контаминации конструкций, конденсации, «компрессии» лирического текста, создаваемого по принципу «как можно короче и как можно полнее» [10: 33]. Так, принятия специального решения требовала от авторов словаря, например, характеристика определенно-личных предложений.

Согласно устоявшимся грамматическим представлениям, определенно-личное предложение – односоставная конструкция, сообщающая «о действии (признаке), приписываемом определенному

лицу – говорящему или собеседнику. Лицо словесно не названо, на него указывают личные окончания 1-го и 2-го лица глагола: *Прошу слова; Идешь домой?*» – дефиниция и примеры из [3: 308]; см. также: [12: 650–652]. Таким образом, семантика «определенности» лица требует ситуативно вполне однозначной соотнесенности с говорящим или адресатом (*я, ты, мы, вы*), однако в условиях поэтической коммуникации это типологическое свойство определенно-личных односоставных предложений нередко и довольно существенно трансформируется, тем самым в художественный контекст вносится «неопределенность», «размытость» семантики¹.

Конструкции с предикатами в форме 1-го лица

Так, говорящим в поэзии малых жанров обычно является стоящий за текстом лирический герой, однако его состояние, действие, выражаемое предикатом «определенно-личной» конструкции, в процессе интерпретации содержания поэтической фразы читателем может быть отнесено им к самому себе, то есть действие это потенциально соотносится с любым читателем поэтического произведения, которому окажутся близки восприятие, мироощущение, чувства лирического героя стихотворения: *Какого светлость зрю собора?* (М. В. Ломоносов «Ода... Елисавете Петровне... 1759 г....»); *Какую радость ощущаю?* (М. В. Ломоносов «Ода... в Сарском селе»). При всем том, что за *Я* здесь стоит прежде всего лирическое «я», в разной степени совпадающее с личностью автора произведения (что тоже, разумеется, уже само по себе является отдельной герменевтической проблемой), значение лица у таких предложений, на наш взгляд, скорее кажется «расщепленным»², «потенциально-расширенным» до того круга референтов-читателей, которые смогут ощутить то же, что и лирический герой, проникнуться его ощущениями и чувствами, вспомнить о подобном же состоянии, стать наблюдателями описываемого события, перенести, «примерить» на себя авторский «угол зрения».

Поскольку лирическое *Я* принимает в поэзии самые причудливые формы, это не может не оказать влияния и на семантику личной формы, также выступающей в этом случае в преобразованном в результате «деперсонализации» *Я* значении: *Уже и купно со денницей Великолениной колесницей В безоблачных странах несусь!* (М. В. Ломоносов «Ода... в Сарском селе»)³.

Интересна семантика и форм 1-го л. мн. ч. в качестве предикатов односоставных конструкций, узואльно репрезентирующих определенно-личный смысл. В условиях поэтической коммуникации значение этой формы может расширяться до масштабов, близких к обобщенно-личному употреблению, если, например, *мы* – это заместитель представителей «своего» мира (скажем, всех подданных русской царицы, как

это наблюдаем в одах и надписях Ломоносова): *За наш покров, за царство стройно Что можем принести достойно? Усердия бессмертный жар!* (М. В. Ломоносов «Ода... Екатерине... 1764 г.»); *Единым сердцем все равно к тебе пылаем И тое на алтарь усердий возлагаем* (М. В. Ломоносов «Надпись на иллюминацию...»).

Конструкции с предикатами в форме 2-го лица

Адресат, как и субъект лирического произведения, тоже зачастую лишен точной референтной отсылки и представлен собирательно-обобщающе: *Народы! радостно внемлите...* (В. К. Тредиаковский); *Россия, коль счастлива ты Под сильным Анниным покровом! Какие видишь красоты При сем торжествованьи новом!* (М. В. Ломоносов «Ода... Анне Иоанновне...»).

Эти примеры интересно сравнить с собственнo определенно-личным употреблением в репликах, прямой речи персонажей, например, сатир А. Д. Кантемира или басен И. А. Крылова: *«Напрасно, молокосос, суеться с советом»* (А. Д. Кантемир Сатира VII); *«... Подумай, вспомни хорошенько...»* (И. А. Крылов).

Определенно-личными по значению как будто бы оказываются фразы, относящиеся ко вполне «конкретному» внутреннему адресату стихотворения: *Прострешь свои державны длани Ко вышнему за нас в церквках* (М. В. Ломоносов «Ода на день тезоименитства... Петра Феодоровича...») – к монарху; *Воззри на кровь рабов твоих* (М. В. Ломоносов «Ода... Елисавете Петровне... 1759 г....») – к царице. Однако при более внимательном анализе одического дискурса и действительной истории отношений *поэт – власть*, деталей авторской биографии можно прийти к выводу, что «конкретный» монарх здесь – не столько реальный исторический персонаж, которого просят, которому льстят авторы од, сколько некий идеал правителя, к которому поэт обращается с наказом, заветом, советом, поучает, «как должно поступать» (в подтексте: «будь таким, каким я тебя изобразил, чтобы быть достойным скипетра и оды»). Так что в этом случае референтная отсылка личной глагольной формы уже несколько «затемняется».

Если внутренний адресат стихотворения – друг, любимая и т. п., то референтная отнесенность существенно расширяется, поскольку читатель может ассоциировать этого персонажа со своим кругом близких людей: *Прости, прости, Анюта, Уж скоро еду я... Позволь мне в утешенье Хоть песенкою сей Открыть мое мученье И скорбь души моей* (И. А. Крылов «Мой отъезд (Песня)»).

До пределов обобщенно-личной семантики раздвигаются личные рамки, если высказывание адресуется не внутреннему, а внешнему адресату, то есть потенциальному читателю: *Когда один вопрос в беседе сей наскучит, Разбор других по*

сем тебя подобно мучит. Желает ли себе спокойствие снискать? Так больше делать тишись ты, нежель вопрошать (И. А. Крылов).

Кроме того, часто в поэзии адресатом может оказаться не только человек, но и олицетворяемая в этом случае абстрактная сущность, природное явление, неодушевленный предмет, мифологический или библейский персонаж, Бог, так что лирическая адресация необычайно расширяется⁴ в сравнении, например, с устным диалогом: *Бурливые ветры! молчите...* (В. К. Тредиаковский); *Творче, помощь крепка буди* (А. Д. Кантемир). Обращение к музе, к уму, перу и чернильнице и т. п., очевидно, можно рассматривать как проявление автокоммуникации и «нейтрализации» значений 1-го и 2-го л. ед. ч. (см. подробнее: [6: 263]): *Таковы слыша слова и примеры видя, Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя* (А. Д. Кантемир Сатира I); *О муза, к облакам взлетая, Представь их раздраженный вид!* (М. В. Ломоносов «Ода... Елисавете Петровне...»).

Несмотря на то что фактически все высказывания такого рода, с неодушевленным или собирательно представляемым в контексте стихотворения субъектом либо адресатом, с трудом и большой натяжкой (разве что в силу того обстоятельства, что перед нами образная конкретизация) могут быть интерпретированы как определенно-личные, в синтаксическом поэтическом словаре за подобными предложениями все же был сохранен статус определенно-личных, однако условность этой квалификации подчеркнута знаком астериска («определенно-личные*»), указывающим на случаи «неопределенной определенности» (термин использован в работе: [14]) синтаксического лица.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историки русского синтаксиса отмечают, что определенно-личные предложения расширяли свое функционирование на протяжении XV–XVII веков во всех жанрах книжной письменности [13: 212–213], однако поэтическая речь XVIII столетия, как об этом свидетельствуют материалы синтаксического словаря, демонстрирует картину довольно скромной репрезентативности определенно-личных конструкций на фоне двусоставных:

– во-первых, определенно-личным предложениям, широко используемым в устной разговорной речи, свойственна стилистически сниженная коннотация, которая за ними в эволюции русского грамматического строя закреплялась постепенно; в поэзии XVIII века, в эпоху, когда ведущим жанром была высокая ода, сколько-нибудь широкого использования подобных конструкций авторы стремились избегать;

– во-вторых, постановка местоимения и выбор двусоставной структуры осуществлялись под воздействием латино-немецких книжно-

письменных синтаксических образцов, на которые ориентировался Ломоносов и другие стихотворцы той эпохи;

– в-третьих, играл определенную роль и диктат версификационных требований: местоимение часто выступало как проклитика и способствовало распространению ломоносовского ямба, пришедшего в русской поэзии на смену силлабике Кантемира и хорею Тредиаковского.

Подводя итоги сказанному, отметим, что расширение границ референциальной основы, нейтрализация личных значений, переносные употребления определенно-личных форм в качестве «условно-личных», неопределенно- или

обобщенно-личных могут быть признаны общепозитической нормой уже на начальном этапе развития русской поэзии и только углубляются, расширяются в дальнейшем, поскольку продиктованы условиями самой лирической коммуникации: поэт говорит с Богом, природой, всем миром. При трансформации исходных значений и функций синтаксическая форма приобретает в художественном тексте новую, необычную для нее переносную семантику, не утрачивая в то же время и первичное назначение, что приводит к нарастанию стилистического и семантического «напряжения» и увеличению информативной емкости поэтического контекста.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И. И. Ковтунова среди средств, вносящих в лирический текст подобную неоднозначность, упоминает среди глагольных неопределенно-личные, безличные, инфинитивные предложения (см.: [6: 278]), таким образом, в этом списке создающих неоднозначность референции односоставных конструкций определенно-личные предложения отсутствуют.

² Р. О. Якобсон отмечал, что в поэзии «главенствование поэтической функции над референтивной не уничтожает саму референцию, но делает ее неоднозначной. Двойному смыслу сообщения соответствует расщепленность адресанта и адресата и, кроме того, расщепленность референции...» [16: 221].

³ Еще более очевидный пример в стихотворении Е. А. Баратынского «Недоносок»:

Я из племени духов,
Но не житель Эмпирея,
И едва до облаков,
Возлетев, паду слабей.
Как мне быть? я мал и плох;
Знаю: рай за их волнами,
И ношу, крылатый вздох,
Меж землей и небесами...
Пью счастливо воздух тонкой...

⁴ Так, уже в «Слове о полку Игореве» мы встречаемся с «условно»-определенно-личным по значению односоставным предложением: «О Русская земля! уже за шеломянем еси!» (см. подробнее: [7: 14–16]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Стиль прозы Лермонтова // Виноградов В. В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. С. 182–270.
2. Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 336 с.
3. Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по русскому языку. М.: Высшая школа, 1995. 382 с.
4. Ковтунова И. И. Асимметричный дуализм языкового знака в поэтической речи // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1986. С. 87–108.
5. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 208 с.
6. Ковтунова И. И. Синтаксис поэтического текста // Поэтическая грамматика. Т. I / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2005. С. 239–297.
7. Патроева Н. В. Синтаксис и архитектоника «Слова о полку Игореве» и его поэтических переложений XIX–XX веков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 102 с.
8. Перцов Н. В. О неоднозначности в поэтическом языке // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 55–82.
9. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 418–433.
10. Сильман Т. Заметки о лирике. Л.: Сов. писатель, 1977. 224 с.
11. Скулачева Т. В., Буякова М. В. Стих и проза: сочинение и подчинение // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 37–54.
12. Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта. М.: Аст-Пресс Книга, 2013. 766 с.
13. Тарланов З. К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 480 с.
14. Цивьян Т. В. Наблюдения над категорией определенности – неопределенности в поэтическом тексте // Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979. С. 348–363.
15. Шапир М. И. Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов – Пушкин – Иосиф Бродский) // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 31–78.
16. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. ст. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Patroeva N. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

**ON THE BOUNDARIES OF THE “DEFINITE-PERSONAL ONE-MEMBER CONSTRUCTIONS”
CONCEPT IN POETIC SPEECH**

The functioning of nominative, infinitive, and impersonal one-member sentences has already been the subject of the analysis based on the material of lyrical texts. At the same time the semantics of the syntactic person and the function of the definite-personal one-member constructions have not been researched enough by the linguists studying Russian lyrics. Meanwhile, a big amount of poetic utterances collected for the “Syntactic Dictionary of the Russian Poetry” demonstrates the tendency of using definite-personal constructions typical for the lyrical discourse. The aim of the article is to analyze the functional and semantic features of the verb forms of the first and second person, which are the predicates of the one-member sentences in the poetic speech of the era of Russian Baroque, classicism, and sentimentalism. The studied lyrics demonstrate the broadening of boundaries of the referential basis, the neutralization of personal meanings, the metaphorical usage of the definite-personal forms in the function of “conditional-personal”, indefinite- or general-personal structures, which can be recognized as a general poetic norm at the initial stage of the Russian poetry development. Dictated by the conditions of the lyrical communication itself, the use of these structures will expand in the future. In the syntactic dictionary, utterances with an inanimate subject or a subject/addressee collectively introduced in the context of a poem are interpreted as definite-personal forms. Nevertheless, the convention of this qualification is emphasized by the asterisk sign (“definite-personal*”). The XVIII century poetic speech, as it is shown in the materials of the syntactic dictionary, demonstrates a picture of modest representativeness of the definite-personal constructions against the background of the two-part constructions. As a result of our study we assumed that the following circumstances played an important role here: the oral-colloquial connotation is peculiar to the definite-personal sentences and a high ode was a leading genre in the poetry of the XVIII century; therefore, the writers avoided one-member verbal sentences as stylistically low ones; the placement of the pronoun and the choice of the two-part structures were done under the influence of the Latin-German bookish syntactic samples; the dictate of the versified requirements played a certain role: the pronoun often acted as a proclitic and contributed to the spread of the iambus, which replaced the syllabics and trochee.

Key words: definite-personal one-member sentences, poetic syntax, syntax of poetic text

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. Lermontov's prose style [Stil' prozy Lermontova]. *Vinogradov V. V. Izbrannye trudy: Yazyk i stil' russkikh pisateley. Ot Karamzina do Gogolya*. Moscow, Nauka Publ., 1990. P. 182–270.
2. Zolyan S. T. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and structure of poetic text]. Moscow, Knizhnyy dom “LIBROKOM” Publ., 2014. 336 p.
3. Kasatkin L. L., Klobukov E. V., Lecant P. A. *Kratkiy spravochnik po russkomu yazyku* [Brief reference book on Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1995. 382 p.
4. Kovtunova I. I. Asymmetric dualism of linguistic sign in poetic speech [Asimmetrichnyy dualizm yazykovogo znaka v poeticheskoy rechi]. *Problemy strukturnoy lingvistiki*. Moscow, Nauka Publ., 1986. P. 87–108.
5. Kovtunova I. I. *Poeticheskyy sintaksis* [Poetic Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 208 p.
6. Kovtunova I. I. Syntax of poetic text [Sintaksis poeticheskogo teksta]. *Poeticheskaya grammatika. T. I*. Moscow, Izdatel'skiy tsentr “Azbukovnik” Publ., 2005. P. 239–297.
7. Patroeva N. V. *Sintaksis i arkhitektonika “Slova o polku Igoreve” i ego poeticheskikh perelozheniy XIX–XX vekov* [Syntax and architectonics of “The Lay of Igor's Campaign” and its poetic changes of the XIX–XX centuries]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2015. 102 p.
8. Pertsov N. V. About ambiguity in poetic language [O neodnoznachnosti v poeticheskom yazyke]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics]. 2000. № 3. P. 55–82.
9. Revzina O. G. Mysteries of poetic text [Zagadki poeticheskogo teksta]. *Kommunikativno-smyslovyye parametry grammatiki i teksta*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. P. 418–433.
10. Silman T. *Zametki o lirike* [Notes about lyrics]. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1977. 224 p.
11. Skulacheva T. V., Buyakova M. V. Verse and prose: coordination and subordination [Stikh i proza: sochinenie i podchinenie]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics]. 2010. № 2. P. 37–54.
12. *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk* [Contemporary Russian literary language]. Ed. by P. A. Lecant. Moscow, Ast-Press Kniga Publ., 2013. 766 p.
13. Tarlanov Z. K. *Universitetskiy kurs russkogo sintaksisa v nauchno-istoricheskom osveshchenii* [University course of Russian syntax in scientific and historical coverage]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU, 2007. 480 p.
14. Tsivyan T. V. Observations of category of certainty – uncertainty in poetic text [Nablyudeniya nad kategoriyey opredelenosti – neopredelenosti v poeticheskom tekste]. *Kategoriya opredelenosti – neopredelenosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh*. Moscow, Nauka Publ., 1979. P. 348–363.
15. Shapir M. I. Three reforms of the Russian verse syntax (Lomonosov – Pushkin – Iosif Brodskiy) [Tri reformy russkogo stikhotvornogo sintaksisa (Lomonosov – Pushkin – Iosif Brodskiy)]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics]. 2003. № 3. P. 31–78.
16. Jakobson R. O. Linguistics and poetics [Lingvistika i poetika]. *Strukturalizm: “za” i “protiv”* [Structuralism: “for” and “against”]. Moscow, Progress Publ., 1975. P. 193–230.

Поступила в редакцию 21.07.2017

ТАТЬЯНА СЕМЕНОВНА САДОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tatsad_90@mail.ru

АННА АЛЕКСАНДРОВНА СОЛДАЕВА

аспирант кафедры русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, старший преподаватель кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ) (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
a.a.soldaeva@gmail.com

СМЕРТЬ В РУССКИХ ЗАГАДКАХ И СНОГАДАНИЯХ: ЯЗЫКОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ

Загадка и сногадание как древнейшие жанры русского фольклора демонстрируют систему как региональных (диалектных), так и общерусских (шире – общеславянских) символов, отражающих национальное своеобразие русской речевой культуры и создающих «сеть» ее специфических кодов. Устойчивость последних часто связывается с ментальной и психологической неизменностью этнокультурных представлений. В статье обосновывается феномен языковой (речевой) памяти как особого механизма создания и сохранения символических обусловленностей, составляющих культурную традицию народа. На примере текстов загадок и сногаданий о *смерти* показаны метонимические замещения наименований смерти наименованиями предметов, явлений, лиц, представляющих ее в традиционной фольклорной коммуникации. Проиллюстрированы типичные мифолого-поэтические обусловленности: *дерево – смерть, птица – смерть, полотно – смерть*. В статье приводятся загадки из сборника В. Митрофановой и сногадания из сборников XIX и XX веков, а также материалы полевых экспедиций сотрудников СПбГУ в районы Русского Севера.

Ключевые слова: культурный код, языковая память, традиционный символ, фольклорная коммуникация, загадка, народные сногадания

Древнейшие жанры русского фольклора хранят первичные культурные коды, которые почти в неизменном виде встречаются и в современном культурном общении, что рядом исследователей трактуется как свидетельство вневременной устойчивости народной ментальности (см., напр.: [4]).

Выбор двух форм русского фольклора – загадки и сногадания – в этом отношении неслучаен: помимо однокорневого именованья (этимологически *гад-ати* – ‘думать’, ‘предположение, подозрение’, ‘находить чутьем’, ‘речь, вера’ (Фасмер: I, 3810))¹, эти жанры имеют сходную коммуникативную природу – они предполагают наличие обязательной толковательной практики, в свою очередь, выполняющей этно- и культурно-идентификационную функцию.

Действительно, разгадывание снов и загадок – ярко маркированная национальная культурой система знаков и представлений: умеющий отгадать, угадать, распознать в метафорическом тексте загадки или устным рассказе о сне некие символы и знаки реальной жизни должен в полной мере обладать системой общенациональных представлений. Иными словами, эти формы устноречевого общения – для «своих» и ради узнавания / определения «своих».

При всей естественной для любого жанра фольклора текучести и вариативности текста следует отметить, что «ядро» соотносительных рядов русских сногаданий достаточно устойчиво и бытует на всей территории России [8]; часть «загадочного» фонда также имеет общерусский (шире – общеславянский) характер. Это особенно заметно, когда темой гаданий становится представление о важнейшем для жизни человека явлении, которое неизбежно наделяется множеством культурных значений и символических смыслов. Одно из них – *смерть*.

Известно, что метафоры-заместители *смерти*, представленные в русских загадках, являются ее устойчивыми культурными знаками. Так, птицы «наделяются медиаторскими функциями: осуществляют связь между верхним и нижним мирами, свободно проникая в небеса и спускаясь в преисподнюю» [2: 558]. Дуб в общеславянской традиции связан с мировым древом и потому обладает рядом интегральных функций. «С помощью образа дуба моделировались <...> представления о смерти и уход человека из жизни, ср. <...> во фразеологии *глядеть в дуб, дать дуба, одубеть*» [1: 144].

В тёмном бору на дубу сидит птица, / Всяк её боится, / Никто от неё не уйдёт: ни царь, ни

царица, ни красная девица, / Ни рыба в море, ни заяц в норе. Смерть (Загадки, 61)². Очевидно, что сакральное поле «смерти» подчеркивается характерными лексическими маркерами с семантикой страха, неизбежности, потусторонности: *в темном бору, всяк боится, никто не уйдет*. Сходные символические соотношения ожидаемо находим и в народных сногданиях: *Птица во сне – к покойнику* (СДК-49, Ивановское, 1990)³; *Увидеть птицу в окне – услышать о смерти* (Ляцкий, 140)⁴ и др.

В современном интернет-пространстве, на различных «мистических» сайтах можно обнаружить те же приметы сна:

Какие сны предвещают смерть близкого человека? Сюжетов таких сновидений великое множество, упомянем самые однозначные:

- *если во сне у вас выпадает зуб без крови – это предвестие смерти близкого человека вообще;*
- *плохим предзнаменованием выступает птица, стучащаяся в оконное стекло, особенно если она его разбивает и врывается в комнату и др.* (<http://paranormalnost.ru>).

И. Н. Райкова замечает, что «традиционная загадка чрезвычайно фамиллярна с такими серьезными темами, как смерть, гроб, покойник. <...> Практически во всех загадках <...> эти вещи, которые должны вызывать священный трепет, вышучиваются, что, вероятно, отражает стремление древнего коллективного сознания победить смехом страх перед смертью и таким образом самой смерть» [7: 11]. Особенности древней смеховой культуры хорошо исследованы [5], и традиционные игры со смертью (например, обряд «игры при покойнике») известны этнографической науке [3]. В данном случае важно заметить другое: загадки о смерти не столько ее высмеивают, сколько придают ей характер повседневности, обыденности. На языковом уровне это достигается путем номинации предметов, метонимически связанных с фактом смерти. Поэтому *смерть* и в «загадочных» текстах, и в традиционных сногданиях часто замещается устойчивым набором вещных заместителей: *вспаханной грядой, новым домом, разомкнутым кольцом, дорогой* и т. д.

Примечательно, что этот общий межжанровый фонд символических соотношений весьма устойчив и, на наш взгляд, во многом благодаря так называемой **языковой памяти**, особому феномену народной устноречевой культуры, основу которой составляет **речевой прецедент** – устойчивая и бесконечно воспроизводимая в своей цельности номинация помысленной ситуации. По аналогии с «классическим» фразеологизмом такой речевой прецедент не создается в потоке речи, а воспроизводится целиком. Важно и то, что в отличие от фразеологической единицы лексическое варьирование речевого прецедента неизбежно, причем путем различных видов пере-

носа – как метафорического, так и метонимического характера.

Для примера обратимся к соотносительным рядам сноприметы и загадки с темой «смерть», в которых участвует один вещный символ с исходной семантикой «дерево». Условно эту соотношенность можно выразить формулой: «дерево (дуб) → смерть»: *Скрип дерева – к смерти* (Ляцкий, 140).

Возможные варианты речевого прецедента, обусловленные лексическими замещениями смерти:

<деревянное корыто>: *Сидит сова на корыте, / Не можно её накормити / Ни попом, ни дякам, ни миром, / Ни добрыми людьми, ни старостами. Смерть* (Загадки, 61);

<жилище из дерева>: *Дом, разваливающийся по бревну, – к разорению, смерти* (Ляцкий, 143); *Если видишь новые дома <...> – то умрет кто-нибудь в доме* (Харламов, 25)⁵; *Дом строящийся – к покойнику* (Якушкина, 30)⁶.

В перечисленных примерах обнаруживается компиляция нескольких речевых прецедентов, имеющих схожее культурное значение: «сова (птица)» – «смерть»; «дом для жизни» – «дом для смерти» (домовина – ‘гроб’). Интересно, что обязательная «деревянность» погребального жилища уступает обобщающему представлению о загробном доме – так возникают метонимические цепочки номинаций исходного символа с широкой жанровой синонимией (дом – здание – изба – двор – семья): *Видеть себя в новом, иногда не отстроенном здании – смерть личная, или смерть того, кто приснился* (Никифоровский, 137)⁷; *Избу развалившуюся видеть, двор – отъезд хозяина, а иногда и смерть его или кого-нибудь из домашних* (Дерунов, 151)⁸; *Из семьи кто-то уходит во сне – умирает* (Харламов, 25).

Этот же речевой прецедент (*дерево / дом – смерть*) обнаруживается в других жанрах фольклора, например в девичьей обрядовой песне, весьма точно его (прецедент) воспроизводящей:

[Ей неловок сон привиделся:]

Пустая хоромина,

Все углы развалилися,

На печище котиче лежит,

А по полу гусыня,

А по лавочкам ласточки,

По окошечкам голуби.

Как пустая хоромина,

Все углы развалилися,

По бревну раскатилися! (Киреевский, 70)⁹.

Актуализированные здесь «вещные» символы смерти чрезвычайно устойчивы и весьма показательны.

Смерть как культурный концепт (по терминологии Н. И. Толстого [10]) в жанре загадки реализуется при помощи тех же символических обусловленностей и обладает следующими основными культурными значениями: «всеобщность»

(перед смертью все равны: *На горе Волынской / стоит дуб Ордынской, / На нём сидит птица Веретено, / Сидит и говорит: «Никого не боюсь: ни царя в Москве, ни короля в Литве». Смерть* (Загадки, 61)); *В тёмном бору на дубу сидит птица, / Всяк её боится, / Никто от неё не уйдёт: ни царь, ни царица, ни красная девица, ни рыба в море, ни заяц в норе. Смерть* (Загадки, 61)); «прожорливость», «ненасытность» (*Сидит сова на корыте, / Не можно её накормити / Ни попам, ни дякам, ни миром, / Ни добрыми людьми, ни старостами. Смерть* (Загадки, 61)); «обладание властью над всем, кроме самой смерти и бога» (*Сидит птица на кусту, молится самому Христу: «Дал ты мне власть над людьми и зверями, над птицами и рыбами, только не дал ты мне власти над самой собой». Смерть* (Загадки, 61)).

Перечисленное подтверждает мысль о том, что в мире загадки *смерть* предстает как нечто оформленное, материальное, едва ли не бытовое. Эта повседневность *смерти* поддерживается и привычными (прецедентными) речевыми соответствиями, не всегда (и даже чаще всего – чрезвычайно редко) носителем традиционной культуры мотивированными с точки зрения их логики или содержания.

В народном соннике, как указывалось, существует «ядро» – устойчивая система знаково-соответствий независимо от региона и времени их фиксации, в том числе – предвещающих смерть: *выпавший зуб, новый бревенчатый дом, разбитое яйцо, высохший ручей, птица в окне, распаханная межа* и др.

Зачастую единственным «объективным» показателем именно такой (а не иной) обусловленности знака и следствия является речевая память: носитель культуры по-своему объясняет традицию зафиксированных обусловленностей, причем важно то, что в этом объяснении большую роль играют собственно языковые (лексико-

семантические) факторы: <Почему выпавший зуб обозначает смерть?> *Зуб-то твердый. Значит, кость это, а если кость усохнет или умрет, вот и смерть пришла. Как без кости-то жить?* (СДК-29, Лампожня, 1986).

Метафорические сближения в народном соннике – частый тип обусловленной связи сноска и его последствия, о чем Н. И. Толстой писал как о типичном способе создания снопгноза [9]. *Если видишь новые дома <...> – то умрет кто-нибудь в доме* (Харламов, 25); *Зуб выпавший видеть у себя предвещает большое несчастье* (Балов, 209)¹⁰; *Зуб выпавший – умрет кто-то в семье* (Якушкина, 30) и др. Однако, думается, первична в этом языковом сближении метонимия – древнейшее замещение имени сакрального и таинственного явления смерти названием предмета, ее «сопровожающего». Так, *полотно, ткань, ткачество, белый платок* во сне – знаки похорон, смерти, потери в семье: *Ткать во сне – к покойнику* (Колосов, 171)¹¹; *Стол во сне прикрывать скатертью – покойник в доме* (Колосов, 171); *Платок белить во сне – к смерти* (СДК-18, Веркола, 1984); *Платок повязывать – к слезам или смерти в семье* (СДК-29, Лампожня, 1986). Кусок ткани как часть погребального обряда становится во сне символическим предупреждением о близкой смерти в доме. Метонимия множит и дробит исходную символику обусловленной связи «белая ткань – смерть», создавая синонимический ряд однофункциональных наименований-снознаков: *ткать* (полотно) – *скатерть* – *платок* – *белый платок*.

В древнейших жанрах русского фольклора – сноганиях и загадке – представлены мифологические и ментальные способы кодирования традиционных знаний о мире, причем немало важным фактом этого кодирования оказывались собственно языковые механизмы создания общекультурных символов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. III. 832 с. (Фасмер).

² Загадки / Изд. подг. В. В. Митрофанова. Л.: Наука, 1968. 248 с. (Загадки).

³ «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» кафедры русск. яз. СПбГУ (СДК).

⁴ Ляцкий Е. Материалы для народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 139–149 (Ляцкий).

⁵ Харламов М. Суеверия, поверья, приметы и заговоры, собранные в гор. Майкопе // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Вып. XXXIV. Отд. III. Тифлис, 1904. С. 1–28 (Харламов).

⁶ Якушкина Е. И. Народный сонник из Каргополя // Живая старина. 1999. № 2. С. 29–30 (Якушкина).

⁷ Никифоровский Н. Я. Материалы для народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 133–139 (Никифоровский).

⁸ Дерунов С. Материалы для народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 149–151 (Дерунов).

⁹ Собрание народных песен П. В. Киреевского. Тула: Приокское книжное издательство, 1986. 462 с. (Киреевский).

¹⁰ Балов А. Сон и сновидения в народных верованиях // Живая старина. 1890. Вып. IV. С. 208–213 (Балов).

¹¹ Колосов М. Архивные материалы по народному русскому языку и народной словесности // Русский филологический вестник. 1879. Т. II. С. 150–173 (Колосов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапкина Т. А. Дуб // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 144–146.
2. Гура А. В. Орёл // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 558–559.
3. Гусев В. Е. От обряда к народному театру: (Эволюция святочных игр в покойника) // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор / Отв. ред. Б. Н. Путилов. Л.: Наука, 1974. С. 49–59.

4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
5. Лихачев Д. С., Панченко А. М. Смеховой мир Древней Руси. М.: Наука, 1976. 213 с.
6. Паранормальность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://paranormalnost.ru> (дата обращения 12.04.2017).
7. Райкова И. Н. Загадка сегодня: традиции и новации // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 6. М., 2004. С. 7–15.
8. Садова Т. С. Язык народного сонника: общерусский инвариант и региональная специфика // История регионального текста: жанр – стиль – язык: Монография / Отв. ред. Т. П. Рогожникова. Омск: Вариант-Омск, 2012. С. 145–160.
9. Толстой Н. И. Толкование снов: беглый взгляд с филологической и этнографической точек зрения // Наука в России. 1994. № 3. С. 33–37.
10. Толстой Н. И. Проблемы реконструкции древнеславянской духовной культуры // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 41–63.

Sadova T. S., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
Soldayeva A. A., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

DEATH IN RUSSIAN RIDDLES AND INTERPRETATIONS OF DREAMS: LANGUAGE AND CULTURAL CODES

The riddle and the interpretations of dreams as the oldest genres of the Russian folklore demonstrate a system of both regional (dialect) and all-Russian (broader-Common Slavonic) symbols, which reflect the national originality of the Russian speech culture and create a “network” of its specific codes. The stability of specific codes is often associated with the mental and psychological immutability of the ethno-cultural representations. The article proves a phenomenon of the language (speech) memory as a special mechanism for creating and preserving symbolic conditions that make up the people’s cultural tradition. On the example of the texts of riddles and interpretations of dreams about *death*, the metonymic substitutions of the names of *death* by the names of objects, different phenomena, and persons, who represent it in traditional folk communication, are shown. The illustrated typical mythological-poetic conditionality includes the following: the tree – death, the bird – death, the canvas – death. The article contains riddles found in the collection by V. Mitrofanova and interpretations of dreams from collections of the 19th and 20th centuries. Our research is also based on the Russian North expedition materials put together by the staff of St. Petersburg State University during their trips to the northern regions.

Key words: cultural code, language memory, traditional symbol, folklore communication, riddle, folk interpretations of dreams

REFERENCES

1. Agapkina T. A. Oak [Dub]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'*. In 5 vol. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999. Vol. 2. P. 144–146.
2. Gura A. V. Eagle [Orel]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'*. In 5 vol. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004. Vol. 3. P. 558–559.
3. Gusyev V. E. From the rite to the folk theater: (Evolution of the holy games in the deceased) [Ot obryada k narodnomu teatru: (Evolutsiya svyatochnykh igr v pokoynika)]. *Fol'klor i etnografiya: Obryady i obryadovyy fol'klor*. Ed. by B. N. Putilov. Leningrad, Nauka Publ., 1974. P. 49–59.
4. Levi-Bryul L. *Sverkh' estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Supernatural in primitive thinking]. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1994. 608 p.
5. Lihachev D. S., Panchenko A. M. *Smekhovoy mir Drevney Rusi* [The humorous world of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 213 p.
6. *Paranormal'nost'* [Paranormality]. Available at: <http://paranormalnost.ru> (accessed 12.04.2017).
7. Raykova I. N. Today's Riddle: traditions and innovations [Zagadka segodnya: traditsii i novatsii]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir*. Issue 6. Moscow, 2004. P. 7–15.
8. Sadova T. S. The language of the national dream book: an all-Russian invariant and a regional specificity [Yazyk narodnogo sonnika: obshcherusskiy invariant i regional'naya spetsifika]. *Istoriya regional'nogo teksta: zhanr – stil' – yazyk: Mono-grafiya*. Ed. by T. P. Rogozhnikova. Omsk, Variant-Omsk Publ., 2012. P. 145–160.
9. Tolstoy N. I. Interpretation of dreams: a view from the philological and ethnographic points of view [Tolkovanie snov: beglyy vzglyad s filologicheskoy i etnograficheskoy toчек zreniya]. *Nauka v Rossii*. 1994. № 3. P. 33–37.
10. Tolstoy N. I. Problems of the reconstruction of ancient Slavic spiritual culture [Problemy rekonstruktsii drevneslavyanskoy dukhovnoy kul'tury]. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike*. Moscow, Indrik Publ., 1995. P. 41–63.

Поступила в редакцию 15.05.2017

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ШЕВЧЕНКО

доктор филологических наук, профессор кафедры фонетики английского языка факультета английского языка, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Российская Федерация)
atashevchenko@mail.ru

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА СОКОРЕВА

старший преподаватель кафедры фонетики английского языка факультета английского языка, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Российская Федерация)
tatianasokoreva@gmail.com

ОПТИМИЗАЦИЯ АКЦЕНТНЫХ МОДЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ВОЗРАСТОМ

Цель настоящего исследования состоит в изучении просодических средств оптимизации ритмической выделенности ударных (акцентируемых) слогов в речи жителей США трех возрастных групп. Рассматриваются высотные, динамические и темпоральные характеристики акцентируемых слогов в сопоставлении с неакцентируемыми на материале начала телефонных разговоров. Исходя из положения о том, что акцентуация в английском языке важна для сегментации звукового потока, для распознавания слов, для обеспечения разборчивости речи и что ударный слог при этом отличается особой информативностью, были установлены средства сохранения и усиления контраста между ударными и безударными слогами параллельно с возрастными изменениями голосов. В центре внимания, таким образом, оказываются потенциальные возможности совершенствования ритмической акцентной выделенности на фоне ранее установленных фактов развития и угасания физических и психологических характеристик человека в более зрелом возрасте. Корпусный анализ ста двух речевых образцов жителей США выявил, что максимальные характеристики голоса человека достигаются в среднем возрасте, в то время как в старшем возрасте контраст между акцентируемыми и неакцентируемыми слогами сохраняется за счет процессов компенсации.

Ключевые слова: ритм, акцентуация, просодия, возраст, американский вариант английского языка

ВВЕДЕНИЕ

В работе рассматриваются вопросы возрастных изменений ритмической выделенности акцентируемых слогов, существенных для устного речевого общения в начале телефонного разговора.

Понятие фразового акцента как относящегося к уровню высказывания может быть противопоставлено словесному ударению, которое является характеристикой слов [1], [3]. Акцент, таким образом, определяется как лингвистическое явление, в котором определенный элемент речевого потока выделен относительно окружающих элементов; так, в частности, акцентируемые слоги (АС) противопоставлены неакцентируемым слогам (НАС). Для английского языка с его прототипическим тактосчитающим ритмом, основанным на акцентуации, базовыми единицами ритма являются слог и такт (стопа), которые избираются в качестве единиц анализа в настоящем исследовании [6], [8], [9].

Большинство исследователей единодушны в том, что в английском языке акцентная выделенность обеспечивается следующими средствами: изменениями частоты основного тона (ЧОТ), интенсивности (Инт), длительности и качества гласного. Исследования А. Катлер на материале австралийского варианта английского языка доказали, что качество гласной в ударном слоге является наиболее значимым «акустическим ключом» для распознавания слов, которые отличаются по месту ударения. Тем не менее дальнейшие экс-

перименты показали, что носители английского языка используют также и просодическую информацию: просодия, в частности длительность акцентируемых слогов, облегчает задачу распознавания слов [7]. В данном исследовании мы считаем необходимым изучить эффект влияния всех просодических параметров (ЧОТ, длительности, интенсивности) на ритмическую акцентную выделенность слогов в английской речи жителей США на материале телефонных разговоров.

В работах теоретического и прикладного характера описана коммуникативная значимость акцентуации для информативной структуры дискурса независимо от ранжирования высотных, силовых, темпоральных или сегментных характеристик речи. В настоящем исследовании за основу принимаются следующие положения:

1. Акцентуация выполняет демаркационную функцию выделения слов в потоке речи; тем самым речевой поток сегментируется на значимые речевые единицы;

2. Акцентные структуры многосложных слов обеспечивают распознавание слов; в частности, когда акцент усиливает словесное ударение, акцентируемый слог используется как «кодовый ключ» для доступа в ментальный лексикон и выбора нужной лексической единицы;

3. Акцентуация, таким образом, обеспечивает разборчивость речи в процессе коммуникации: понять слово – это значит понять смысл речи;

4. Английская акцентуация имеет метрическую основу, что обеспечивает ритмическую подачу информации, которая способствует восприятию важных информационно-элементов и их предсказуемости;

5. Акцентуация способствует звучности и выразительности речи.

В отношении возрастных изменений голосов, в том числе их просодических характеристик, большинство исследований сфокусированы на фактах физического спада, угасания голосовых и перцептивных способностей. Ранее описаны понижение высотных и силовых показателей голосов, а также замедление процессов производства и восприятия речи, которое проявляется в замедлении темпа [2], [5]. В настоящем исследовании, оценивая достоверность описанных фактов, мы тем не менее стремимся найти средства оптимизации просодических признаков высотного, силового и темпорального характера, которые необходимы для успешной коммуникации в любом возрасте для ведения телефонных переговоров.

МЕТОДОЛОГИЯ

Материалом исследования послужили записи телефонных переговоров жителей США из лингвистического корпуса SWITCHBOARD [4]. Важным является тот факт, что никто из участников не разговаривал друг с другом и на одну и ту же тему дважды, так как это позволяет оценить роль социального опыта говорящих при выборе определенных просодических моделей для начала разговора с незнакомым собеседником. Для настоящего анализа были отобраны 102 записи речи американцев с определенным уровнем образования (выпускники учебных заведений), количество которых равномерно делится по полу (51 женщина и 51 мужчина) и по возрасту: по 34 человека молодого (20–39), среднего (40–59) и старшего (60–69) поколений.

Основной *единицей* исследования является слог; общее количество проанализированных слогов составило 2142 (по 21 слог от каждого говорящего, не включающих явления хезитации, вокализованные паузы и первые безударные слоги синтагм).

С помощью программы PRAAT в ходе исследования были измерены следующие просодические показатели: ЧОТ_{макс}, ЧОТ_{мин}, ЧОТ_{диапазон}; Инт_{макс}, Инт_{мин}, Инт_{диапазон}; длительность АС/НАС, длительность стоп.

Для определения степени вариативности просодических параметров был использован метод PVI (pairwise variability index – индекс парной вариативности), основанный на сравнении длительности соседних слогов и стоп, а также слоговых показателей максимальной ЧОТ и максимальной интенсивности. Данный индекс вычисляется по формуле:

$$nPVI = \frac{100}{m-1} + \sum_{k=1}^{m-1} \left| \frac{d_k - d_{k+1}}{(d_k + d_{k+1})/2} \right|,$$

где m – количество слогов/стоп в высказывании, d_k – длительность/ЧОТ/интенсивность k -го слога/стопы.

Статистический анализ включал в себя два этапа: 1) проведение двухфакторного дисперсионного анализа значений всех просодических показателей и значений индекса PVI с целью определения степени влияния на них возрастного (три уровня: молодой, средний, старший) и гендерного (два уровня: мужчина, женщина) факторов; 2) корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена для определения взаимосвязи значений просодических показателей с годом рождения говорящих.

РЕЗУЛЬТАТЫ

А. Дисперсионный анализ

1. *Длительность стопы возрастает за счет увеличения длительности ударного слога в речи женщин.*

Несмотря на то что двухфакторный дисперсионный анализ не выявил значительных изменений в длительности стопы, зависящих от возраста и гендера говорящих, согласно результатам, существует практически значимый эффект воздействия возрастного фактора на данную переменную. Поэтому для проверки двух гендерных групп по отдельности были проведены однофакторные дисперсионные анализы показателей отдельно мужской и женской группы информантов. Данный анализ показал, что длительность стоп в речи женщин значительно растет с увеличением их возраста ($DF = 2$, $F = 3,095$, $p = 0,05$).

2. *Значения ЧОТ_{макс} с увеличением возраста информантов уменьшаются и в АС, и в НАС.*

Ожидаемые различия максимальных и минимальных показателей ЧОТ в речи мужчин и женщин связаны с общеизвестными физиологическими отличиями мужского голосового аппарата от женского. Статистический анализ влияния возрастного и гендерного факторов на максимальные значения ЧОТ в акцентуруемых слогах показал наличие значительных различий в значениях данного показателя между разными возрастными ($DF = 2$, $F = 3,04$, $p = 0,05$) и гендерными ($DF = 1$, $F = 193,54$, $p < 0,000$) группами. Схожие результаты получены при исследовании максимальных значений ЧОТ в неакцентуруемых слогах: обнаружено значительное влияние факторов «возраст» ($DF = 2$, $F = 6,54$, $p < 0,05$) и «гендер» ($DF = 1$, $F = 206,10$, $p < 0,000$) на значения данного параметра. Таким образом, констатируя уменьшение максимальных значений ЧОТ и в акцентуруемых, и в неакцентуруемых слогах с увеличением возраста говорящих, можно наблюдать, что контраст «АС – НАС» по данному просодическому показателю с возрастом сохраняется.

3. *Значительный рост контраста «АС – НАС» по показателю максимальной интенсивности с увеличением возраста.*

Однофакторный статистический анализ выявил значительное влияние возрастного фактора на значения показателей отношения максимальной интенсивности в АС по отношению к НАС ($DF = 2$, $F = 4,498$, $p < 0,05$).

с увеличением возраста информантов, о чем свидетельствует дисперсионный ($DF = 2$, $F = 7,80$, $p < 0,01$) и корреляционный ($\rho = -0,286$, $n = 102$, $p < 0,01$) статистические анализы (рис. 3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе было изучено влияние возраста на варьирование способов выделения наиболее информативных акцентируемых слогов в американской разговорной речи, а также положительное влияние коммуникативного опыта на лингвистические навыки, которые с возрастом улучшаются и оптимизируются на фоне физиологического спада в организме. В ходе анализа были получены следующие результаты: во-первых, выделенность АС на фоне НАС в речи с возрастом сохраняется за счет сохранения контраста по длительности и увеличивается за счет максимальных параметров ЧОТ

и интенсивности; во-вторых, несмотря на общее уменьшение значений показателей ЧОТ с возрастом, вариативность значений данного параметра увеличивается, причем основная часть изменений происходит в среднем возрасте, в то время как в речи американцев старшего поколения уровень вариативности параметра ЧОТ остается относительно неизменным; в-третьих, с возрастом диапазон ЧОТ (в полутонах) расширяется за счет использования более низкого регистра, что также позволяет сохранять и усиливать контраст между АС и НАС.

Таким образом, результаты настоящего исследования свидетельствуют о наличии в речи пожилых американцев компенсаторных процессов, направленных, предположительно, на сохранение наиболее важных просодических моделей, обеспечивающих эффективное восприятие, сегментацию, распознавание и понимание речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шевченко Т. И., Садовникова Н. А., Сибилева Л. Н. Ритм и смысл просодии дискурса: когнитивный подход и статистика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. № 1 (634). С. 175–187.
2. Beck J. M. Organic variation of the vocal apparatus / W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon (Eds.) // The Handbook of Phonetic Sciences, Second edition. Wiley-Blackwell, 2010. P. 155–201.
3. Cutler A. Lexical stress in English pronunciation / M. Reed, J. M. Levis (Eds.) // The Handbook of English Pronunciation. Wiley-Blackwell, 2015. P. 106–124.
4. Godfrey J., Holliman E., McDaniel J. SWITCHBOARD: Telephone speech corpus for research and development. ICASSP'92, 1992.
5. Linville S. E. Vocal Aging. San Diego: Singular Publishing Group, 2001. 320 p.
6. Low Ee-Ling. The rhythmic patterning of English(es): implications for pronunciation teaching / M. Reed, J. M. Levis (Eds.) // The Handbook of English Pronunciation. Wiley-Blackwell, 2015. P. 125–138.
7. McQueen J. M., Cutler A. Cognitive processes in speech perception / W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon (Eds.) // The Handbook of Phonetic Sciences, Second edition. Wiley-Blackwell, 2013. P. 489–520.
8. Nolan F., Asu E. L. The pairwise variability index and coexisting rhythms in language // *Phonetica*. 2009. Vol. 66. P. 64–77.
9. Ramus F., Nespor M., Mehler J. Correlates of linguistic rhythm in the speech signal // *Cognition*. 1999. Vol. 73. P. 265–292.

Shevchenko T. I., Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)
Sokoreva T. V., Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

OPTIMIZATION OF THE ENGLISH ACCENT-BASED PATTERNS IN THE AGING VOICE

The primary objective of the study is to track speakers' life-long modifications of pitch, intensity, and duration of syllables focusing on their variance used for accent-based prominence patterns in telephone communication. The basic assumption is that the accent is very important for running speech segmentation, word recognition, and intelligibility in English. Age-related changes in prosody keep accentual prominence sustained or even enhanced. Thus, the current study is focused on the perspective of finding prosodic capacities for maintaining accentual patterns essential for spoken communication. The analysis of 102 Americans' speech patterns in phone conversations, balanced for gender and age, reveals that the middle age is defined by the maxima of human voice characteristics, whereas senior speakers preserve the prosodic contrast between accented and unaccented syllables due to compensation strategies.

Key words: rhythm, accentuation, prosody, age, American English

REFERENCES

1. Shevchenko T. I., Sadovnikova N. A., Sibileva L. N. Rhythm and Meaning in the Prosody of Discourse: a Cognitive Approach and Statistics [Ritm i smysl prosodii diskursa: kognitivnyy podkhod i statistika]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. "Gumanitarnye nauki"* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Series: "Humanitarian Sciences"]. 2012. № 1 (634). P. 175–187.
2. Beck J. M. Organic variation of the vocal apparatus / W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon (Eds.) // The Handbook of Phonetic Sciences, Second edition. Wiley-Blackwell, 2010. P. 155–201.
3. Cutler A. Lexical stress in English pronunciation / M. Reed, J. M. Levis (Eds.) // The Handbook of English Pronunciation. Wiley-Blackwell, 2015. P. 106–124.
4. Godfrey J., Holliman E., McDaniel J. SWITCHBOARD: Telephone speech corpus for research and development. ICASSP'92, 1992.
5. Linville S. E. Vocal Aging. San Diego: Singular Publishing Group, 2001. 320 p.
6. Low Ee-Ling. The rhythmic patterning of English(es): implications for pronunciation teaching / M. Reed, J. M. Levis (Eds.) // The Handbook of English Pronunciation. Wiley-Blackwell, 2015. P. 125–138.
7. McQueen J. M., Cutler A. Cognitive processes in speech perception / W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon (Eds.) // The Handbook of Phonetic Sciences, Second edition. Wiley-Blackwell, 2013. P. 489–520.
8. Nolan F., Asu E. L. The pairwise variability index and coexisting rhythms in language // *Phonetica*. 2009. Vol. 66. P. 64–77.
9. Ramus F., Nespor M., Mehler J. Correlates of linguistic rhythm in the speech signal // *Cognition*. 1999. Vol. 73. P. 265–292.

Поступила в редакцию 13.06.2017

СВЕТЛАНА ВАДИМОВНА ВЯТКИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
s.vyatkina@spbu.ru

СТЕПЕНЬ СИНТАКСИЧЕСКОЙ РАСЧЛЕНЕННОСТИ ТЕКСТА И ФУНКЦИЯ ЗАГЛАВИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО РАССКАЗА

Предпринятый в работе когнитивный подход к анализу художественного текста предполагает характеристику ментальной модели восприятия его читателем, которая мотивирована различными синтаксическими особенностями текста. В качестве материала привлечены тексты малого жанра, поскольку они «обозримы и наблюдаемы», что позволяет выявить, как подана в тексте информация и как она в нем распределена (Е. С. Кубрякова). На основе сопоставительного анализа синтаксических особенностей, структуры текста и заглавия (на материале произведений В. Маканина, А. Иванова и А. Аркатовой, опубликованных в «Новом мире» в 2010–2014 годах) выявлена сближающая разные по объему тексты особенность, которая может быть охарактеризована как синтаксис пишущегося устного рассказа, в котором игнорируются многие правила оформления письменного текста. Рассказы контрастны по степени расчлененности текста от минимальной и графически оформленной (В. Маканин) до максимальной в предельно деконструированном тексте (А. Аркатова), что предопределяет разную ментальную модель восприятия читателем. В соотношении с характером синтаксической расчлененности определяются функции заглавия рассказов как ориентированных на читателя векторов модели восприятия: 1) это структурообразующий элемент текста в рассказе В. Маканина; 2) способ мотивации избранной писателем формы нарратива в рассказе А. Иванова; 3) ключ для восприятия игры-пародии по форме у А. Аркатовой. Авторы разными способами задают ментальную модель восприятия текста, ориентированную на читателя с разным объемом фоновых знаний.

Ключевые слова: текст, рассказ, жанр, ментальная модель восприятия, структура текста, синтаксическая расчлененность, расчлененность, заглавие

ВВЕДЕНИЕ

Когнитивный подход к анализу текста предполагает определение ментальной модели его восприятия, что задается заглавием и синтаксической структурой произведения [5: 517]. Подобная модель соотносится с неким имеющимся в сознании и создателя текста, и читателя исторически детерминированным прототипом текста определенной жанровой принадлежности. Анализируя тексты современных романов, лингвисты отмечают нарастающую дискретность художественного текста [6: 243–244], разные способы его деконструкции, что «приводит к возникновению новых моделей текстопорождения и выражения концептуальных смыслов» [1: 31], особенности развиваемой темы – «повседневность» сюжета, определяющую разговорный нарратив [4: 66], тенденцию к развитию интертекстуальности как механизма метаязыковой рефлексии [8: 38].

Для анализа в данной работе привлечены произведения малого жанра – рассказа, так как именно небольшие по объему тексты, по мнению Е. С. Кубряковой, дают возможность проведения когнитивного анализа [5: 515].

Жанр рассказа определен В. И. Тюпой как построманный (роман как целостное повествование о жизни лица (лиц) является первичной фор-

мой, то есть развернутой, полной в дескрипции хитросплетений разных событий, имеющий свою логику [7: 92–94]) нарратив. Рассказ, по мнению В. И. Тюпы, не характеризуется жесткой структурой текстовой организации и не предполагает однозначную позицию читательского восприятия (или притча, или анекдот), не навязывает определенной рецептивной стратегии и предполагает встречную активность адресата: 1) от адресата требуется установка на солидарность с авторским сознанием и 2) совместимость личного опыта адресата с жизненным опытом героя; это квинтэссенция размышлений автора, сконцентрированная на относительно небольшом по объему пространстве текста, с открытым финалом, характеризующаяся интригой рассказывания и обладающая исторически сложившейся нарративной стратегией [7: 107, 109].

Современные писатели, как правило, филологи по образованию, осмыслившие особенности жанра и теоретически, ищут свои способы развертывания интриги, структурирования текста, проявляя при этом разную стратегию, что дает материал для сопоставительного синтаксического анализа текста. В данном случае интерпретация авторской стратегии, предопределяющей читательскую аудиторию и модель восприятия

текста, дается на примере трех опубликованных в «Новом мире» в 2010–2014 годах рассказов В. Маканина¹, А. Иванова² и А. Аркатовой³. Выбранные тексты сближает форма наррации – синтаксис пишущегося устного рассказа, в котором игнорируются многие правила оформления письменного текста. Отличия проявляются в разной степени расчлененности структуры текста и на разных синтаксических уровнях, которая по-разному оформляется графически.

В. МАКАНИН «НОЧЬ... ЗАПЯТАЯ... НОЧЬ»

Минимальной синтаксической расчлененностью характеризуется рассказ В. Маканина объемом 7 314 слов, нарративная стратегия рассказывания истории которого формулируется уже в заглавии рассказа 2010 года «Ночь... Запятая... Ночь», представляющего собой цепочку номинативных предложений. Она содержит повторяющуюся номинацию одного и того же времени суток и номинацию знака препинания, который мог бы стоять между этими повторяющимися словами (*Ночь, ночь*). Запятая, графический знак разделения при равновеликих элементах однородного ряда (читатель ассоциативно предполагает следующие за ночью *утро, день, вечер*), – сигнал продолжения перечисления. Подобная номинация становится значимым элементом в цепочке номинативных предложений, предлагая читателю обратить внимание на смысл «немного» указания. Автор оформляет каждое номинативное предложение многоточием, своеобразным знаком-сигналом размышления.

В соответствии с тремя заглавными номинациями автор членит и сам рассказ, описывающий 2 ночи и день во время московских событий 1993 года, начиная каждую новую часть текста этими словами, оформленными полностью заглавными буквами и курсивом, например, начало повествования: «*НОЧЬ*, шаги волновали ее. Влюбленность только нервировала Зинаиду, никакой подсказки ей взамен не давая. И не обещая даже... Маленькая гостиница спит, мужчина на втором этаже шагает и шагает по коридору, а Зинаида сходит с ума».

Фрагмент *ЗАПЯТАЯ* с аналогичным графическим оформлением воспроизводит трагические события дня:

ЗАПЯТАЯ, это когда беспорядки на улицах, казалось, совсем улеглись. Но к середине дня опять возобновились.

Однако стрельба с крыш (в расчете на панику) слышалась уже гораздо реже. А последняя автоматная очередь была отмечена, как говорили, совсем не в районе Таганки. От Зинаиды, даже если по прямой, далеко.

Данная часть рассказа предлагает новую семантизацию слова *запятая* в выражении *сделать запятую* (студенческий жаргон): «Курнуть по-тихому на экзамене... Покурить, прежде чем

идти к мрачному столу и тянуть там свой билет». Диссонансом звучит после подобной шутилки семантизации финал описанной ситуации: раненая женщина, которую на носилках нес студент с другим персонажем, поименованным как квадратный, умерла: «А женщина на носилках роняет, уже выронила окуроч, впадая в полное забытие. Глаза закатились, правая рука свесилась и едва не волочится по асфальту. Они принесли ее мертвую».

Третья часть рассказа имеет аналогичное оформление: «*НОЧЬ*, и, услышав вновь недалекую стрельбу (похоже, возле Язузы), Зинаида подумала, что стемнело по-настоящему. И что она одна. Командированные уже давно все съехали. Кастелянша и уборщица ушли... И не закрыть ли дверь гостиницы еще и на засов?.. Час-то поздний».

Так заглавие рассказа эксплицирует нарративную стратегию автора: только ночь значима для повествующего субъекта Зинаиды, одинокой женщины, коменданта и ночного вахтера ведомственной гостиницы. В тексте воссоздается ее восприятие событий, поток ее сознания, характеризующийся расчлененностью синтаксиса на уровне фразы: парцелляция, присоединение, номинативные предложения и их цепочки, недосказанные предложения (оформлены многоточием), преобладающими ассоциативными связями между самостоятельными предложениями. Это восприятие действительности предельно эмоционально окрашено: на 520 самостоятельных предложений с одиночной точкой в конце 166 оформлено восклицательным знаком (из них 37 знаком !..), 82 – вопросительным знаком (30 – ?..), 35 – многоточием, например:

«Как только Зинаида поднимется на второй и двинется по коридору ему навстречу, он, конечно, сразу же посторонится... *Уступая комендантше (женщине!) дорогу... Интеллигентный! Чувствует остро... Стоя вполборота, еще и дружески ей улыбнется. И что?.. И что сказать дальше?.. И где тогда его шея?*

Глупость какая! Одернуть его не за что... Перед сном человек может прохаживаться сколько хочет. Ходи себе и думай. *Тем более что на втором плотный, сжирающий звуки дорогой ковер, и...*»

Прямая речь героини в диалогах (всего 9) в рассказе графически оформлена не всегда в соответствии с регламентацией (пропуск тире, начальной заглавной буквы в реплике) только при передаче речи озвученной (ср.: *Зинаида заскукала. Она и не вслушивалась. Ей думалось: неужели все это можно вылечить?*). Граница звучащей речи героини и не произнесенных ею слов, как и прямая речь других персонажей в восприятии героини, пунктуационно не выделяется:

– Ну и что! Да я всю жизнь одна! – бросила она с вызовом.

Разговор окончен, мой милый! Она – строгих правил. Она здесь на работе и к тому же какой-никакой начальник! (Она и мысленно умалчивала о своем вахтерстве.)

Фиксация в тексте предельно интонированного синтаксиса разговорной речи формирует пишущийся разговорный нарратив, возвращающий нас к этимону термина – рассказывание. Синтаксическая расчлененность текста компенсируется доминирующим сознанием персонажа.

Характерная для жанра рассказа целостность текста, в том числе проявляющаяся и в фабульном развитии, в произведении «Ночь... Запятая... Ночь» В. Маканина сохраняется, автор направляет вектор читательского восприятия от заглавия к финалу рассказа.

А. ИВАНОВ «ТЕЛЕГРАММЫ ИЗ АЛЬТОНЫ»

Небольшой по объему (1200 слов) рассказ «Телеграммы из Альтоны» А. Иванова оформлен как 19 разделенных абзацами членением фрагментов (пронумерованы последовательно для анализа) разного объема без знаков конца предложения: минимальные состоят из 2 предикативных единиц, содержащих 10–13 слов (фрагменты 13, 14, 16), максимальные (фрагмент 4 в 178 слов) – до 29 предикативных единиц. Сами фрагменты (кроме начальной фразы *Застигнутый врасплох простудой, пишу на клочках гостиничной бумаги – maritim hotels – (вторая ночь на Кирхеналле с черным жемчугом, залитой крышей за окном и тремя призраками, что светятся на белых стульях: зима съела все остальное)* и компонентов фрагмента 5) начинаются со строчной, а не прописной буквы, традиционного сигнала начала предложения.

Текст предельно дискретен, предельно простой сюжет (герой живет один в незнакомом ему Гамбурге в гостинице, ищет способ доехать до Альтоны и в конце добирается до места за 6 часов до важного для него мероприятия) не связан с какими бы то ни было происшествиями, событиями, требующими отправления телеграмм («сообщение, переданное по телеграфу; бланк с таким сообщением»²⁴). Форма телеграммы как краткого сообщения о чем-то важном (приезде, происшествии и т. д.) предполагает нераспространенные предложения без таких видов осложнения предложения, встречающихся в тексте рассказа, как вводные (в тексте рассказа 11) и вставные (в тексте 16) конструкции, деепричастные и причастные обороты, междометия, модальные частицы, поэтому нарратив в форме телеграмм воспринимается читателем как художественная условность (в первой фразе указано: *пишу на клочках гостиничной бумаги*). С другой стороны, текст телеграммы, ориентированный на прагматику адресанта сообщить о чем-то экстренном, срочном, представляет собой законченное сообщение и не предполагает связи таких сообщений между

собой, что и определяет отсутствие связи между фрагментами, что заставляет читателя вдуматься в содержание посланий.

Структурно текст рассказа представляет собой обрывочные записи разного объема и содержания. Часть фрагментов (2–5) обнаруживают формальную лексическую связь между собой благодаря начальным фразам: *у меня мало друзей* (фрагмент 2); *мои друзья... один из них наивно верит, что только с ним я – настоящий...* (фрагмент 3); *в детстве у меня был приятель, который все время молчал...* (фрагмент 4); *у меня есть друзья, которые не догадываются, что они мои друзья* (фрагмент 5). В действительности такие показатели не поддерживаются содержанием фрагментов. Фрагмент 2 содержит вставную конструкцию-комментарий: *надеюсь, они мне это простят и вернутся к своим акварелям, писулькам, сцене, забудут меня окончательно*, указывающую на оценку дружеских отношений адресантом. По своей прагматике это не срочные послания, а попытка повествователя определить свой круг и задуматься, есть ли у него друзья. Ни слова о реальных дружеских отношениях – лишь перечисление разрозненных мелких фактов о людях, которые известны повествователю, например фрагмент 9: *у меня есть друг, который не подозревает, что я знаю: в его доме нет электричества и воды, 13°C, «газель» сломана, в сарае третий год ржавеет «Урал», в карманах бесполезная в России мелочь: евроценты, скандинавские кроны; еще у меня есть подружка, которая живет в Киеве, она носит рваные джинсы и кеды, потертые коротенькие маечки, на всех фотографиях она сильно растрепана, но ничего – ей это идет, ей все идет, ей двадцать три, она не подозревает о моем существовании, но это ничего, есть вещи поважней, например: баррикады, толпы, огни, бунт, бунт, сплошной бунт; другой мой приятель поселился в Барселоне и все – его больше нет, от него остались одни витражи*. Все эти фрагменты сигнализируют о заикленности повествователя на мысли о друзьях, которых у него нет. Во фрагменте 5 рассуждение о друзьях прерывается традиционно оформленным (предложения с прописной буквы и знаки конца предложений) повествованием, вводящим диалогические реплики в столбик без знака тире, разделяющего реплики:

Вышел выпить кофе. Стало еще холодней. Мне позвонил режиссер:

Где вы?

Где-то в Гамбурге.

Все в порядке?

Да. Теперь у меня есть карта, и я знаю, где находится Альтона.

К мысли о друзьях повествователь возвращается во фрагментах 9 и 11, между которыми бесвязно вставлен фрагмент 10, представляющий собой незаконченное предложение: *если б я знал,*

какую часть тела нужно отрезать, я бы незамедлительно сам (это сделал? отрезал? – С. В.). Это разговор с самим собой, ассоциативно возникшая мысль (фрагмент 9 завершается фразой о друге: *его больше нет, от него остались одни витражи*). Фрагменты 12–14 содержат информацию о прогулке повествователя в парке, 15–18 – о его поездке в Альтону.

Временной план повествования все время меняется (1–3 – настоящее; 4 – воспоминание в прошедшем времени, 5 начинается настоящим, но внешняя жизнь персонажа передается прошедшим (*Вышел выпить кофе. Стало еще холодней. Мне позвонил режиссер*); начало 6 – рассуждение в настоящем переключается на рассказ-воспоминание в прошедшем времени, 7 – рассказ о реально происходившем в прошедшем, оно переходит в рассуждение со смешением настоящего и прошедшего времени). Плавающий временной вектор важен для автора как показатель замкнутости человека в самом себе, это сигнал постоянного двупланового существования: человек один в чужом городе и один со своими воспоминаниями и вопросом о своем месте в мире людей. О тревоге нарратора, не вербализованной в тексте (минус-прием), можно судить по брошенным и незаконченным фрагментам-эпизодам. Рассказ отражает жизнь тревожной души, цепляющейся за внешнее, переживающей происходящее, но не признающей самой себе в тотальном одиночестве.

Заключительный фрагмент 19 бессвязно повисает, не имея текстовой поддержки, за исключением слов во вставной конструкции, которая представлена как оборванная на предлоге незаконченная фраза: *говорят, если однажды научился есть палочками, никогда не разучишься, «это все равно как ездить на велосипеде», – говорил Хануман, – не в моем случае (я в Альтоне, 14 часов 15 минут, меньше шести часов до)*. По мнению В. И. Тюпы, «заклучительная фраза текста акцентирует свойственную жанру рассказа открытость финала, исключая для читателя коммуникативную ситуацию однозначного прочтения, инспирируя концептуальную активность восприятия» [7: 111]. Но именно предыдущий фрагмент 18 приоткрывает смысл текста, причем ключевые фразы следуют за повествованием о поездке в Альтону в прошедшем времени: *спектакль будет длиться два с половиной часа, книгу можно осилить за сутки, рискуя слечь после, так говорят: пишу путано и длинно, петляя вокруг да около, никогда не говорю по существу, и тем не менее: те, кто любит автора моих произведений, полюбили бы его еще больше, умри он скоростно прямо сейчас, в эти смрадные деньки...*

Почему же данная композиция фрагментов может быть определена как текст рассказа, то есть содержащий информацию текст, который

«рассчитан на понимание, а значит, на **извлечение** <...> информации», произведение, которое «по всем использованным средствам и т. д. **должно** обеспечить у адресата формирование его **ментальной модели**» [5: 517]? Поиск ответа на этот вопрос после прочтения текста возвращает к его заглавию – к слову *телеграмма*: это крик души, возникший от ощущения одиночества в чужом городе, от неуверенности в успехе поставленного по произведению рассказчика спектакля. Он эксплицируется во фрагменте 18 как самокритика (*...когда я думаю об этом (об идеальной судьбе, которая вырастает из идеальной смерти – жизнь наоборот: так, например, смерть Этторе Шмица бросает отблеск совершенства на средней руки роман Итало Звево), меня охватывает страстное желание покончить с собой (сравнимое по тяге разве что с желанием ширнуться)*). Так синтаксическая форма нарратива и ее графическая подача заставляют вернуться к заглавию и в комплексе с ним формируют ментальную модель восприятия текста.

А. АРКАТОВА «ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КОЛЬЦЕБРОС»

Текст рассказа А. Аркатовой «Вертикальный кольцеброс», состоящий из 1 817 слов и 76 текстовых фрагментов, предельно дискретен [2]. Заглавие определяет только форму рассказа: это последовательность, как нанизывание на вертикальную основу, несвязанных законченных фраз и маленьких фрагментов (кольца), что пояснено в своеобразном эпиграфе с приведенной цитатой из «Записок Пиквикского клуба» с комментарием автора (также нарушение привычного способа презентации эпиграфа в литературном произведении): *«В каждом отдельном понятии скрыта возможность буквального прочтения. Разоблачение его ведет за собой цепочку значений, развлекающую своей парадоксальностью»*. Так эксплицируется авторская интенция – создать парадоксальный текст, но с целью ли развлечь читателя? За эпиграфом с комментарием следует авторское предисловие, семантизирующее вынесенное в заглавие название спортивной игры, и авторский ключ к восприятию текста: это обрывки разговоров, брошенные вскользь замечания, «просеянный через крупное сито абсурд» в традициях игры Д. Хармса с разговорными и литературными штампами.

Введение читателя в мир текста оригинально, не типично для жанра рассказа. Форма изложения – набор не связанных между собой логически и синтаксически фрагментов и фраз, отделенных друг от друга двойным вертикальным отступом, – также воспринимается как нестандартная, неожиданная. Читатель ориентирован на определенный прототип [5: 514–515]: на сюжетное повествование определенного типа (третьеличный / перволичный нарратив) о событиях, связанных с одним / несколькими персонажами, но в следующих друг

за другом фрагментах он не находит ни сюжета, ни сколько-нибудь развернутых характеристик упомянутых лиц, обозначенных инициалами, а не именами (им посвящен 41 фрагмент), как будто пишущий делает в дневнике записи для себя. Поименован лишь один персонаж Маша, которому посвящено 33 фрагмента.

В тексте нарушен критерий целенаправленности [5: 513]: соотносенный с авторским предисловием повествующий субъект, призванный формировать текстовое единство, обнаруживает себя лишь в 3-м и 16-м фрагментах, которые представляют собой своеобразный рефлексив, то есть «намеренно актуализированные метаязыковые суждения, несущие языковую нагрузку» [10: 200]. Но читатель обнаруживает не суждения повествователя, а моделирование приема, известного как приращение смысла, который маркирован вводящей фразой: *Пример приращения смыслов*. За ней следуют выделенные в самостоятельные абзацы предложения без точек, знаков конца предложения:

*Она проснулась знаменитой
Она знаменита
Она проснулась*

Это примеры усечения предложений от позитивно-оценочной предикации (*проснулась знаменитой*) к бытовой – *она проснулась*. Для восприятия читателем привычного рефлексива необходима и мотивация его введения, и проявление авторского отношения, но этого в тексте нет. Напротив, демонстрация игры с предложением, приводящей не к приращению смысла, а к полному изменению передаваемой информации, завершается фрагментом о повествуемом персонаже Маше: *Выяснилось, что кое-кто никогда не дочитывает книги до конца. Ну уж, недоверчиво подумала Маша и внутренне усмеялась. В ее книге было двадцать страниц и содержание*. При подобном контактном положении примера и сведений о размышлениях персонажа невозможно определить субъект сознания, стоящий за фразой: *Выяснилось, что кое-кто никогда не дочитывает книги до конца*. Подобный фрагмент включен после следующих 13 разрозненных по смыслу фрагментов:

*Еще один пример приращения смыслов:
У Д. не получилось подобрать рифму
У Д. не получилось подобрать
У Д. не получилось*

Композиционно данные «антирефлексивы» выглядят неким рефреном, соотносенным с предисловием, но при информационном свертывании фраз в двух примерах вместо приращения отражается конситуативность высказывания, которая требует информативной поддержки. В тексте читатель ее не находит, возникает эффект обманутого ожидания.

Синтаксис рассказа характеризуется следующими особенностями: 1) предельно малый

размер предложения, не превышающий 6 слов (практически отсутствуют определения, нет причастных оборотов, например: *Маша не видела Ж. пять лет. И вот его показали по телевизору. Маша всем позвонила, кто был дома, сказали, что Ж. очень хороши*); 2) включение во фрагменты а) прямой речи при передаче мыслей персонажей без графического выделения (например: *Кое-кто попросил Машу расставить знаки препинания. Смеется надо мной, подумала Маша, чуть скосив глаза к фонарику*); б) анонимной реплики-вопроса с апелляцией к неведомому адресату вместо диалога (*Скажите, я вас правильно поняла, ваша единственная проблема сегодня – это парфюмированный тальк?*), «висящей в воздухе» без текстовой поддержки; 3) графическое оформление текста, свидетельствующее о деконструкции текста; 4) отсутствие сюжета рассказа как такового; 5) нарочитый алогизм, проявляющийся на уровне связи между предложениями внутри фрагментов и между ними; 6) минимизация эмоциональной реакции повествователя на интенсивный поток информации (при характеристике эмоциональной реакции персонажа – встречается 5 раз – подчеркивается отсутствие внешнего проявления эмоций: *Маша внутренне усмеялась. Она-то знала, что все относительно*); 7) редкая вербализация оценки приведенных фактов только в контексте внутренней речи персонажа (*странное дело, посмотрим-посмотрим*), что подчеркивает осведомленность персонажа.

Концовка бессюжетного рассказа (*Маша на всю жизнь запомнила это мгновение, когда она потянулась к выключателю, а кое-кто сказал ей, что у нее должны быть внутренние маяки*) также логически не вытекает из предшествующих ей фрагментов. При всей смысловой изолированности фрагмента сам он передает обрывочное восприятие героиней некоей жизненной ситуации.

Эллиптичность повествования предполагает общую с читателем реальность, в которой мелькают люди, происходит быстрая смена информации. Чтение можно начать с любого фрагмента, но каждый из них лишь зародыш, «икринка рассказа» о какой-то жизненной ситуации, а приращение смысла в тексте не происходит, вызывая у читателя эффект обманутого ожидания: такое приращение возможно лишь в читательском восприятии, когда происходит сопоставление с мыслью или ситуацией, подобной изложенной.

Пародия А. Аркатовой – моделирование жизни современного человека в бесконечном потоке такой стремительно меняющейся информации, что современник не успевает анализировать факты, устанавливать логические связи между явлениями, видеть в мелькающих лицах индивидуальность, а не моментальный

снимок. Абсурд? Скорее, отражение бесконечной суетности существования индивида, проявляющейся в калейдоскопе лиц, ситуаций. Избранная А. Аркатовой форма рассказа удивительно точно отражает особенности клипового сознания (мышления сиюминутного восприятия, минутной реакции), при котором «люди экрана», наделенные клиповым мышлением, «обладают скоростным откликом и быстрее реагируют на любые стимулы и изменения» [9] и в то же время отличаются притупленным эмоциональным восприятием действительности. Автор рассказа-абсурда моделирует сознание человека интернета, доверяющего интернет-информации как основной: *Маша целый день ждала Ф., а он так и не приехал. Это было так непохоже на него, что Маша задумалась – тот это Ф.? Или не тот? И сверила данные с Википедией.* Данная игра с нарративной формой опирается на знание читателем интернет-поведения (о стереотипах и интертекстах стереотипах, характерных для прозы рубежа XX–XXI веков, пишет Г. В. Денисова [4: 125–145]), она характерна для писателей-филологов по образованию, чутко реагирующих на влияние интернет-коммуникации на современного человека.

ВЫВОДЫ

Сопоставительный анализ трех современных рассказов показывает, что, во-первых, синтаксис

текстов может быть охарактеризован как пишущийся рассказ, в котором игнорируются многие правила оформления письменного текста (от снятия графических показателей прямой речи до пропуска знаков конца фразы и замены прописной буквы строчной в начале фразы), это своеобразное отражение «изустности» рассказа как жанра [7: 92]; во-вторых, что связность не является непременным условием извлечения читателем смысла произведения, формирования выводного знания [5: 517–518]; в-третьих, что с нарастанием синтаксической дискретности текста (от минимальной в рассказе В. Маканина до предельной у А. Аркатовой) связано усложнение функции заглавия. В. Маканин задает заглавием стратегию восприятия текста, дает сигнал ментальной модели его восприятия, заставляя увидеть реальный трагизм действительности, стоящий за словом *запятая*. Заглавие рассказа А. Иванова мотивирует заданную автором форму нарратива, требующую глубинного осмысления. В рассказе А. Аркатовой это ключ для восприятия игры-пародии по форме, но не по сути, заглавие-головомломка к тексту-абсурду, воспроизводящему клиповое мышление современника [3].

Целостность рассмотренных текстов различна, возможность осмыслить заложенную писателями ментальную модель их восприятия во многом определяется фоновыми знаниями и жизненным опытом читателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Маканин Вл. Ночь... Запятая... Ночь... // Новый мир. 2010. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/1/ma4.html (дата обращения 10.01.1016) (цитируется по данному изданию).
- ² Иванов А. Телеграммы из Альтоны // Новый мир. 2014. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2014/5/6i.html (дата обращения 10.01.1016) (цитируется по данному изданию).
- ³ Аркатова А. Вертикальный кольцеброс. Литературная икра // Новый мир. 2014. № 7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2014/7/8a-pr.html (дата обращения 10.01.1016) (цитируется по данному изданию).
- ⁴ Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/dic/> (дата обращения 10.01.1016).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенко Н. Г. Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодерна. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 304 с.
2. Вяткина С. В. Отражение клипового сознания в синтаксисе современной прозы // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 5: Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). СПб.: РОПРЯЛ, 2016. С. 111–116.
3. Горобец Т. Н., Ковалев В. В. «Клиповое мышление» как отражение перцептивных процессов и сенсорной памяти // Мир психологии. 2015. № 2. С. 94–100.
4. Денисова Г. В. На изломе веков: русский язык в зеркале современной прозы. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2012. 230 с.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М.: Гнозис, 2009. 336 с.
7. Тюпа В. И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.
8. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига, 2006. 280 с.
9. Фрумкин К. Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // Ineternum. 2010. № 1. С. 26–36 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nounivers.narod.ru/pub/kf_clip.htm (дата обращения 10.01.1016).
10. Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 328 с.

Vyatkina S. V., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

THE DEGREE OF SYNTACTIC TEXT DECONSTRUCTION AND THE TITLE FUNCTION OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN STORY

The cognitive approach to the analysis of the literary text, undertaken in the work, assumes characterization of the mental model of the reader's perception. The perception is motivated by various syntactic features of the text. The material of short stories as a small text genre is employed. These stories are "visible and observable". It helps to reveal how the information is presented in the text and how it is distributed therein (E. S. Kubryakova). A comparative analysis of the syntactic features, of the text structure, and of the story title (based on different in volume works by V. Makanin, A. Ivanov and A. Arkatova, published in the "New World" in 2010–2014) reveals such common feature as the syntax of the being written oral story, in which many rules of the written text are ignored. The stories are contrasted by the degree of the text deconstruction: from the minimal and graphically designed deconstruction (V. Makanin's) to the maximum deconstruction of the text (A. Arkatova's). Such deconstructions predetermine different mental models of the reader's perception. In correlation with the character of syntactic deconstructions, the functions of the story titles, as reader-oriented vectors of perception, are defined: 1) a structure-forming element of the text in the story by V. Makanin; 2) a method of narrative motivation in the story by A. Ivanov; 3) a key for the perception of the parody game by the form in the story by A. Arkatova). Using a variety of ways, the authors set a mental model for the perception of the text. The model is oriented toward readers with different volumes of background knowledge.

Key words: text, story, genre, mental model of perception, text structure, syntactic deconstruction, title

REFERENCES

1. Babenko N. G. *Yazyk i poetika russkoy prozy v epokhu postmoderna* [Language and poetics of the Russian prose in the postmodern era]. Moscow, Librokom Publ., 2010. 304 p.
2. Vyatkina S. V. Clip consciousness reflection in modern narration syntax [Otrazhenie klipovogo soznaniya v sintaksise sovremennoy prozy]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii. Vyp. 5: Materialy V kongressa ROPRYaL (Kazan', 4–8 oktyabrya 2016 goda)*. St. Petersburg, ROPRYaL Publ., 2016. P. 111–116.
3. Gorobets T. N., Kovalev V. V. "Clip thinking" as a reflection of perceptual processes and sensory memory ["Klipovoe myshlenie" kak otrazhenie pertseptivnykh protsessov i sensornoy pamyati]. *Mir psikhologii* [The World of Psychology]. 2015. № 2. P. 94–100.
4. Denisova G. V. *Na izlome vekov: russkiy yazyk v zerkale sovremennoy prozy* [At the break of centuries: the Russian language in the mirror of modern prose]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2012. 230 p.
5. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way of getting knowledge of the language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p.
6. Nikolina N. A. *Aktivnye protsessy v yazyke sovremennoy russkoy khudozhestvennoy literatury* [Active processes in the language of contemporary Russian fiction]. Moscow, Gnozis Publ., 2009. 336 p.
7. Tyupa V. I. *Diskurs / Zhanr* [Discourse / Genre]. Moscow, Intrada Publ., 2013. 211 p.
8. Fatejeva N. A. *Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti* [The inter text in the world of texts: Counterpoint of intertextuality]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 280 p.
9. Frumkin K. G. Global changes in thinking and the fate of text culture [Global'nye izmeneniya v myshlenii i sud'ba tekstovoy kul'tury]. *Ineternum*. 2010. № 1. P. 26–36. Available at: http://nounivers.narod.ru/pub/kf_clip.htm (accessed 10.01.2016).
10. Shumarina M. R. *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta (Metayazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy)* [Language in the Mirror of the Russian fiction (Metalanguage Reflection in Russian Prose)]. Moscow, FLINTA, Nauka Publ., 2011. 328 p.

Поступила в редакцию 18.05.2017

УДК 811.161.1.37

АНГЕЛИНА МИХАЙЛОВНА ДУНДУКОВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
gelya@onego.ru

ЗООНИМЫ И ФИТОНИМЫ В ИДИОЛЕКТНОМ АСПЕКТЕ

Поднимается одна из центральных проблем актуального и перспективного направления современного языкознания – антропологической лингвистики – проблема идиолекта. Впервые анализируются некоторые особенности индивидуально-исполнительского словоупотребления зоонимов и фитонимов, которые были методом сплошной выборки извлечены из текстов сборника «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года». Делается вывод о том, что использование субстантивов, принадлежащих к этим лексическим парадигмам, носит в целом канонический характер, однако у ряда сказителей: И. Фепопова, П. Л. Калинина, Т. Г. Рябинина, В. Щеголёнка, К. И. Романова и некоторых других – отмечены некоторые особенности индивидуального словоупотребления, проявляющиеся, в частности, в общем количестве используемых тем или иным исполнителем зоонимов и фитонимов (с учетом количества словоупотреблений лексем этой тематики) и в количестве индивидуально-исполнительских наименований зоонимов и фитонимов у каждого из сказителей (с учетом доли среди этих субстантивов диалектных слов).

Ключевые слова: идиолект, «Онежские былины» А. Ф. Гильфердинга, зоонимы, фитонимы

Понятие «идиолект», почти вытесненное в современном языкознании «понятием другого ряда – “индивидуальный стиль”» [6: 19], очень существенно при исследовании традиционной народной культуры, и языка фольклора в том числе, о чем свидетельствует растущее число научных работ, посвященных проблеме идиолекта¹. Специфические особенности речи отдельного носителя определенного языка, или идиолект в узком смысле, являются показателем индивидуального, личностного участия, которое принимает носитель канонического текста в формировании и функционировании языка устного народного творчества. «Идиолект в фольклоре, – отмечает С. П. Праведников, – проявляется в своеобразии отражения певцом фольклорной картины мира и, как следствие, в использовании различных языковых средств для передачи своего мироощущения» [5: 37]. Показательно, что идиолект исполнителя русских эпических песен «характеризуется, прежде всего, совокупностью слов, сочетаний и формул, отмеченных исключительно в тексте (текстах) одного сказителя» [7: 16].

В сборнике «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года»² представлены тексты 71 сказителя. Все исполнители употребляют в своей речи зоонимы и фитонимы, однако даже на примере анализа такого узкого лексического пласта, как оказалось, можно проследить некоторые особенности индивидуального словоупотребления. Для сопоставления вошедших в исследуемый сборник текстов, записанных от разных сказителей, в настоящей работе были выбраны следующие критерии:

1. Общее количество используемых тем или иным исполнителем зоонимов и фитонимов,

а также количество словоупотреблений лексем этой тематики в эпических песнях, записанных от каждого из сказителей;

2. Количество индивидуально-исполнительских наименований зоонимов и фитонимов у каждого из сказителей, при этом учитывались две группы лексем: а) субстантивы, характерные для узуса вообще и для языка фольклора в частности, однако по тем или иным причинам отсутствующие в текстах других исполнителей в исследуемом сборнике; б) субстантивы, не включенные в наиболее известные диалектные и толковые словари, встреченные в текстах только одного сказителя, в том числе созданные по существующим в языке моделям;

3. Количество диалектных слов, служащих для номинации животных и растений, среди этих индивидуально-исполнительских наименований³;

4. Количество словоупотреблений в переносном (метафорическом или метонимическом) значении среди этих индивидуально-исполнительских наименований.

Больше всего зоонимов и фитонимов (72 из 316, зафиксированных в сборнике) встретилось в эпических песнях, записанных от Ивана Фепопова, слепого крестьянина из деревни Мелентьевская у Купецкого озера, однако по количеству словоупотреблений лексем данной тематики (202) эти тексты проигрывают записям, сделанным от Трофима Григорьевича Рябинина из кижской деревни Серёдки (431), Петра Лукича Калинина из деревни Горка Пудожского погоста (308) и Петра Андреевича Воинова из деревни Рыжкова у Кенозера (215). Также оказались насыщенными названиями животных и растений тексты таких сказителей, как Василий Щеголёнок из деревни

Боярщины Кижской волости (60 лексем, 169 словоупотреблений) и названные выше П. Л. Калинин и Т. Г. Рябинин: 57 (308) и 49 (431) лексем и словоупотреблений соответственно.

С точки зрения употребленных в текстах «Онежских былин» индивидуально-исполнительских наименований животных и растений также наиболее показательны записи, сделанные от И. Фепопова: в них зафиксировано 12 лексем этой тематики: «берёзища», «завороночок», «зайко», «кокуша», «куропат», «ракитов кустик», «ракитов кустичек», «синька», «скотинина», «терпук», «филин», «щенок»: *Налетела мала птица, певчий заворончок* (Наезд литовцев, 1; 557; 64); *А терпук-от [за морем] был трапезник* (Птицы и звери, 1; 563; 60). По десять индивидуально-исполнительских наименований встретилось в текстах В. П. Щеголёнка («вороница», «ворть», «косач», «кустышек», «муха», «пташка», «репка», «сойка», «цветик», «чирка»): *Ворть был на море старец* (Птицы, 2; 379; 77); [Добрыня – Маринка]: *Да нам нужно повенчаться с тобою около кустышка* (Добрыня и Маринка, 2; 335; 70) и П. Л. Калинина («горносталик», «горностагышко», «гусёныш», «зверюшка», «коровушка», «овечка», «овца», «птиценька», «птицушка», «скот»): *Обвернулся он [Микита] да горностагышком* (Наезд литовцев, 1; 232; 108); *Вдруг запели тые птицушки певучи* (Дюк, 1; 212; 545); по девять – в текстах Т. Г. Рябинина («горностагычик», «жеребятюшко», «змеинышо», «змеичишо», «крапивушко», «кречень», «собакище», «травушка», «утёнушек»): *А й змеинышо да то Горынышо, а й о трех змеинышо о головах...* (Добрыня и змей, 2; 57; 115–116); *Да й [не нашел молодец] не малого да перелетного утенушка* (Королевичи из Крякова, 2; 143; 11) и Кузьмы Ивановича Романова из деревни Логма Сенногубской волости («зверок», «науй», «осетринка», «плотиченка», «пташица», «рыбка», «сёмжинка», «траванька», «щученка»): *Повернулся Вольга сударь Буславлевич науи птицей* (Вольга, 2; 175; 65); *Траванька в чистом поле повянула* (Дунай, 2; 188; 202).

Отличаются записи, сделанные от разных исполнителей, и по количеству диалектизмов, входящих в число индивидуально-исполнительских наименований животных и растений. Больше всего таких слов зафиксировано в эпических песнях, записанных от И. Фепопова (9) и Т. Г. Рябинина (9); довольно много диалектных зоонимов и фитонимов встретилось в текстах К. И. Романова (6), Андрея Ильича Максимова из деревни Немятовская у Кунозера (6) и П. Л. Калинина (5). Индивидуально-исполнительские диалектизмы у всех этих сказителей в основном относятся к числу словообразовательных, хотя есть отдельные примеры собственно лексических, фонетических, семантических и морфологических.

С точки зрения количества словоупотреблений в переносном (метафорическом или метони-

мическом) значении среди индивидуально-исполнительских наименований принципиального отличия не наблюдается: чаще всего подобных «окказиональных» словоупотреблений нет, а если они и встречаются, то в очень небольшом количестве: от одного до трех случаев у каждого из сказителей. Так, например, в текстах, записанных от В. П. Щеголёнка, зафиксировано одно метафорическое (лексема «муха») и два метонимических словоупотребления (фитоним «репка»): [Святогор об ударах богатыря]: *«Как кусают мухи русские да до-больня»* (Святогор и Садко, 2; 308; 76); *Репки [заяц] не паше, репкой сыт пребывает* (Птицы, 2; 380; 100–101), от И. Фепопова – одно метафорическое (зооним «щенок») и дважды употребление индивидуально-исполнительского субстантива в сравнительном обороте (лексема «скотинина»): [Роман Митриевич о ливиках]: *Не дойдет-то им щенкам да насмехатисе* (Наезд литовцев, 1; 157; 93); *Укротил [Добрыня] змею да как скотинину, а й аки скотинину да крестьянскую* (Добрыня и змей, 1; 548; 358–359), от Т. Г. Рябинина и А. И. Максимова – по одному метафорическому (субстантивы «собакище» и «воробык» соответственно): [Илья – коню]: *Ай же ты собакище изменное* (Илья Муромец и Калин царь, 2; 28; 400); [князь – Добрыня]: *Молодой воробык, не вылетывай* (Добрыня, 3; 585; 22). В большинстве случаев переносные значения употребляемых в текстах «Онежских былин» индивидуально-исполнительских зоонимов и фитонимов имеют узуальный характер. Подобная картина вполне ожидаема: былины (а именно они составляют основу сборника А. Ф. Гильфердинга) – жанр, который в силу своих и содержательных, и формальных особенностей является в фольклоре одним из самых стабильных, имеет явную установку на долгосрочность, поэтому сказитель, внося в исходный текст в том числе индивидуальные особенности словоупотребления, все-таки старается следовать канону.

Однако в языке фольклора благодаря импровизации соблюдение традиции все же не становится штампом, поскольку иначе «произведение механизировалось бы, потеряло бы одну из своих основных функций – воздействие на слушателей – и постепенно должно было бы исчезнуть из фольклорного репертуара» [1: 400]. В результате совмещения канона и индивидуально-исполнительских особенностей в произведениях устного народного творчества возникает так называемая вибрация текста, то есть «варьирование как чередование обратимых замен элементов с одинаковыми функциями» [9: 109]. Подобная «вибрация» в области употребления субстантивов, служащих для номинации животных и растений, таким образом, заметнее всего в текстах, записанных от таких сказителей, как И. Фепонов, П. Л. Калинин, Т. Г. Рябинин, В. Щеголёнок, К. И. Романов и некоторых других.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например, следующие исследования, написанные на материале русского эпоса: [2], [3], [4], [7], [8].
- ² Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные летом 1871 года: В 3 т. Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Этим изданием сборника мы будем в дальнейшем пользоваться и на него ссылаться: после цитаты, выделенной курсивом, в круглых скобках указываются соответственно название текста, номер тома, страницы и строки; особенности орфографии и пунктуации источника сохраняются; в случае необходимости для облегчения понимания смысла цитаты в квадратных скобках приводятся пояснения.
- ³ В настоящей работе лексема относится к числу диалектных, если зафиксирована в диалектных словарях или в толковых словарях с пометой *диал.*, а граница между собственно диалектными словами и фольклоризмами не проводится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 544 с.
2. Караваева М. А. Особенности идиолекта былинного певца: (на примере сравнительного анализа конкретной лексемы в творчестве двух сказителей) // Фольклорное слово в лексикографическом аспекте. Курск, 1994. Вып. 1. С. 24–27.
3. Караваева М. А. Идиолект былинного певца: Дис. ... канд. филол. наук. Курск, 1997. 230 с.
4. Макарова Н. В. Идиолект сказителя в аспекте былинного текстообразования: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 198 с.
5. Праведников С. П. Пути возникновения в языке фольклора различий территориального характера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: русская филология. 2010. № 1. С. 35–38.
6. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
7. Холтобина А. С. Лексика былинного текста: жанровый, диалектный и идиолектный аспекты (На материале эпических текстов Т. Г. Рябинина): Дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2015. 202 с.
8. Хроленко А. Т. Идиолект былинного певца в словаре языка русского фольклора // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Петрозаводск, 2000. С. 298–308.
9. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция: Сб. ст. М.: ОГИ, 2005. 272 с.

Dundukova A. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ZOONYMS AND PHYTONYMS IN IDIOLECTAL ASPECT

This paper raises the questions of idiolect – one of the significant problems in anthropological linguistics, a trend in modern language study, which currently looks important and promising for the scientific study. Certain characteristic features of the use and performance of zoonyms and phytonyms in epic poems are analyzed here for the first time. The zoonyms and phytonyms in focus were selected from a collection of articles “The Onego Epic Poems Collected by A. F. Gilferding in the Summer of 1871”. We came to a conclusion that the use of substantives belonging to these lexical paradigms is, by and large, canonical. However, we identified some characteristics of the individual use of these words in the texts of the following narrators: I. Feponov, P. L. Kalinina, T. G. Ryabinina, V. Shegolyonok, K. I. Romanov and others. Specifically, we noted the overall number of zoonyms and phytonyms used by a particular performer (taking into account the number of the times the lexemes of this thematic group are used) and the number of individual designations of zoonyms and phytonyms in the text by each performer (taking into account the portion of the used dialectal words from the total amount of these substantives).

Key words: idiolect, “The Onego Epic Poems” collected by A. F. Gilferding, zoonyms, phytonyms

REFERENCES

1. Bogatyrev P. G. *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Aspects of the theory of the folk art]. Moscow, Iskustvo Publ., 1971. 544 p.
2. Karavaeva M. A. Specifics of the idiolect of epic poem performers (on the basis of the comparative analysis of a particular lexeme in the work of two epic poem narrators) [Osobennosti idiolekta bylinnogo pevtsa: (na primere sravnitel'nogo analiza konkretnoy leksemy v tvorchestve dvukh skaziteley)]. *Fol'klornoe slovo v leksikograficheskom aspekte*. Kursk, 1994. Issue 1. P. 24–27.
3. Karavaeva M. A. *Idiolekt bylinnogo pevtsa: Dis. ... kand. filol. nauk* [The idiolect of the epic poem performer: PhD dissertation]. Kursk, 1997. 230 p.
4. Makarova N. V. *Idiolekt skazitelya v aspekte bylinnogo tekstoobrazovaniya: Dis. ... kand. filol. nauk* [The idiolect of the epic poem narrator from the perspective of the epic poem text formation: PhD dissertation]. Voronezh, 2000. 198 p.
5. Pravednikov S. P. The ways of formation of territorial differences in the language of folklore [Puti vozniknoveniya v yazyke fol'klora razlichiy territorial'nogo kharaktera]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: russkaya filologiya*. 2010. № 1. P. 35–38.
6. Tolstoy N. I. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 1995. 512 p.
7. Hol'tobina A. S. *Leksika bylinnogo teksta: zhanrovyy, dialektnyy i idiolektnyy aspekty (Na materiale epicheskikh tekstov T. G. Ryabinina): Dis. ... kand. filol. nauk* [The vocabulary of epic poems: aspects of genre, dialect and idiolect (on the basis of T.G. Ryabinin's epic texts): PhD dissertation]. Belgorod, 2015. 202 p.
8. Hrolenko A. T. The idiolect of an epic poem performer in the vocabulary of the language of the Russian folklore [Idiolekt bylinnogo pevtsa v slovare yazyka russkogo fol'klora]. *Master i narodnaya khudozhestvennaya traditsiya Russkogo Severa*. Petrozavodsk, 2000. P. 298–308.
9. Chistov K. V. *Fol'klor. Tekst. Traditsiya: Sbornok statey* [Folklore. Text. Tradition: a collection of articles]. Moscow, OGI Publ., 2005. 272 p.

Поступила в редакцию 22.08.2017

АЛЕССАНДРО ЧИФАРИЕЛЛО

доктор наук (PhD), постдокторант университета «Г. Д'Аннунцио», преподаватель Института современных языков, литературы и культуры университета «Г. Д'Аннунцио» (Кьети-Пескара, Италия)
alessandro.cifariello@unich.it

О ПЕРВОЙ РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ НА ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена истории первых курсов русского языка в трех итальянских университетах. Предлагается обзор русских и европейских источников по истории преподавания русского языка как иностранного в связи с ролью научных работ и идей Ф. И. Буслаева, посвященных славянским языкам и русскому включительно. Основной целью настоящей работы является выявление связи между курсами русского языка в итальянских учебных заведениях и публикацией первой грамматики русского языка на итальянском языке, сделанной в Российской империи (в Дерпте). Исследование основано на уникальных документах, преимущественно XIX века, дающих представление о специфике и эволюции преподавания русского языка в итальянских университетах этого времени.

Ключевые слова: история славистики в России, история русистики в Италии, методика преподавания русского языка как иностранного в XIX веке, Ф. И. Буслаев, Дж. Линьяна, Д. Де Виво

Проблема преподавания русского языка в Италии в XIX веке – вопрос, который еще не был поставлен в специальной научной литературе. До сих пор распространена точка зрения, что русскому как иностранному обучались в итальянских учебных заведениях только начиная с XX века. Об этом, например, пишет преподаватель РКИ Миланского государственного университета Оксана Беженарь в своей недавней статье «Как сделать изучение русского языка интересным в условиях современных вузов Италии» [1]. Так же считают и крупные итальянские слависты XX века – Этторе Ло Гатто [12], Енрико Дамиани [10], Артуро Крония [9] и др. Тем не менее такая официальная история, кажется, не совпадает с реальной историей преподавания русского языка в итальянских университетах.

Первые свидетельства о курсах по русскому языку и русской литературе относятся к шестидесятым годам XIX века (Королевский университет в Неаполе). Курсы тогда читал занимающий кафедру филологии пьемонтский профессор Джакомо Линьяна. В одной из самых популярных российских газет того времени – «Московских ведомостях» М. Каткова – нам удалось обнаружить статью, в которой анонимный публицист, интересующийся «словесными факультетами» итальянских высших учебных заведений, упоминает об этом выдающемся итальянском языковеде. Достоин внимания тот факт, что сведения о положении в итальянских университетах практически отсутствуют в итальянских источниках, однако же в России можно было прочитать очень подробную и детальную работу, которая называется «Заметки об итальянских университетах», где есть упоминания об учебных курсах гуманитарных факультетов в Италии в 1863/64 академическом году. В этой статье мы

обнаруживаем документальное подтверждение учебной и научной деятельности Дж. Линьяны. Как пишет неизвестный автор статьи в «Московских ведомостях», этот знаменитый языковед «...участвовал... в ученой экспедиции на Восток и на возвратном пути посетил Россию. ...Знает отлично славянские языки и литературу, особенно русскую и польскую, и следит со вниманием за славянской филологией. В его библиотеке... филологические труды Петербургской Академии Наук и лучшие русские сочинения по филологии и истории. Историческую грамматику Ф. И. Буслаева он называет своей настольной книгой. В нынешнем году [то есть 1864] он читал курс о славянской истории и литературе, о месте славянского племени в числе индо-европейских, об отношениях различных славянских языков, краткий обзор польской истории и литературы, о современном состоянии славянской филологии и т. д.»¹. В самом деле, в учебном 1864/65 году Дж. Линьяна повторил курс лекций о славянских языках, внимательно обучая неаполитанских студентов русскому языку и русской литературе. Об этом сообщает бывший студент Линьяны Герардо Де Винчентии в переписке со знаменитым итальянским философом Бенедетто Кроче², собирающим в 1891 году нужную ему информацию о жизни и академической деятельности Линьяны для написания памятной речи на собрании неаполитанской академии Понтаниана³. До Линьяны в Италии курс русского языка и русской литературы никогда не читался. Единственное упоминание о более ранней традиции преподавания русского языка в Неаполе, относящейся к 1836 году, не имеет никаких документальных подтверждений [15: 1122].

Итак, на лекциях по русской литературе в Неаполе читали и изучали стихи Ломоносова,

Лермонтова, Пушкина (главным образом, «Евгения Онегина»). Первую хрестоматию по русской литературе, называемую «Русскими мелодиями» и принадлежащую перу Евгения Венчеслава Фулька и Доменико Чьямполи, издали только в 1881 году⁴. В предисловии к ней знаменитый востоковед Анджело Де Губернатис, муж двоюродной сестры М. Бакунина, пишет обзрение, в котором рассказывает о восприятии русской литературы в Италии. Он сообщает, что, кроме Тургенева, русские писатели в Италии и в целом за границей России не пользуются большой популярностью и что, кроме Пушкина, Лермонтова и Крылова, русские поэты вообще совершенно неизвестны европейскому читателю⁵. Тем не менее уже с 1862 года распространение в Италии русской литературы на итальянском языке ускоряется благодаря изданию тома истории русской литературы под редакцией московских профессоров Степана Петровича Шевырёва и Джузеппе Рубини⁶. До этого в 1825 году уже были переведены на французский и итальянский языки басни И. Крылова⁷. Вдобавок итальянские студенты могли читать стихотворения М. Лермонтова из немецкого издания его сочинений 1852 года⁸, поэму «Демон» – по французскому изданию 1858 года⁹ и ее же – в новейшем итальянском переложении прозой Софьи Безобразовой, жены Де Губернатиса¹⁰. Наконец, из сочинений Пушкина студенты могли читать «Евгения Онегина», итальянский перевод которого уже был доступен в середине пятидесятых годов в двух вариантах: один перевод принадлежал Луису Делатру¹¹, а другой А. (Анне или Александре) Безобразовой, двоюродной сестре Софьи¹².

Курс лекций по русскому языку Линьяна выстроил по «старой грамматике русского языка на французском»¹³, вероятно, *Grammaire raisonnée de la langue russe* Николая Греча, переведенной Ч. Ф. Рейфом¹⁴, или по самому Рейфу – *Grammaire russe, à l'usage des étrangers qui désirent connoître à fond les principes de cette langue*¹⁵. В дальнейшем, в связи с тем что студенты не проявляли особых успехов в изучении языка по грамматике Греча – Рейфа, Линьяна решил использовать новейшую и «отличную»¹⁶ *Grammaire russe a l'usage des français* Пауля Фукса по методике Гейнриха Готфрида Оллендорфа¹⁷ с соответствующим сборником ключей к упражнениям – *Clef*¹⁸. В курсе по русскому языку использовали также старые французско-русские словари *Dictionnaires parallèles des langues russe, française, allemande et anglaise* Рейфа¹⁹ и *Nouveau dictionnaire de poche francais-russe et russe-francais* Аугуста Олдекопа²⁰. Оба словаря содержали маленький раздел по грамматике русского языка на французском. Основные грамматические правила здесь Рейф заимствовал из теоретического раздела Руководства к изучению Русской Грамматики Н. И. Греча²¹, в свою очередь заимствованного из

универсальных *Principes de Grammaire générale* А. И. С. де Саси²², которые не совпадали с точкой зрения Линьяны о полигенетической теории происхождения человеческого языка. В связи с этим в курсе лекций Линьяны грамматический раздел Рейфа послужил на практике лишь конспектом грамматических правил, а не основой теории сравнительно-исторического языкознания. В 1865 году Линьяна впервые предложил «принцип противоречия филологии», то есть «внутреннего разнообразия типов мышления», которое приводит к различию языков. Эта теория противостояла принципу «фонетического всеобщего единства» языков мира²³. Он критикует основной принцип «философской грамматики», по которому «языки в своем внутреннем составе являются образом мышления, следовательно, они идентичны». Этому учению он противопоставляет теорию разнообразия видов абстракции «лингвистических типов», то есть способности обобщать на основе процесса говорения, поэтому все эти так называемые типы, безусловно, отличаются друг от друга «внутренним составом, мыслью»²⁴ (то есть гумбольдтовской «внутренней формой»). Типичному для значительной части лингвистов того времени моногенезу человеческих языков Линьяна противопоставляет полигенизм, поддерживая полигенетические происхождение и характер языков в отличие от гипотетического единства образа человеческой мысли по сравнению с многочисленностью языков. По его мнению, которое, на самом деле, совпадало с точкой зрения его боннского учителя Лассена, отдельная от спонтанной мудрости способность философского осмысления – свойство, единственно присущее индоевропейским народам. Итак, Линьяна безусловно отрицал старые понятия всеобщей грамматики, близко подходя к традиционной «романтической» концепции, связывавшей один язык с одной нацией и одной культурой, хотя он был убежден, что изначальное генетическое единство индоевропейцев стало источником происхождения всех социальных, политических, юридических и культурных особенностей индоевропейских племен [16: 430–441]. Такая же идея превосходства индоевропейских языков над другими языками мира была у Линьяны, когда он читал свои лекции по грамматике Греча – Рейфа, и, вероятно, это стало еще одной причиной того, чтобы оставить грамматику Греча – Рейфа и использовать в конце концов практическое пособие Фукса. С таким же духом он использовал историческую грамматику Буслаева, упомянутую в статье «Московских ведомостей». Преподавание Буслаевым русского языка по сравнительно-исторической методике хорошо соответствовало языковедческой теории Линьяны. Как и Буслаев, Линьяна признавал, что усвоение современного русского языка для студентов должно быть связано и с изучением

старо(церковно)славянского и старорусского языков, и с вниманием к живому русскому языку в его диалектных вариантах. Вместе с Буслаевым (вслед за Гриммом и Боппом) Линьяна считает, что каждое слово появилось с первоначальным выражением, явно отражающим конкретный смысл, а «потом уже перешло к условному знаку отвлеченного понятия»²⁵. Итак, по Буслаеву и по Линьяне, систематическое изучение языка опирается на те приемы и методы обучения, «которые позволяют учащимся понять и осознать сущность языковых явлений, закономерность тех процессов, которые происходят в языке» [6: 11]. Одинаковые подходы Буслаева и Линьяны к обучению русскому языку с учетом диалектологии и сравнения исторических вариантов обобщает сам Буслаев: «Историческое направление... признает и права родной, разговорной речи, и права языка литературного. Оно видит в русском книжном языке результат исторического движения и взаимного влияния русской речи, разговорной, видоизменяемой по местным говорам, и языка церковнославянского, положенного в основу нашей грамотности, с отдаленных времен внесения Христианства в Русскую землю»²⁶. Объединение филологического и лингвистического методов для изучения русского – фундаментальный фактор подхода к преподаванию языка на курсах Линьяны: используя «филологический метод», он анализировал произведения великих русских писателей и поэтов, применяя анализ текста к сравнительно-исторической методике языкознания, направляя свою мысль на поиски общего источника происхождения индоевропейских языков и единства индоевропейской культуры, чтобы продемонстрировать правильность полигенетической теории человеческих языков, оправдывая одновременно культурно-языковой моногенез индоевропейцев.

Использованные на лекциях книги Буслаева и других упомянутых авторов, а также принципы сравнительно-исторического языкознания оказываются основными для тех итальянских студентов, кто в дальнейшем будет заниматься славистикой²⁷. Один из них – Доменико (Доминик) Де Виво – стал первым преподавателем современного русского языка в Италии, в Азиатской коллегии в Неаполе, в которой Линьяна, реформировавший предыдущую Коллегию Китайцев и превративший ее в Азиатскую коллегию, был директором. Новое государственное учреждение торжественно открыли 25 ноября 1868 года [11: 183]. В этой же Коллегии создали школу восточных языков, где можно было обучаться не только «классическим» восточным языкам, но еще и русскому и английскому, то есть языкам двух самых больших на Востоке империй – Британской и Российской. Почти все поступающие в эту школу учились одновременно и в Королевском университете²⁸. Линьяна хо-

тел, чтобы ректор Королевского университета занял также пост королевского хранителя новой Коллегии, чья должность была похожа на соответствующую должность ректора университета. Кроме того, он считал, что курс иностранных языков необходимо разделить на «предварительно-генетические» предметы, которыми должны заниматься в Королевском университете с критическим подходом и историко-научной экспозицией сравнительно-исторического языкознания, и «практические» предметы в Коллегии на основе практических упражнений по устной и письменной коммерческо-дипломатической речи: то есть теорией языка нужно заниматься в Университете, а практикой речи – в Коллегии²⁹. В учебной программе Коллегии по поводу иностранных языков уточняется, что «метод преподавания... будет полностью практическим и прямым, так что в течение короткого периода времени наша молодежь будет способна выражать себя в языке понятным видом, писать деловое письмо и понимать простой текст по-китайски, по-монгольски, по-персидски, по-индостански, по-английски или по-русски. Отправившись затем прямо в избранную страну своего исследования, они легко смогут совершенствоваться в языке»³⁰. Кроме того, программа Коллегии рассматривала создание «восточной типографии», чтобы «публиковать грамматики»³¹, словари преподаваемых языков и пособия, которые предоставили бы молодежи краткое, ясное и точное изложение понятий, обязательных для тех, кто путешествует в Азии с научной целью»³². Представленная программа на практике была осуществлена не полностью, а курс русского языка был закрыт в 1870 году. Тем не менее предусмотренные этой программой издания по русскому языку, в том числе грамматика русского языка на итальянском и русско-итальянский словарь, вышли в свет через несколько лет благодаря Де Виво, и не в Италии, а, собственно говоря, в Российской империи.

Не будем здесь рассказывать про все детали личной жизни и академической деятельности Доменико Де Виво. Это составляет содержание другой моей статьи, которая скоро выйдет в Италии [8]. Надо подчеркнуть, что, кроме официального упоминания о курсах, которые Де Виво читал в Коллегии, прочая информация о его научной и педагогической деятельности в этом учебном заведении отсутствует. Мы должны и можем здесь сообщить только о самых важных событиях его биографии, касающихся истории происхождения и издания грамматики русского языка на итальянском. Итак, Де Виво к концу второго года своей педагогической деятельности, то есть до официального завершения академического года (15 августа 1870 года), решил уехать на четыре года в Россию по академическим причинам, планируя улучшить свое знание русского языка, усовершенствовать методику преподавания

русского как иностранного и провести по поручению Линьяны некоторые исследования в области географии современной Азии. Он поселился тогда в центре научной жизни Российской империи – в Петербурге³³ [2: 97]. Весь план пребывания Де Виво в России являлся частью директорской политики Линьяны, по которой поездки за границу для научно-образовательных целей должны были проводиться за счет самой Коллегии. Уже в России Де Виво узнал, во-первых, об отставке Линьяны, которого впоследствии переместили в Римский университет, а во-вторых, о том, что курсы в Коллегии «будут приостановлены до назначения нового Директора». В это время в России он работает по своей программе в ожидании дальнейших инструкций, но за четыре года, то есть до 1874 года, из Коллегии никаких официальных новостей он не получил³⁴. Когда же Де Виво вернулся из России в Неаполь, Коллегия вообще не оплатила его расходы в России и не вернула его на прежнюю должность преподавателя русского и английского языков³⁵. Через пять лет, в начале 1879 года, он окончательно уехал в Россию, и 12 февраля 1879 года его назначили лектором итальянского языка в Дерптском университете, и с 15 февраля того же года до начала 1884 года он занимал эту должность³⁶. В дальнейшем он получил такую же должность в Новороссийском университете в Одессе, куда переехал в марте 1884 года и где работал до своей смерти 28 декабря 1896 года (10 января 1897 года по новому стилю).

Во время его преподавательской деятельности в Дерптском университете в 1882 году он опубликовал первую в истории русскую грамматику на итальянском языке, называвшуюся *Grammatica della lingua russa. Con speciale attenzione al movimento dell'accento* (Грамматика русского языка. С особым вниманием к передвижению ударений). Книга была издана типографией Шнакенбурга³⁷ в Дерпте с одобрением цензуры от 22 апреля 1882 года. Несмотря на то что Шнакенбург преимущественно издавал научные пособия Дерптского университета на русском, все же грамматику Де Виво опубликовали на итальянском, поэтому студентам российских учебных заведений пользоваться ею было весьма непросто. Выбор итальянского языка для публикации безусловно демонстрирует, что пособие по русской грамматике не предназначалось поданным русскому царю, но было обращено студентам итальянских университетов. Вероятно, рукопись первой редакции грамматики была уже использована им в курсе русского языка в Неаполе в конце шестидесятых, и свое сочинение он перерабатывал в течение всех семидесятых годов. У Де Виво в это десятилетие была надежда, что ему снова отдадут читать курсы русского языка в неаполитанской Коллегии. Однако 28 октября 1878 года были приняты королевские указы

№ 4606 и 4607, в которых по решению тогдашнего министра просвещения Франческо Де Санктиса курсы русского языка в Коллегии не были восстановлены. Именно по этой причине, собрав все свои вещи, включая рукопись грамматики, Де Виво решил уехать навсегда в Россию и там остаться лектором итальянского языка. Однако в 1882 году во время второго года деканства Линьяны на факультете филологии и философии в Королевском университете в Риме начался первый так называемый свободный курс русского языка, который был добавлен в расписание уроков к уже существующим курсам немецкого и английского языков³⁸. Преподавателем назначили бывшего гарибальдийца – поляка Генриха Гримала-Любанского³⁹, который работал в Римском университете до 1891/92 академического года, то есть еще год после смерти Линьяны, происшедшей 10 февраля 1891 года⁴⁰. Поскольку мы не нашли прямых источников, которые свидетельствуют о сотрудничестве Линьяны и Гримала-Любанского или о выборе преподавателя русского языка Линьяны как декана факультета, тем не менее мы вполне уверены, что Линьяна был первым сторонником преподавания русского языка в Римском университете. Кажется, что начало курса Гримала-Любанского в 1882/83 академическом году и одобрение цензуры грамматики Де Виво в апреле 1882 года связаны между собой. Возможно, что Линьяна предложил курс русского языка как раз под новую грамматику Де Виво.

В предисловии грамматики Де Виво скрытно повторяются лекции Линьяны. Автор показывает свои знания о родстве славянских языков с точки зрения индоевропейской теории. Здесь явно прослеживается влияние немецких языковедов XIX века, то есть сравнительно-исторических исследований В. Гумбольдта, исторической грамматики Я. Гримма, исследований санскрита и сравнительной грамматики Ф. Боппа. После того как Линьяна занялся вопросами славянской филологии в индоевропейской среде, читая Й. Добровского, Ф. Буслаева и др., таким же образом Де Виво последовал за своим учителем. Он также пишет о происхождении славянских «диалектов» от одного общего славянского языка⁴¹. Анализируя семью славянских языков с точки зрения сравнительно-исторического языковедения, Де Виво объясняет родство между языком народа и наречием племен по Буслаеву как рождение языков-дочерей от первоначального языка-матери, а потом украшает все сказанное политическим подтекстом: русский, польский, чешский и даже церковнославянский должны быть называемы славянскими диалектами с точки зрения единого славянского языка как цельной языковой совокупности⁴². Затем в истории этого языка те диалекты, которые главенствовали в правящих политических центрах, преобразовались

в современные государственные славянские языки⁴³. Итак, внимание к диалектологии – важнейший пункт в исследовании и Де Виво, и Буслаева. Если Буслаев выступает с подобной терминологией, чтобы лингвистически оправдать имперскую «руссцентрическую» идеологическую модель, то Де Виво утверждает, что язык империи – это московский диалект, уточняя в предисловии к грамматике список диалектов в центральной России⁴⁴. Таким образом, главным источником для своей грамматики Де Виво считал именно грамматику Буслаева. Из краткого филологического экскурса в историю языка, начиная с генеалогически-типологической классификации славянских языков, вытекают многие совпадения с концепцией Буслаева⁴⁵. Различие в двух языковых ветвях – южно-восточной и западной, представленное в грамматике Де Виво, было важным также и для Буслаева, который пришел к диатопическому разделу диалектов на две ветви, дойдя до современного разложения русского языка в трех диалектах – великорусском, малорусском и белорусском⁴⁶. Усвоив теорию Буслаева, Де Виво считал преобразования древнеславянского языка незавершившимися, предпочитая подчеркивать сохраняемую славянскими говорами целостность и отмечая незначительные различия диалектов единого языка – восточного славянского (русского)⁴⁷. Кроме Исторической грамматики Буслаева, цитируемой по четвертому изданию 1875 года⁴⁸, другими источниками теоретических суждений Де Виво были *Grammaire raisonnée* Греча – Рейфа, которую использовал во время курсов в Неаполе еще Линьяна, Русская грамматика А. Х. Востокова, цитируемая в предисловии и в тексте по изданию 1874 года⁴⁹, Филологические разыскания Я. К. Грота, упомянутые со ссылками по второму изданию 1876 года⁵⁰, и, наконец, Филологические наблюдения Г. П. Павского⁵¹.

Трехчастная структура грамматики Де Виво частично напоминает грамматику Буслаева, по крайней мере, это относится к названию частей книги. Первая часть – «Этимология» – занимает около двух третей книги и состоит из вышеупомянутого предисловия, краткого раздела, посвященного азбуке и фонетике, и самого обширного раздела по изменяемым частям речи – именам существительным и прилагательным, глаголам и местоимениям, с особым вниманием к передвижению ударений. Последние страницы этой части относятся к неизменяемым частям речи. Дидактически-педагогический подход в основе этого раздела грамматики точно совпадает с аналогичной частью *Исторической грамматики* Буслаева, которая, несмотря на ее сравнительно-исторический характер, предлагала все же комментарии по практическим разделам грамматики собственно русского языка. Вторая часть – «Синтаксис», как и у Буслаева, занимает

всего одну седьмую часть работы. Этот раздел грамматики Де Виво описывает предлоги, синтаксические связи глаголов и существительных в предложении. Третья часть – «Чтение» – занимает чуть менее одной пятой общей работы, предлагая четыре басни, два рассказа, одно историческое повествование и одиннадцать научных текстов о биологии и науках о Земле, то есть автор грамматики предлагает необычные для традиционного языкового пособия того времени тексты: наряду с художественными произведениями представлены и им самим написанные научно-популярные тексты. Книгу заканчивают около тридцати страниц русско-итальянского словаря, который является первой попыткой Де Виво составить двуязычный лексикон. Так, в 1884 году в Одессе он опубликовал Ручной словарь итальянского и русского языка, а в 1894 году тоже в Одессе Словарь итальянско-русский⁵², в это же время считаемый одним из лучших словарей⁵³. Словарь был использован даже Лениным, когда он читал итальянскую социалистическую газету *Avanti!* [5: 199].

В целом структура грамматики Де Виво соотносится с программой курса лекций по русскому языку в Азиатской коллегии. Так как метод преподавания языков в Коллегии был «практическим и прямым», Де Виво там безусловно употреблял практическое пособие П. Фукса *Grammaire russe a l'usage des français*. В отличие от классических пособий по разработанной Г. Оллендорфом методике, связанной с популярным в XIX веке грамматико-переводческим подходом к преподаванию классических и новых языков, Фукс в своей адаптированной грамматике сократил или удалил некоторые из типичных разделов многочисленных адаптаций этой методики. Например, традиционное деление пособия на три тома, то есть грамматику, перевод и ключ к упражнениям по переводу, Фукс сократил до двух, оставив упражнения и соответствующие ключи и удалив том по грамматике. Это было сделано с целью достижения «хороших» переводов, чтения и произношения на русском языке, а также для развития коммуникативных навыков устного характера. В практическом пособии Фукса типичные избранные чтения классической литературы были заменены чтением громким голосом правильных фраз, составленных учащимися и проверенных по ключу к упражнениям, причем предложения в разделе «Ключи» были представлены со знаками ударения во всех словах. Де Виво дополняет пособие Фукса своей грамматикой, которая преодолевает некоторые «недостатки» фуксовского пособия. Во-первых, как и Фукс, Де Виво ставит в своей книге знаки ударения во всех словах русского текста. Ставить ударения в таких пособиях – реальная новизна для методической литературы по преподаванию иностранных языков того времени. Во-вторых,

Де Виво дополнил книгу частями, посвященными грамматике, синтаксису, передвижению ударений. Наконец, тексты для чтения в грамматике Де Виво, в сравнении с аналогичными в грамматике «практического» подхода Фукса, относятся к нехудожественно-литературным текстам, которые были нужны учащимся, чтобы улучшить свои знания русского языка в коммерческо-дипломатической сфере, что и составляло основную цель обучения в Коллегии, руководимой Линьняной.

Таким образом, первая итальянская грамматика русского языка была создана замечательным ученым Доменико Де Виво. В этой грамматике можно безусловно обнаружить явную связь и с европейскими методическими пособиями по преподаванию русского языка, и с теоретическими работами по русскому языку, написанными выдающимися русскими учеными того времени. Так, эта книга находится в тесной связи с научными идеями сравнительно-исторического языкознания и теории происхождения славянских языков Ф. И. Буслаева. Текст книги Де Виво, та-

ким образом, является и учебным, и научным, заметно отличающимся по этим своим качествам от большинства последующих книг, посвященных преподаванию русского языка итальянским учащимся. Достоинства этой грамматики были признаны еще в девяностых годах XIX века: в предисловии ко второму изданию грамматики русского языка сербского языковеда П. Будмани *Praktična gramatika ruskoga jezika: za samouke*⁵⁴, ссылаясь на источники, автор упоминает не только Русскую грамматику А. Х. Востокова, но еще и грамматику Де Виво. К сожалению, отсутствие авторитетной школы итальянских славистов в XIX – начале XX века привело к тому, что научно-педагогические сочинения Де Виво были забыты, впрочем, как была забыта и вся история создания этой грамматики. Таким образом, грамматика Де Виво замечательна не только тем, что это первая русская грамматика на итальянском языке, но и тем, что это один из первых примеров русско-итальянских научных связей в области филологической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Г. Заметки об итальянских университетах // Московские Ведомости. 1864. 22 сентября. № 207. С. 3.
- ² De Vincentiis G. Письмо Г. Де Винченчии к Б. Кроче от 9 марта 1892 // Fondazione biblioteca Benedetto Croce. Archivio Benedetto Croce. Переписка приведена по году и адресату: G. De Vincentiis, 1892. № 85. 9 f.
- ³ Croce B. Schizzi biografici: I. Giacomo Lignana // Croce B. Pagine sparse, raccolte da G. Castellano. Serie terza: Memorie, schizzi biografici e appunti storici. Napoli: Ricciardi, 1920. P. 65–85.
- ⁴ Melodie russe, leggende, liriche, poemetti. Prima versione italiana col testo russo a fronte per E. W. Foulques e D. Ciampoli; con prefazione del prof. A. De Gubernatis. Lipsia: Wolfgang Gerhard, 1881. 309 p.
- ⁵ De Gubernatis A. Prefazione // Melodie russe, leggende, liriche, poemetti. Lipsia: Wolfgang Gerhard, 1881. P. vi.
- ⁶ Sceviref S., Rubini G. Storia della letteratura russa per Stefano Sceviref e Giuseppe Rubini, Firenze: F. Le Monnier, 1862. 346 p.
- ⁷ Kriloff M. Fable russes, tirées du recueil de M. Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs, précédées d'une introduction française de M. Lemontey, et d'une préface italienne de M. Salfi. Paris: Bossange, Librairie De S. A. R. Le Duc D'Orleans, 1825. En deux volumes. Vol. 1. 242 p. Vol. 2. 378 p. См.: Мавр Ло Гатто А. I primi traduttori italiani di Krylov nell'edizione parigina del 1825 [14].
- ⁸ Lermontoff M. Michail Lermontoff's poetischer Nachlass, zum erstenmal in den Versmaßen der Urschrift. Aus dem Russischen von Friedrich Bodenstedt. Berlin: Decker, 1852. In zwei Bänden. Band 1. 326 s. Band 2. 354 s.
- ⁹ Lermontow M. Le démon: légende orientale, par Lermontow, traduction de T. Anossow. Paris: Impr. de J. Claye, 1860. 79 p.
- ¹⁰ Lermontoff M. Il Demonio. Racconto orientale di Lermontoff, tradotto da Sofia De Gubernatis Besobrasoff // Civiltà italiana. 1865. 3 settembre. P. 125–127; 10 settembre. P. 138–140; 17 settembre. P. 157–160. См.: Горохова Р. М., Ласорца К. Восприятие творчества Лермонтова в Италии [4: 110]. Первый перевод стихов Лермонтова – Дары Терека, принадлежит перу знаменитого героя итальянского Рисорджименто Ипполито Ньеро: Niero I. I doni del Tereck. Ballata russa di Lermontoff // La Ricamatrice. 1859. 16 febbraio. № 4. P. 31–32. См.: Гардцонио С. Ипполито Ньеро – переводчик Лермонтова. Проблема метрического эквивалента [3: 93–94].
- ¹¹ Puschin A. Racconti poetici di Alessandro Puschin, tradotti da Luigi Delâtre. Firenze: Felice Le Monnier, 1856. 243 p.
- ¹² Pusckin A. Eugenio Oneghin: romanzo russo in versi, tradotto in prosa italiana dalla sig.ra A. B. Nizza: Tipografia Caisson e compagni, 1858. 227 p. См.: Ло Гатто Е. Breve introduzione a Puškin [13: 9].
- ¹³ De Vincentiis G. Письмо... F. 6.
- ¹⁴ Gretschn N., Reiff Ch. Ph. Grammaire raisonnée de la langue russe, précédée d'une introduction sur l'histoire de cet idiome, de son alphabet et de sa grammaire, par Nic. Gretschn, membre correspondant de l'académie impériale des sciences de St. Pétersbourg, membre actif des sociétés littéraires de St. Pétersbourg, de Moscou et de Casan, de la société minéralogique de St. Pétersbourg, etc. Ouvrage traduit du russe, et arrangé pour la langue française, avec l'accent tonique sur tous les mots cités, par Ch. Ph. Reiff, auteur de la grammaire russe à l'usage des étrangers. Saint Petersburg: Imprimerie de Nicolas Gretschn, 1828–1829. En deux volumes. Vol. 1. 407 p. Vol. 2. 447 p.
- ¹⁵ Reiff Ch. Ph. Grammaire russe, à l'usage des étrangers qui désirent connoître à fond les principes de cette langue, précédée d'une introduction sur la langue slavonne, par Ch. Ph. Reiff. Saint-Petersbourg: Imprimerie de Nicolas Gretschn, 1821. 296 p.
- ¹⁶ De Vincentiis G. Письмо... F. 6.
- ¹⁷ Fuchs P. Nouvelle methode de H. G. Ollendorff pour apprendre une langue en six mois. Grammaire russe à l'usage des français. Ouvrage entièrement neuf, destiné pour l'instruction publique et privée des deux sexes; par Paul Fuchs (de Paris), professeur. Auteur des grammaires française, allemande et anglaise à l'usage des russes, etc. etc. Francfort S. M.: C. Jugel, Libraire-Éditeur, 1865. 543 p.
- ¹⁸ Fuchs P. Clef de la Grammaire russe à l'usage des français, d'après la méthode Ollendorff, ou corrigé des thèmes de cette grammaire, par Paul Fuchs (de Paris), professeur, auteur des grammaires française, allemande et anglaise à l'usage des russes, etc. etc. Francfort S. M.: C. Jugel, Libraire-Éditeur, 1865. 134 p.
- ¹⁹ Рейф Ф. Параллельные словари языков русского, французского, немецкого и английского для употребления русского юношества, по словарям Академии Российской, Академии Французской, Аделунга, Гейнзиуса, Джонсона, Вебстера и по другим лексиконам, составленные Филиппом Рейфом. СПб., Карлсруэ, 1853–1852. 924 с. [Reiff Ch. Ph. Nouveau dictionnaire de poche des langues russe, française, allemande et anglaise, à l'usage des quatre nations, rédigé d'après les

- dictionnaires de l'Académie russe, l'Académie française, Adelung, Heinsius, Johnson, Webster et autres Lexicographes, par Charles Philippe Reiff. Saint-Petersbourg: Librairie russe de J. Jungmeister, 1843. 792 p.].
- ²⁰ Oldecop A. Nouveau dictionnaire de poche français-russe et russe-français, précédé d'une grammaire abrégée de chacune de ces deux langues, et suivi d'une table des noms de baptême les plus usités, d'un index géographique et d'un tableau comparatif des poids, mesures et monnaies des deux nations, par Auguste Oldecop. Saint-Petersbourg: chez Fd. Bellizard et C., Libraires-Éditeurs, 1830–1831. En deux volumes. Vol. 1. 608 p. Vol. 2. 1151 p.
- ²¹ Греч Н. И. Руководство к изучению Русской Грамматики. СПб.: Изд-во Н. Греча, 1843. 266 с.
- ²² Sacy de A.-I. S. Principes de Grammaire générale mis à la portée des enfants, et propres à servir d'introduction à l'étude de toutes les langues, par A. I. Silvestre de Sacy. Paris: A. Belin, 1824. 286 p.
- ²³ Lignana G. Applicazione del criterio filologico al problema storico della filosofia // *La civiltà italiana*. II. 1865. 8 ottobre. № 1. Fasc. 13. P. 193–195; 15 ottobre. № 1. Fasc. 14. P. 209.
- ²⁴ Там же. P. 209–210.
- ²⁵ Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1897. С. 282.
- ²⁶ Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка: Учебное пособие для преподавателей. М.: Унив. тип., 1858. С. xix.
- ²⁷ Lignana G. Письмо Дж. Линьяны к Ф. Мартини от 2 марта 1883 г. // *Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze*, Carteggio Martini 16, 15 (Carteggio Lignana-Martini 1880–1885).
- ²⁸ Lignana G. Relazione del commissario speciale prof. Lignana Giacomo a S. E. il Ministro della pubblica istruzione sul Regio collegio asiatico di Napoli e documenti relativi. Roma: Tip. del Ministero degli affari esteri, 1881. P. 7.
- ²⁹ Там же. P. 27–28.
- ³⁰ La Cecilia N. Programma del Collegio Asiatico di Napoli. Napoli: Grande stab. tipo-litografico dei fratelli De Angelis, 1868. P. 12.
- ³¹ В одном источнике в списке добавляются и хрестоматии. См.: *La Cecilia N. Programma...* Там же. P. 22.
- ³² Lignana G. Relazione... P. 33–34.
- ³³ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за 100 лет его существования (1802–1902): В 2 т. / Под ред. Г. В. Левицкого. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1902–1903. Т. I. С. 629.
- ³⁴ De Vivo D. Письмо Д. Де Виво к г. министру образования от 20 декабря 1874 г. // *Archivio centrale dello Stato*. Min. Pubbl. Istr. Gabinetto-Personale 1860–1880. I versamento: fascicolo di Domenico De Vivo (далее – ACS-DV).
- ³⁵ De Vivo D. Заявление Д. Де Виво к Его превосходительству г. министру образования от 26 апреля 1874 г. // ACS-DV.
- ³⁶ Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1879/80 учебный год. СПб.: Тип. В. С. Валашева, 1879. С. 753.
- ³⁷ Основателем издательства был Конрад Эдмунд Генрих Шнакенбург, чья предпринимательская деятельность проходила в основном в Риге. Дерптским отделением издательства занимался его сын Генрих Христиан Эмиль Шнакенбург. См.: Род Шнакенбург в России [7].
- ³⁸ *Annuario della R. Università degli studi di Roma per l'anno scolastico 1882–1883*. Roma: Tipografia della R. Università, 1883. In due voll. Vol. II. P. 116–117 (далее – AUSR).
- ³⁹ На итальянском языке существуют различные варианты написания его имени и фамилии: Enrico, Errico, Grimald-Lubanski, Lubansky Grimala, Grimala(-)Lubanski, Grimala(-)Lubansky. На русском написание имени и фамилии соотносится с французской транслитерацией, то есть Генри Гримала-Любанский, но во Франции он был известен под полупольским, полупольским именем: Henri Joseph Alfred Grzymala Lubanski. Настоящие польские имя и фамилия – Henryk Grzymala Lubański. Об этом преподавателе русского языка скоро выйдет моя отдельная статья на итальянском.
- ⁴⁰ AUSR per l'a.s. 1882–1883: В 2 т. Roma: Tipografia della R. Università, 1883: Т. II. P. 116–117.
AUSR per l'a.s. 1883–1884. Roma: Tipografia della R. Università, 1884. P. 124–125.
AUSR per l'a.s. 1884–1885. Roma: Tipografia della R. Università, 1885. P. 102–103.
AUSR per l'a.s. 1885–1886. Roma: Tipografia della R. Università, 1886. P. 184–185.
AUSR per l'a.s. 1886–1887. Roma: Tipografia della R. Università, 1887. P. 104.
AUSR per l'a.s. 1887–1888. Roma: Tipografia della R. Università, 1888. P. 128.
AUSR per l'a.s. 1888–1889. Roma: Tipografia della R. Università, 1889. P. 118.
AUSR per l'a.s. 1889–1890. Roma: Tipografia della R. Università, 1890. P. 140.
AUSR per l'a.s. 1890–1891. Roma: Tipografia della R. Università, 1891. P. 158.
AUSR per l'a.s. 1891–1892. Roma: Tipografia della R. Università, 1892. P. 161.
- ⁴¹ Dobrovský J. Institutiones linguæ slavicæ dialecti veteris. Vindobonae: sumtibus et typis Antoniis Schmid, c.r.p. typographi, 1822. P. iii–iv.
- ⁴² Буслаев Ф. И. Опыт... С. 4.
- ⁴³ Там же. С. 5.
- ⁴⁴ De Vivo D. Grammatica della lingua russa. Con speciale attenzione al movimento dell'accento. Dorpat: tip. Schnakenburg, 1882. P. 6.
- ⁴⁵ Там же. P. 3–6.
- ⁴⁶ Буслаев Ф. И. Опыт... С. 4.
- ⁴⁷ De Vivo D. Grammatica... P. 4–5.
- ⁴⁸ Там же. P. 138.
- ⁴⁹ Там же. P. 168. Там Де Виво ссылается на А. Х. Востокова: Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная. СПб.: Изд-во Д. Ф. Федорова, 1874. 216 с.
- ⁵⁰ Грот Я. К. Филологические разыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка: В 2 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1876. Т. 1. 526 с. Т. 2. 462 с.
- ⁵¹ Павский Г. Р. Филологические наблюдения протоиерея Г. Павского над составом русского языка. Первое рассуждение. СПб.: Тип. Имп. Рос. Акад., 1841. 148 с.
- ⁵² De Vivo D. Dizionario italiano-russo per Domenico De Vivo. Словарь итальянско-русский, составленный Д. де Виво, лектором Импер. Новороссийского университета и Одесского коммерческого училища. Одесса: Тип. А. Шульце, 1894. 812 с. Де Виво издал только первый том словаря (итальянско-русский), а второй (русско-итальянский) опубликовать не успел.
- ⁵³ В 1906 году в Министерстве народного просвещения Российской империи словарь Де Виво считали фундаментальным текстом для изучения итальянского языка. Утвержденная министерством народного просвещения программа испытания на звание учителя гимназии по итальянскому языку // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1906. Декабрь. № 12. Вып. 6 (новая серия). С. 61.
- ⁵⁴ Budmani P. Praktična gramatika ruskoga jezika: za samouke. Zagreb: Lav. Hartman (Kugli i Deutsch), 1891. S. i.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беженарь О. Как сделать изучение русского языка интересным в условиях современных вузов Италии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruskiymir.ru/publications/224019/> (дата обращения 20.11.2017).
2. Варварцев М. М. Італійці в культурному просторі України (к. 18 – 20-і рр. 20 ст.): Історико-біографічне дослідження (словник). Київ: Ін-т історії України НАНУ, 2000. 324 с.
3. Гардцонио С. Ипполито Ньего – переводчик Лермонтова. Проблема метрического эквивалента // Русский стих. Метрика. Ритмика. Рифма. Строрифика. В честь 60-летия Михаила Леоновича Гаспарова. М.: РГГУ, 1996. С. 93–98.
4. Горохова Р. М., Ласорса К. Восприятие творчества Лермонтова в Италии // Восприятие русской культуры на Западе / Под ред. Ю. Д. Левина, К. И. Ровды. Л.: Наука, 1975. С. 108–131.
5. Зленко Г. Д. Книга пам'яті. Оповіді та розвідки літературного слідопита. Одеса: Маяк, 1971. 252 с.
6. Протченко И. Ф. Ф. И. Буслаев – выдающийся филолог и педагог // Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 7–24.
7. Род Шнакенбург в России. Дневник (в письмах) Николая Борисовича Шнакенбурга [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archive.is/zC490#selection-35.0-35.76> (дата обращения 14.12.2016).
8. Cifariello A. Domenico De Vivo: tra russistica e italianistica nella seconda metà dell'Ottocento // Russica Romana (в печати).
9. Cronia A. La conoscenza del mondo slavo in Italia. Padova: Officine grafiche Stediv, 1958. 792 p.
10. Damiani E. Avviamento agli studi slavistici in Italia. Milano: Mondadori, 1941. 277 p.
11. Fatica M. Giacomo Lignana, Michele Kerbaker, Angelo De Gubernatis e la fondazione a Napoli dell'Istituto Orientale (1888) // Scritture di storia. 2005. № 4. P. 165–230.
12. Lo Gatto E. Slavonic Studies in Italy // The Slavonic Review. T. 6. 1927. Giugno. № 16. P. 44–58.
13. Lo Gatto E. Breve introduzione a Puškin // Alessandro Puškin nel primo centenario della morte. A cura di Ettore Lo Gatto. Roma: Istituto per l'Europa orientale, 1937. P. 3–23.
14. Maver Lo Gatto A. I primi traduttori italiani di Krylov nell'edizione parigina del 1825 // Ricerche Slavistiche. XIV. 1966. P. 157–241.
15. Muscetta C. Considerazioni sui rapporti tra la cultura italiana e il mondo sovietico // Società. X. 1954. № 6. P. 1121–1129.
16. Timpanaro S. Giacomo Lignana e i rapporti tra filologia, filosofia, linguistica e darwinismo nell'Italia del secondo Ottocento // Critica storica. 1979. № 1. P. 406–503.

Cifariello A., State University “G. D'Annunzio” of Chieti-Pescara (Chieti-Pescara, Italy)

ON THE HISTORY OF THE FIRST RUSSIAN GRAMMAR BOOK WRITTEN IN ITALIAN

The article deals with the history of the first Russian language courses taught at three Italian institutions. A review of different XIXth century Russian and European sources is conducted. The study focuses on the influence of F. Buslaev's works and ideas on Slavic languages' teaching practice, including Russian. The goal of the research is to reveal the ties between Russian language courses taught at Italian institutions and the first publication of the Russian grammar book written in Italian and published on the territory of the Russian empire. This scientific paper is based on the XIXth century sources and archive documents. The documents provide an overview of the specifics of the Russian language teaching practice. The materials also reveal interesting details on the teaching practice development in Italian institutions of that time.

Key words: History of Slavistics in Russia, History of Russian Studies in Italy, the first Russian Grammar Book written in Italian, the 19th century methodology of teaching Russian as a foreign language, F. I. Buslaev, G. Lignana, D. De Vivo

REFERENCES

1. Bezhenar' O. *Kak sdelat' izuchenie russkogo yazyka interesnym v usloviyakh sovremennykh vuzov Italii* [How to Make the Study of Russian Language Interesting in the Italian Universities]. Available at: <http://www.ruskiymir.ru/publications/224019/> (accessed 20.11.2017).
2. Варварцев М. М. Італійці в культурному просторі України (к. 18 – 20-і рр. 20 ст.): Історико-біографічне дослідження (словник). Київ: Ін-т історії України НАНУ, 2000. 324 с.
3. Gardtsonio S. Ippolito Niego as Translator of Lermontov's Works. Problems of Metrical Equivalents [Ippolito N'ego – perevodchik Lermontova. Problema metricheskogo ekvivalenta]. *Russkiy stikh. Metrika. Ritmika. Rifma. Strofika. V chest' 60-letiya Mickhaila Leonovicha Gasparova*. Moscow, RGGU Publ., 1996. P. 93–98.
4. Gorokhova R. M., Lasorsa K. The Reception of Lermontov's Works in Italy [Vospriyatie tvorchestva Lermontova v Italii]. *Vospriyatie russkoy kul'tury na Zapade*. Ed. by Yu. D. Levina, K. I. Rovdy. Leningrad, Nauka Publ., 1975. P. 108–131.
5. Зленко Г. Д. Книга пам'яті. Оповіді та розвідки літературного слідопита. Одеса: Маяк, 1971. 252 с.
6. Protchenko I. F. F. I. Buslaev: a prominent philologist and teacher [F. I. Buslaev – vydayushchisya filolog i pedagog]. *Buslaev F. I. Prepodavanie otechestvennogo yazyka*. Moscow, Izd-vo MGU, 1992. P. 7–24.
7. *Rod Shnakenburg v Rossii. Dnevnik (v pis'makh) Nikolaya Borisovicha Shnakenburga* [The Shnakenburg family in Russia. Nikolay Borisovich Shnakenburg's (letter-)diaries]. Available at: <http://archive.is/zC490#selection-35.0-35.76> (accessed 14.12.2016).
8. Cifariello A. Domenico De Vivo: tra russistica e italianistica nella seconda metà dell'Ottocento // *Russica Romana* (в печати).
9. Cronia A. La conoscenza del mondo slavo in Italia. Padova: Officine grafiche Stediv, 1958. 792 p.
10. Damiani E. Avviamento agli studi slavistici in Italia. Milano: Mondadori, 1941. 277 p.
11. Fatica M. Giacomo Lignana, Michele Kerbaker, Angelo De Gubernatis e la fondazione a Napoli dell'Istituto Orientale (1888) // *Scritture di storia*. 2005. № 4. P. 165–230.
12. Lo Gatto E. Slavonic Studies in Italy // *The Slavonic Review*. T. 6. 1927. Giugno. № 16. P. 44–58.
13. Lo Gatto E. Breve introduzione a Puškin // *Alessandro Puškin nel primo centenario della morte*. A cura di Ettore Lo Gatto. Roma: Istituto per l'Europa orientale, 1937. P. 3–23.
14. Maver Lo Gatto A. I primi traduttori italiani di Krylov nell'edizione parigina del 1825 // *Ricerche Slavistiche*. XIV. 1966. P. 157–241.
15. Muscetta C. Considerazioni sui rapporti tra la cultura italiana e il mondo sovietico // *Società*. X. 1954. № 6. P. 1121–1129.
16. Timpanaro S. Giacomo Lignana e i rapporti tra filologia, filosofia, linguistica e darwinismo nell'Italia del secondo Ottocento // *Critica storica*. 1979. № 1. P. 406–503.

Поступила в редакцию 19.07.2017

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА ЛИТИНСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
litgenia@yandex.ru

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ РАСКОЛЬНИКОВА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В ПЕРЕВОДЕ НА НОВОГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена рассмотрению категории речевого портрета как элементу лексико-стилистического анализа. Исследование базируется на методах описательного, сопоставительного, контекстуального анализа релевантного отрывка из Части 3, Главы V романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», содержащего развернутый внутренний монолог Родиона Раскольникова, в переводах С. Патадзиса, А. Александру, З. Канаса. Критика осуществляется с учетом полисистемного подхода Р. ван ден Брока. Цель статьи – выявить и охарактеризовать языковые маркеры речевых высказываний Раскольникова: эмоционально-экспрессивный синтаксис, сочетание лексики разговорного стиля с нейтральными и высокими единицами, использование изобразительно-выразительных средств (сравнения, эпитеты), морфологические признаки (употребление местоимений, модальных слов, междометий). В результате переводы характеризуются с точки зрения адекватности и эквивалентности передачи «многоголосой» речи Раскольникова с последующим выводом о различной степени успешности воплощений русского материала на новогреческом языке.

Ключевые слова: художественный перевод, сравнительный анализ, полисистемный метод, критика перевода, речевой портрет, эквивалентность, новогреческий язык

Современная наука о Достоевском фокусирует свое внимание на рассмотрении произведений русского писателя в лингвокультурном контексте. Юбилейный, двадцатый том серии «Достоевский: Материалы и исследования» целиком посвящен проблемам изучения, переводам и особенностям восприятия творческого наследия Ф. М. Достоевского в странах Европы (Италия, Польша, Швеция, Франция и др.), Азии, Америки и Австралии [4]. Однако нет ни одной статьи о новогреческих воплощениях. Наиболее часто объектом исследования становится роман «Преступление и наказание». Анализируются интерпретации романа немецкими переводчиками [3], английские переводы [11], [13], [14], венгерский перевод 2015 года [9], категория модальности романа в испанском переводе [10] и др. Полагаем, что рассмотрение современных новогреческих переводов романа «Преступление и наказание» является, безусловно, актуальным.

Ранее уже предпринимались отдельные попытки рецензии переводов произведений русского писателя, в частности романа «Преступление и наказание», на новогреческий язык [16: 571].

Первые роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» был переведен на новогреческий язык писателем Александром Пападиамандисом, который напечатал в период с 14 апреля по 1 августа 1889 года для газеты «Εφημερίς» свой текст перевода [21: 23]. Многочисленные переводы русского романа на греческий язык продолжают публиковаться и в настоящее время, что объясняется особым интересом греков к личности и творчеству Достоевского¹.

Настоящее исследование базируется на методах описательного, сопоставительного, контекстуального анализа релевантного отрывка в переводах Сотириса Патадзиса², Ариса Александру³, Захоса Канаса⁴. Критика осуществляется с учетом полисистемного подхода, представленного в работе Раймонда ван ден Брока. С его точки зрения, оценка перевода должна включать три фазы: 1) описание компонентов фонетики, лексики, синтаксиса исходного и переводного текстов, а также фигур поэтики, структуры повествования, элементов условного обозначения (пунктуация, курсив и др.) и т. д.; 2) сравнение целевого текста с оригинальным с учетом сдвигов или отклонений при помощи сопоставительной лингвистики и стилистики; 3) общее описание различий исходного и переводного текстов в контексте адекватности и эквивалентности последних [18: 58].

Речевой портрет, рассматриваемый в рамках литературоведческой парадигмы, является одним из способов создания художественного образа. Речь раскрывает порой неявные аспекты личности героя, часто помогает понять идейную позицию. Как известно, Ф. М. Достоевский нечасто дает развернутый внешний портрет своим персонажам, однако наделяет их особыми вербальными характеристиками. Формы речи героев разнообразны: прямая, косвенная, несобственно-прямая. Наиболее интересны пограничные виды, когда, например, прямая речь героя становится внутренним монологом и даже внутренним диалогом. Возможен и обратный переход, при этом

внутренняя речь врывается во внешний монолог или диалог. Как верно подметила А. Е. Белоусова: «Голос героя в любой момент проникает для чужих голосов, его речь отражает речь других и отражается речью других» [2: 10].

Выбранный эпизод из Части 3, Главы V (первая встреча Раскольникова и Порфирия Петровича) неслучайно становится объектом нашего изучения, поскольку содержит развернутый внутренний монолог Родиона Раскольникова, отражающий внутреннее напряженное состояние героя и являющийся реакцией на беседу с Порфирием Петровичем. Речь героя графически оформлена кавычками. Она сбивчива, прерывиста, эмоциональна, с оговорками и поправками⁵, от монолога переходит к диалогу. Повествование отличается дисгармоничный, экспрессивный синтаксис, с преобладанием сложных конструкций и отрывочных фраз. Фрагмент насыщен многоточиями, передающими «эмоционально-семантические паузы» [8: 55], вопросительными и восклицательными предложениями, повторами, констатирующими нарастающее волнение героя. Сочетание стилистически окрашенных компонентов лексики высокого и низкого пластов на общем нейтральном фоне, использование различных образных средств нацелены на создание особого типа речи героя.

Обратимся к русскому тексту:

«Главное, даже и не скрываются, и церемониться не хотят! А по какому случаю, коль меня совсем не знаешь, говорил ты обо мне с Никодимом Фомичем? Стало быть, уж и скрывать не хотят, что следят за мной, как стая собак! Так откровенно в рожу и плюют! ó – дрожал он от бешенства. – Ну, бейте прямо, а не играйте, как кошка с мышью. <...> Это ведь невежливо, Порфирий Петрович, ведь я еще, может быть, не позволю-с!.. Встану, да и брякну всем в рожу всю правду; и увидите, как я вас презираю!»⁶

Размышления героя представлены в форме прямой, закавыченной речи, наиболее убедительной и правдоподобной с точки зрения авторского замысла. Переводчики внимательны к этой особенности: отрывки, содержащие внутренние монологи Раскольникова, переданы в кавычках. Однако диалогичность речи в переводе Александру воспроизводится с погрешностями, утрачена глагольная форма второго лица во втором предложении оригинального текста, заменена на третье:

«Και πὼς ἐγίνε να μιλήσει γιὰ μένα με τὸν Νικοντίμ Φόμιτς, ἀφοῦ δε με ξέρεи καθόλου; Θα πει λοιπὸν πὼς δε θέλουν καὶ να το κρίνουν, πὼς ἔχουν ξαμοληθεῖ ξοπίσω μου σαν κοπάδι σκυλιὰ καὶ με παρακολουθοῦν», букв.: «И как случилось, что он говорил обо мне с Никодимом Фомичем, тогда как не знает меня совсем?»

Приведенный отрывок и последующий текст включают имена собственные, которые передаются различными фонетическими приемами:

Русское имя	В переводе Патадзиса	В переводе Александру	В переводе Канаса
Порфирий Петрович	ο Πορφύρης Πετρόβιτς (написание и ударение имени адаптируются по грамматическим правилам имен существительных мужского рода в греческом языке, отчество – транскрипция)	ο Πορφύρης Πετρόβιτς (имя – адаптация, отчество – транскрипция)	ο Πορφύριος Πέτροβιτς (имя – адаптация, отчество – транскрипция)
Раскольников	ο Ρασκόλνικωφ (транскрипция)	ο Ρασκόλνικοφ (транслитерация)	ο Ρασκόλνικοφ (транскрипция)
Никодим Фомич	ο Νικοντίμ Φόμιτς (транскрипция)	ο Νικοντίμ Φόμιτς (транскрипция)	ο Νικόδημος Φόμιτς (имя – адаптация, отчество – транскрипция)
Заметов	ο Ζαμιότοφ (транслитерация)	ο Ζαμιότοφ (транслитерация)	ο Ζαμιότοφ (транскрипция)
Разумихин	ο Ραζουμίχιν (транскрипция)	ο Ραζουμίχιν (транскрипция)	ο Ραζουμίχιν (транскрипция)

У Патадзиса и Канаса преобладает транскрипция, подчеркивающая устную традицию. Александру равно применяет все три приема, что демонстрирует большую гибкость переводчика. Необъясним остается перенос ударения в отчестве Φόμιτς в трех текстах. Переводы были созданы в разные периоды XX столетия, а правила переноса имен собственных из русского языка в новогреческий и обратно до сих пор не до конца сформированы и описаны⁸. Потому вариативность фонетического облика русского текста в греческих переводах вполне допустима. Указанные разночтения мало отражаются на восприятии читателями текста.

Языковыми сигналами «многоголосой» речи Раскольникова являются модальные слова,

указывающие на субъективное отношение говорящего к тому, что происходит вокруг, сохранить которые важно во вторичном тексте. Вводное выражение «стало быть», констатирующее значительную степень уверенности, у Александру эквивалентно передано как «θα πει λοιπὸν», букв.: «будет сказано, следовательно». Патадзис ограничивается наречием «συνεπώς»⁹, букв.: «следовательно», Канас – вводным словом «ὥστε»¹⁰, букв.: «итак». Все варианты передают семантическое свойство исходной языковой единицы. Сочетание «может быть», выражающее допустимость действия, переведено как «μπορεί», букв.: «может быть, возможно» (Александру) и «ίσως» с аналогичным значением (Патадзис). Канас опускает форму при переводе.

Сравнение «как стая собак» приводится в трех вариантах с разной степенью точности: «ἔχουν ξαμοληθεῖ ξοπίσω μου σαν κοπάδι σκυλιά» (Александру), букв.: «набрасываются на меня, как стая собак» (эквивалентная единица перевода), «σαν κοπάδι αλό κυνηγόσκυλα» (Патадзис), букв.: «как стая гончих» (уточняющая семантику единица перевода, прием конкретизации), «σαν τα σκυλιά» (Канас), букв.: «как собаки» (прием генерализации).

Соседство лексики контрастных стилей – одно из ярких вербальных качеств эмоциональной речи Раскольников. Однако просторечное сочетание «в рожу плюют» (дважды в нашем отрывке использована лексема «рожа», повторы сохранены и в греческих текстах) передано переводчиками с помощью нейтральных лексических единиц как «με φτύνουν κατά πρόσωπο», букв.: «плюют мне в лицо», в повторе наречие «κατάμουτρα», букв.: «прямо в лицо» (Александру); «με φτύνουν κατάμουτρα», букв.: «плюют мне прямо в лицо», в повторе «κατάμουτρα», букв.: «прямо в лицо» (Патадзис); «με φτύνουν κατάφατσα», букв.: «плюют мне прямо в лицо», в повторе наречие «κατάφατσα» (Канас).

Междометия со значением побуждения «ну», являющиеся приметой разговорного стиля, сохранены в трех переводах. Александру переводит его как «ε, λοιπόν» – сочетанием звукоподражательного слова с аналогичной семантикой русского междометия и вводного слова «итак», Патадзис как «εμπρός, λοιπόν» – сочетание наречия «вперед» и вводного слова, Канас как «άντε λοιπόν» – сочетание междометия «давай» и вводного слова.

Образное сравнение «не играйте, как кошка с мышью» передано во всех трех случаях точно.

Переводчики успешно передают фонетические, морфологические, поэтические особенности отрывка, но пасуют перед лексическими.

В продолжение внутренних размышлений Раскольника меняется настроение: агрессия по отношению к преследователям угасает под воздействием возникающих сомнений, но затем вновь разгораются подозрения:

«— А что, если мне так только кажется? Что, если это мираж, и я во всем ошибаюсь, по неопытности злюсь, подлой роли моей не выдерживаю? Может быть, это все без намерения? Все слова их обыкновенные, но что-то в них есть... Все это всегда можно сказать, но что-то есть. Почему он сказал прямо “у ней”? Почему Заметов прибавил, что я хитро говорил? Почему они говорят таким тоном? Да... тон... Разумихин тут же сидел, почему ж ему ничего не кажется? Этому невинному болвану никогда ничего не кажется!»

Переводчики стремятся адекватно отразить колебания в эмоциональном состоянии героя, сохраняя превалирующую вопросительную интонацию, фиксируя часть многоточий.

Выразительное словосочетание «подлая роль» удачнее всего передано Александру «πρόστιχος ρόλος», букв.: «подлая/низкая роль». Патадзис и Канас в данном случае используют определе-

ние «άθλιος», букв. «жалкий, скверный» к греческому существительному «ρόλος».

Повтор неопределенного местоимения «что-то», которое относится к лингвистическим маркерам вербальной манеры героя¹¹, последовательно и эквивалентно воспроизводится в переводах: «κάτι» (что-то). Внимательны переводчики и к повтору вопросительного наречия «почему»: «γιάτι» (почему).

К числу издержек при переводе можно отнести неясный смысл греческой фразы «το τόνισε το εκεί» (Александру), букв.: «то там подчеркнул», как соответствие «он сказал прямо “у ней”», тогда как возможны варианты «“στο σπίτι της”», букв.: «у нее дома»» (Патадзис). При точном переводе «хитро говорил» у Александру «μιλούσα πονηρά», букв.: «говорил хитро», читаем «μίλησα “έξυπνα”», букв.: «сказал “остроумно”» (отметим наличие кавычек, отражающих акцент оригинала, но нельзя согласиться с семантикой выбранной лексемы) у Патадзиса и «μιλούσα μ’ έναν πολύ επιδέξιο τρόπο», букв.: «говорил неким искусным образом» (проясняющий перевод, утяжеляющий фразу в целом) у Канаса.

Сочетание нейтральной лексемы с разговорно-сниженной в паре «невинный болван» наиболее точно передано Александру: «αθώς χοντροκέφαλος», букв.: «невинный балда / тупица». Патадзис усекает словосочетание до «αγαθίρης», букв.: «легковерный». Канасу не под силу оказалось подобрать эквивалент, он использует распространенную описательную конструкцию: «Ὅμως είναι πολύ αγαθός, δεν καταλαβαίνει τίποτα», букв.: «Но он очень добродушный/наивный, ничего не понимает».

Вновь при очевидных переводческих удачах слабым местом оказывается передача лексических сочетаний.

Далее Раскольников осознает свое неустойчивое физическое состояние, вследствие которого у него возникают дополнительные сомнения:

«Опять лихорадка!.. Подмигнул мне давеча Порфирий аль нет? Верно, вздор; для чего бы подмигивать? Нервы, что ль, хотят мои раздражить али дразнят меня? Или все мираж, или знают!...»

На уровне синтаксиса эмоциональные высказывания героя, обособленные от авторского влияния, характеризуются отрывочными и незаконченными фразами, что наиболее адекватно отражено в переводе Александру:

«Πάλι ο πυρετός! Μου ‘κλείσε ο Πορφύρης το μάτι στην αρχή ή όχι; Ανοησία αλήθεια: γιατί να μου κλείσει το μάτι; Μήπως θέλουν να μου πειράξουν στα νεύρα ή να με κοροϊδέψουν; Ή, όλα είναι αυταπάτη ή όλα τα ξέρουν!», букв.: «Опять лихорадка! Подмигнул мне Порфирий вначале или нет? Глупость, правда; зачем ему мне подмигивать? Может быть, хотят раздражить мне нервы или дразнить меня? Или все иллюзия или всё знают!...»

Патадзис и Канас дают более распространенные переводы. Ученые неоднократно отмечали тенденцию к выделению отдельных сегментов

текста Достоевским, в том числе курсивом. Так, В. Н. Захаров пишет: «У Достоевского есть своя система, которая исключает выделение курсивом “случайных” слов, “случайных” предложений. Выделяются только опорные, ключевые слова, своего рода смысловые стяжения в тексте, — именно те слова, которые обязательно должны прочно войти в сознание» [5: 21]. Однако переводчики игнорируют эту авторскую черту, упрощая тем самым вторичный текст.

Раскольников оценивает окружающих, выбирая собственную тактику поведения:

«Даже Заметов дерзок... Дерзок ли Заметов? Заметов передумал за ночь. Я и предчувствовал, что передумает! Он здесь как свой, а сам в первый раз. Порфирий его за гостя не считает, к нему задом сидит. Снюхались! Непременно *из-за* меня снюхались! Непременно до нас обо мне говорили!.. Знают ли про квартиру-то? Поскорей бы уж!.. Когда я сказал, что квартиру нанять вчера убежал, он пропустил, не поднял... А это я ловко про квартиру ввернул: потом пригодится!.. В бреду, дескать!.. Ха-ха-ха! Он про весь вечер вчерашний знает! Про приезд матери не знал!.. А ведьма и число прописала карандашом!.. Врете, не дамся! Ведь это еще не факты, это только мираж! Нет, вы давайте-ка фактов! И квартира не факт, а бред; я знаю, что им говорить... Знают ли про квартиру-то? Не уйду, не узнав! Зачем я пришел? А вот что я злюсь теперь, так это, пожалуй, и факт! Фу, как я раздражителен! А может, и хорошо; болезненная роль... Он меня ошупывает. Сбивать будет. Зачем я пришел?»

Русский текст изобилует повторами. Автор использует этот стилистический прием с целью создания противоречивого образа героя. Рассмотрим, какие трансформации осуществляют переводчики. Александру и Патадзис сохраняют повтор «дерзок», Канас — нет. Первый осуществляет грамматическую замену краткого прилагательного «дерзок» на существительное «θράσος» (дерзость): «Ακόμα κι ο Ζαμίοτοφ σου 'χει ένα θράσος... Μα να 'ναι άραγε το θράσος αυτό;», букв.: «Даже Заметов твой имеет дерзость... Но дерзость ли это?». Патадзис же использует однокоренные слова: «Ακόμα και ο Ζαμίοτοφ φέρνεται με θράσος. Είναι όμως θρασύς ο Ζαμίοτοφ;», букв.: «Даже Заметов держится с дерзостью. Но дерзок ли Заметов?», Канас: «Και ο Ζαμίοτοφ είναι θρασύτατος. Είναι όμως πράγματι;», букв.: «И Заметов очень дерзкий. Но так ли это?»

Просторечный глагол «снюхались», имеющий переносное значение с оттенком пренебрежения, не отражен ни в одном переводе, однако стилистический прием повтора передан. Александру: «Σμίξανε! Το δίχως άλλο εξαιτίας μου σμίξανε!», букв.: «Объединились/встретились! Не иначе из-за меня встретились!», Патадзис: «Είναι συνεννοημένοι! Και συνεννοήθηκαν για μένα!», букв.: «Они сговорились! И сговорились обо мне!», Канас: «Έχουν συμφωνήσει, έχουν συμφωνήσει για μένα.», букв.: «Они сговорились, они сговорились обо мне».

Наречие «непременно» опускается во всех текстах. Наиболее близок к оригиналу перевод Александру (см. пример выше).

В отрывке дублируются и целые фразы, лаконичные по своему синтаксическому облику: «Знают ли про квартиру-то?», «Зачем я пришел?». Александру предельно точно передает конструкции: «Να το ξέρουν άραγε για το διαμέρισμα;», букв.: «Знают ли о квартире?»; «Γιατί ήρθα;» и «Τι ήθελα κι ήρθα;», букв.: «Зачем я пришел?» и «Что я хотел и зачем пришел?». Патадзис и Канас, распространяя текст, описательно представляют оригинал: у Патадзиса «Το ξέρουν τάχα πως πήγα σ' εκείνο το διαμέρισμα;» и «Ξέρουν τι έγινε εκεί στο διαμέρισμα;», букв.: «Знают ли, что я ходил в ту квартиру?» и «Знают, что произошло там в квартире?»; «Γιατί να 'ρθω εδώ;» и «Γιατί να 'ρθω;» букв.: «Зачем я пришел сюда?» и «Зачем я пришел?»; у Канаса «Ξέρουν τίποτα για την επίσκεψη μου στο διαμέρισμα;» и «Ξέρουν όμως για την επίσκεψη μου στο διαμέρισμα;», букв.: «Знают что-нибудь о моем посещении квартиры?» и «Но знают о моем посещении квартиры?»; «Αλλά γιατί ήρθα;» и «Γιατί ήρθα;», букв.: «Но зачем я пришел?» и «Зачем пришел?» (Канас).

Е. А. Иванчикова, анализируя синтаксическую структуру текстов Достоевского, выделяет «двуголосые» конструкции, в частности случаи «совмещения в одной фразе двух голосов» [7: 378], маркером которых является частица «дескать», как сигнал чужой речи [7: 382]. Аналогом разговорной частицы «дескать» в греческом тексте выступает глагольная форма «λένε» (говорят). Переводчики предлагают свои варианты: «βλέπετε!» (Александру), букв.: «видите!» — форма настоящего времени действительного залога изъявительного наклонения глагола «βλέπω»; «για φαντάσου» (Патадзис), букв.: «представь» — форма повелительного наклонения глагола «φαντάζομαι»; «θα πω» (Канас), букв.: «скажу» — форма будущего времени действительного залога изъявительного наклонения глагола «λέω». Два первых примера можем считать эквивалентным переводом, в последнем случае — описательный перевод, не отражающий указание на передачу чужой речи.

При переводе междометия «фу», подчеркивающего недовольство героя самим собой, Александру удачно использует звукоподражательное слово «φτου», допуская контекстуальную замену, поскольку эквивалентом выбранной лексемы в русском языке выступает междометие «тьфу». Патадзис применяет междометие «αχ», выражающее, как и в русском языке, возмущение. У Канаса междометие не отражено.

Наблюдается превалирующее успешное воспроизведение стилистики, морфологии, синтаксиса текста и снижение лексической эквивалентности.

Богатая пунктуация русского текста не в полной мере приведена в иноязычных текстах: многоточия (17), вопросы (16), восклицания (25). Многоточия фиксируют эмоционально-философские паузы, отражают внутреннее состояние

героя, ставшего на мгновение недвижимым, погруженным в самого себя. «Прием умолчания, недоговоренности, призван активизировать воображение читателя» [15: 14]. Вопросы, звучащие в сознании героя самому себе и окружающим, создают многоголосое повествование. Обилие восклицательных высказываний передает возбуждение героя. Неточное воспроизведение интонации сильно искажает образ героя. Так, Александру передает 24 восклицательных предложения, 15 – вопросительных и лишь 8 многоточий; Патадзис: 21, 13, 5 соответственно; размышления героя в переводе Канаса лишаются преобладающей восклицательной интонации: 11, 15, 9.

Нами была предпринята попытка системно, учитывая различные компоненты языка, рассмотреть особенности «полифонической» речи Раскольниковца в передаче на новогреческий язык. Переводчики не в одинаковой степени достигают эквивалентности целевого текста. При достаточно успешной передаче фонетического фона и риторических фигур в трех переводах происходит деформация, в разной степени в каждом переводе, на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях. Переводы часто уступают первичному тексту, пестрят издержками. Так, ни один вариант вторичного текста представленного отрывка не отражает такую характерную черту стиля писателя, как курсив (трижды встретился

в тексте). Следует отметить, что Патадзис только в одном случае заменяет курсив кавычками, пренебрегая тем не менее семантикой. Проблема для переводчиков оказывается адекватно передать некоторые яркие лексические единицы речи героя, просодики его высказываний, тем самым образ Раскольниковца если не искажается полностью, то существенно упрощается.

Несмотря на существующие недочеты, как показал общий сопоставительный анализ, к адекватному воспроизведению речи героя приближается А. Александру, которому удалось создать близкий оригиналу художественный эффект. А значит, читатели смогут правильно понять живой, сложный и противоречивый характер главного героя. Переводчик в большинстве случаев отражает средствами новогреческого языка скачкообразность, переменчивость повествования, характеризующегося переходом монологической речи в диалог, выразительность синтаксиса (интонация, повторы, отрывочные фразы), лексические и стилистические особенности (соседство разговорной лексики с нейтральной и высокой, изобразительные средства). Перевод С. Патадзиса в меньшей степени можно считать эквивалентным в силу смягчения основных вербальных характеристик героя, что ведет к частичному искажению образа. Текст же З. Канаса грешит многочисленными неточностями, описательностью и, скорее, может считаться пересказом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об этом говорит игуменья София, настоятельница Воскресенского Новодевичьего женского монастыря Санкт-Петербурга: «Душа каждого человека ищет свой путь к Богу. И я, наверное, уже лет в четырнадцать или пятнадцать стала искать этот путь. Я читала Достоевского, он для меня был открытием. Однажды участвовала в Рождественских чтениях, на них был и отец Елисей, духовный сын и преемник греческого старца Емилиана. Оказалось, что в их духовной общине существовала такая практика: когда молодые люди, в возрасте 14–15 лет, спрашивали у старца Емилиана, какую святоотеческую литературу им стоит читать, он велел им читать Достоевского. И когда они приезжали к нам в монастырь, первое место, которое посетили, – это могила Федора Михайловича Достоевского, там они отслужили панихиду. Федор Михайлович – наш русский писатель, пророк, мученик совести и делатель духовный, оказывается, во многом повлиял и на многих молодых людей не только в нашей Церкви, но, как выясняется, и в Греческой Православной Церкви». См. [17: 14].

² С. Патадзис (1914–1991) родился в городе Мессине, большую часть жизни прожил в Афинах, имел незаконченное экономическое образование, работал журналистом в различных афинских газетах и журналах, писал оригинальные новеллы, романы и пьесы для театра, очерки, перевел Дж. Стейнбека, У. С. Моэма, М. де Сервантеса, А. И. Солженицына и Ф. М. Достоевского. См. [20: 194–216].

³ А. Александру (1922–1978) родился в Ленинграде, сын понтийского грека и эстонки с русскими корнями. Родным его языком был русский, греческий он выучил уже в Греции, куда вынуждена была переселиться его семья. В 1930-х годах во время диктатуры Метаксаса стал вместе с друзьями организатором тайного общества марксистской направленности, симпатизировал также коммунистам. Был студентом Афинского университета экономики и бизнеса, но диплома об окончании так и не получил, поскольку предпочел университетским занятиям литературную деятельность. Для греческой культуры он стал важнейшим писателем послевоенной эпохи и переводчиком русской литературы на греческий язык, в первую очередь произведений Достоевского, Маяковского, Чехова, Эренбурга и Солженицына. См. подробнее [19].

⁴ К сожалению, нам не удалось найти исчерпывающей информации о личности и профессиональной деятельности З. Канаса.

⁵ М. Бахтин такую внутреннюю речь называл с «оглядкой», которая «проявляется прежде всего в характерном для этого стиля торможении речи и в перебивании ее оговорками». См. [1: 229].

⁶ Русский текст приводится по изданию: Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5. Преступление и наказание. Л.: Наука, 1989. С. 195–196.

⁷ Перевод А. Александру приводится по изданию: Ντοστογιέφσκι Φ. Έγκλημα και τιμωρία. Μετάφραση Α. Αλεξάνδρου. Αθήνα: Εκδόσεις Γκοβόστη, 2014. Σ. 299–300.

⁸ О принятых правилах транскрипции в языковой паре русский – новогреческий см. подробнее: [12: 261–268].

⁹ Перевод С. Патадзиса приводится по изданию: Ντοστογιέφσκι Φ. Έγκλημα και τιμωρία. Μετάφραση Σ. Πατατζής. Αθήνα: Γράμματα, 2006. Σ. 214–215.

¹⁰ Перевод З. Канаса приводится по изданию: Ντοστογιέφσκι Φ. Έγκλημα και Τιμωρία. Μετάφραση Ζ. Κανάς. Θεσσαλονίκη: Μαλλιάρης Παιδεία, 2012. Σ. 283–284.

¹¹ См. подробнее [6: 120].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари: Языки славянских культур, 2002. Т. 6. 800 с.
2. Белоусова А. Е. Речевой портрет через призму теории полифонии М. М. Бахтина // Вестник МГЛУ. 2010. Вып. 14 (593). С. 9–14.
3. Васильева Т. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в интерпретации немецких переводчиков: Дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2008. 216 с.
4. Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2013. Т. 20. 658 с.
5. Захаров В. Н. Слово и курсив в «Преступлении и наказании» // Русская речь. 1979. № 4. С. 21–27.
6. Иванчикова Е. А. Автор и его герой в повествовательной структуре «Преступления и наказания» // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2001. Т. 16. С. 118–125.
7. Иванчикова Е. А. О «двуголосых» синтаксических конструкциях в текстах Достоевского // Слово. Грамматика. Текст. М., 2000. С. 377–386.
8. Извекова Т. Ф. Некоторые особенности речевой характеристики персонажей в произведениях Ф. М. Достоевского // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4 (23). С. 54–56.
9. Йонаш Э. Ч. О новом переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на венгерский язык // Studia Slavica Savariensia. 2016. 1–2. С. 91–99.
10. Лопатюк М. В. Ситуативная модальность в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и в его испаноязычном переводе (функционально-семантический анализ): Дис. ... канд. филол. наук. Калининград: Российский ГУ им. И. Канта, 2009. 250 с.
11. Матвеева Л. Н. Психологизм произведений Ф. М. Достоевского в переводе на английский язык // Вопросы литературоведения и теории перевода в контексте изучения проблем языкознания. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2013. С. 171–175.
12. Патсис М. Теория и практика перевода. Греческий язык ↔ русский язык. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. 280 с.
13. Реди О. Достоевский как русский Диккенс // Русский мир. Информационный портал фонда «Русский мир» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/publications/86293/> (дата обращения 23.06.17).
14. Смоленская Е. С. Ф. М. Достоевский глазами немецких и английских переводчиков: вызовы, проблемы, перспективы // Материалы научно-практической интернет-конференции «Человек в информационном пространстве» (15 октября – 15 ноября 2014 г.). Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yspu.org/images/6/67/Smolenskaya%D0%95S.pdf> (дата обращения 22.06.2017).
15. Уздеева Т. М. Особенности психологизма в повести «Двойник» Ф. М. Достоевского // Рефлексия. 2014. № 4. С. 13–16.
16. Харатсидис Э. К. К вопросу перевода русской литературы на греческий язык: история и современность // Русский язык и культура в зеркале перевода. М.: Высшая школа перевода МГУ, 2010. С. 568–573.
17. «Храните верность Христу»: интервью с игуменией Софией, настоятельницей Воскресенского Новодевичьего женского монастыря Санкт-Петербурга / Записала Е. Варова // Славянка. 2014. Март – апрель. С. 12–21.
18. Broeck Raymond van den. Second Thoughts on Translation Criticism. A Model of its Analytic Function // The Manipulation of Literature. Studies in Literary Translation. London, Sydney: Croom Helm, 1985. P. 54–62.
19. Βασιλείδης Αριστοτέλης (Ψευδώνυμο: Αλεξάνδρου Αρης) // Εθνικό Κέντρο Βιβλίου. Από το 18ο αιώνα μέχρι το 1935. URL: <http://www.ekebi.gr/frontoffice/portal.asp?cpage=NODE&cnode=461&t=97> (accessed 22.04.17).
20. Καρβέλης Τ. Σωτήρης Πατατζής // Η μεταπολεμική πεζογραφία: Από τον πόλεμο του '40 ως τη δικτατορία του '67στ'. Αθήνα: Σοκόλης, 1988. Σ. 194–216.
21. Κολίτση Φ. Φ. Ντοστογιέφσκι, Έγκλημα και τιμωρία (1866) & Α. Παπαδιαμάντη, Η Φόνισσα (1903): Μια παράλληλη ανάγνωση // Δρόμους και γράμματα σλαβικού πολιτισμού. Θεσσαλονίκη: Σχολή Βαλκανικών Γλωσσών και Ρωσικής, 2008. Σ. 22–44.

Litinskaja E. P., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

RASKOLNIKOV'S VERBAL PORTRAIT IN DOSTOYEVSKY'S NOVEL “CRIME AND PUNISHMENT” IN TRANSLATION INTO MODERN GREEK

The article is devoted to the examination of the verbal portrait category as an element of the lexico-stylistic research. The study is based on the methods of descriptive, comparative, and contextual analysis of the relevant passage from Part 3, Chapter V of F. M. Dostoyevsky's novel “Crime and Punishment”. The passage contains a detailed internal monologue of Rodion Raskolnikov in the translations of S. Patadzis, A. Alexandrou, Z. Kanas. The criticism of the passage is carried out with consideration of the polysystemic approach of R. van den Broeck. The purpose of the article is to identify and characterize the language markers of Raskolnikov's speech utterances: the emotional-expressive syntax, the combination of conversational style vocabulary with neutral and high units, the use of expressive means (comparisons, epithets), and different morphological signs (pronouns, modal words, interjections). As a result, the translations are characterized with reference to the adequacy and equivalence of Raskolnikov's “many-voiced” speech recapture. Conclusions are made on the varying degree of success of the Russian materials' incarnation in Modern Greek.

Key words: literary translation, comparative analysis, systemic method, translation criticism, verbal portrait, equivalence, Modern Greek

REFERENCES

1. Bahtin M. M. *Sobranie sochineniy: V 7 t.* [Collected Works: In 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2002. Vol. 6. 800 p.
2. Belousova A. E. Verbal portrait through the prism of M. Bakhtin's polyphony theory [Rechevoy portret cherez prizmu teorii polifonii M. M. Bakhtina]. *Vestnik MGLU*. 2010. Issue 14 (593). P. 9–14.
3. Vasil'eva T. V. *Roman F. M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v interpretatsii nemetskikh perevodchikov: Dis. ... kand. filol. nauk* [Dostoevsky's novel “Crime and Punishment” in the interpretation of German translators: PhD. filos. Sci.]. Velikiy Novgorod, NovGU im. Yaroslava Mudrogo Publ., 2008. 216 p.

4. *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and research]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013. Vol. 20. 658 p.
5. Zaharov V. N. The word and italics in "Crime and Punishment" [Slovo i kursiv v "Prestuplenii i nakazanii"]. *Russkaya rech'*. 1979. № 4. P. 21–27.
6. Ivanchikova E. A. The author and his hero in the narrative structure of "Crime and Punishment" [Avtor i ego geroy v povestvovatel'noy strukture "Prestupleniya i nakazaniya"]. *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. Vol. 16. P. 118–125.
7. Ivanchikova E. A. About the "two-voiced" syntactic constructions in the texts of Dostoevsky [O "dvugolosykh" sintaksicheskikh konstruktseyakh v tekstakh Dostoevskogo]. *Slovo. Grammatika. Tekst*. Moscow, 2000. P. 377–386.
8. Izvekova T. F. Some features of the verbal characteristics of characters in Dostoevsky's works [Nekotorye osobennosti rechevoy kharakteristiki personazhey v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2010. № 4 (23). P. 54–56.
9. Jonash J. Ch. On the new translation of Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" into Hungarian [O novom perevode romana F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" na vengerskiy yazyk]. *Studia Slavica Savariensia*. 2016. 1–2. P. 91–99.
10. Lopatjuk M. V. *Situativnaya modal'nost' v romane F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" i v ego ispanoyazychnom perevode (funktsional'no-semanticheskiy analiz): Dis. ... kand. filol. nauk* [Situational modality in Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" and its his Hispanic translation (functional-semantic analysis). PhD. filos. Sci.]. Kaliningrad, Rossiyskiy GU im. I. Kanta Publ., 2009. 250 p.
11. Matveeva L. N. Psychologism of Dostoevsky's works translated into English [Psikhologizm proizvedeniy F. M. Dostoevskogo v perevode na angliyskiy yazyk]. *Voprosy literaturovedeniya i teorii perevoda v kontekste izucheniya problem yazykoznaniya*. Cheboksary, Chuvash. gos. ped. un-t Publ., 2013. P. 171–175.
12. Patsis M. *Teoriya i praktika perevoda. Grecheskiy yazyk ↔ russkiy yazyk* [The theory and practice of translation. Greek language ↔ Russian language.]. Moscow, MGU Publ., 2012. 280 p.
13. Ready O. Dostoevsky as Russian Dickens [Dostoevskiy kak russkiy Dikens]. *Russkiy mir. Informatsionnyy portal fonda "Russkiy mir"*. Available at: <http://www.russkiymir.ru/publications/86293/> (accessed 23.06.17).
14. Smolenskaja E. S. Dostoevsky through the eyes of German and English translators: challenges, problems, prospects [F. M. Dostoevskiy glazami nemetskiikh i angliyskiikh perevodchikov: vyzovy, problemy, perspektivy]. *Materialy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii "Chelovek v informatsionnom prostranstve" (15 oktyabrya – 15 noyabrya 2014 g.)* [Proc. of the scientific and practical Internet conference "The Man in the Information Space" (October 15 – November 15, 2014)]. Jaroslavl', JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2014. Available at: <http://yspu.org/images/6/67/Smolenskaya%D0%95S.pdf> (accessed 22.06.2017).
15. Uzdeeva T. M. Peculiarities of psychologism in Dostoevsky's novel "The Double" [Osobennosti psikhologizma v povesti "Dvoynik" F. M. Dostoevskogo]. *Refleksiya*. 2014. № 4. P. 13–16.
16. Haratsidis J. K. On the issue of translating Russian literature into Greek: history and modernity [K voprosu perevoda russkoy literatury na grecheskiy yazyk: istoriya i sovremennost']. *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda*. Moscow, Vysshaya shkola perevoda MGU Publ., 2010. P. 568–573.
17. "Stay faithful to Christ": an interview with the Abbess Sophia, rector of the Resurrection Novodevichy Convent of St. Petersburg. Recorded by E. Varova ["Khranite vernost' Khristu": interv'yu s igumeniey Sofiey, nastoyatel'nitsey Voskresenskogo Novodevich'ego zhenskogo monastyr'ya Sankt-Peterburga. Zapisala E. Varova]. *Slavyanka*. 2014. Mart – april. P. 12–21.
18. Broeck Raymond van den. Second Thoughts on Translation Criticism. A Model of its Analytic Function // *The Manipulation of Literature. Studies in Literary Translation*. London, Sydney: Croom Helm, 1985. P. 54–62.
19. Βασιλείαδης Αριστοτέλης (Ψευδώνυμο: Αλεξάνδρου Άρης) // Εθνικό Κέντρο Βιβλίου. Από το 18^ο αιώνα μέχρι το 1935. URL: <http://www.ekebi.gr/frontoffice/portal.asp?cpage=NODE&cnode=461&t=97> (accessed 22.04.17).
20. Καρβέλης Τ. Σωτήρης Πατατζής // Η μεταπολεμική πεζογραφία: Από τον πόλεμο του '40 ως τη δικτατορία του '67Στ'. Αθήνα: Σοκόλης, 1988. Σ. 194–216.
21. Κολίτση Φ. Φ. Ντοστογιέφσκι, Έγκλημα και τιμωρία (1866) & Α. Παπαδιαμάντη, Η Φόνισσα (1903): Μια παράλληλη ανάγνωση // Δρώμενα και γράμματα σλαβικού πολιτισμού. Θεσσαλονίκη: Σχολή Βαλκανικών Γλωσσών και Ρωσικής, 2008. Σ. 22–44.

Поступила в редакцию 11.05.2017

АННА АЛЕКСАНДРОВНА СКОРОПАДСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
san19770@mail.ru

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ ДЕРЕВЬЕВ В СТИХАХ ЮРИЯ ЖИВАГО (по роману Б. Пастернака «Доктор Живаго»)

Дается обзор библейских мотивов, используемых Б. Пастернаком при создании образов деревьев. Актуализируется выявление библейского, христианского контекста, играющего основную роль в осмыслении не только образного, но и содержательно-концептуального уровня романа «Доктор Живаго». Вбирая в себя языческие и библейские традиции, образы деревьев отражают пастернаковское видение мира, его онтологические, философские и религиозные взгляды. Христианский контекст в решении образов деревьев явно прочитывается в стихотворной части романа. В одном из начальных стихотворений («На Страстной») лесные и городские деревья выступают в качестве участников церковной службы, глубоко переживая страшные дни страстей Христовых и ликуя при наступлении Воскресения Господня. В стихотворении «Магдалина II» мифологический архетип мирового древа, отраженный в Ветхом Завете в виде древа жизни и дерева познания добра и зла, Пастернак связывает с образом евангельского крестного дерева. Обращаясь к евангельской притче о бесплодной смоковнице (стихотворение «Чудо»), поэт через мотив плодоносности отражает важнейшие для себя евангельские темы любви и веры.

Ключевые слова: Пастернак, поэтика, образ дерева, христианские традиции, библейские традиции

Растительный мир в философском и творческом осмыслении Бориса Пастернака является главной составляющей природы, именно растения отражают в полной мере все те процессы, которые присущи человеческой жизни и жизни вселенной: процессы рождения, роста и умирания. Н. Фатеева, подробно проанализировав пастернаковскую картину мира, приходит к выводу, что «деревья как наиболее “высокие” растения стоят в центре вращения и роста мира Пастернака» [8: 166]. Одна из причин этого – замеченная Р. Спиваком тенденция в поэтике Пастернака выстраивать пространственные границы по вектору вертикали. У раннего Пастернака этот вектор отражает онтологическую идею единства бытия. «В основе вертикального движения авторского взгляда в поздней лирике поэта, как представляется, лежит оппозиция верха-низа, несущая христианскую систему ценностей, задающая иные нравственно-психологический и философский аспекты картины мира, нежели в ранней лирике. Вертикальная ось пространства поздней лирики представляет собой вектор, указывающий миру путь спасения, этического должностования, оправдания» [7: 206]. Христианский подтекст в создании природных растительных образов (и прежде всего – деревьев) ярко проявился в главном литературном детище Пастернака – романе «Доктор Живаго». И если в прозаических главах романа образы деревьев помимо христианских содержат еще и языческие, мифологические признаки, то стихотворная часть с самого своего начала дает установку на христианскую, библей-

скую традицию в прочтении образов деревьев. Так, в одном из первых стихотворений Юрия Живаго «На Страстной» именно природный мир чутко и болезненно реагирует на евангельскую историю мучений Христа¹:

И лес раздет и непокрыт,
И на Страстях Христовых,
Как строй молящихся, стоит
Толпой стволов сосновых.

А в городе, на небольшом
Пространстве, как на сходке,
Деревья смотрят нагишом
В церковные решетки.

И взгляд их ужасом объят.
Понятна их тревога.
Сады выходят из оград,
Колеблется земли уклад:
Они хоронят Бога (VI, 517).

Лесные деревья уподобляются строю молящихся, участвующих в службе. Городские же деревья, в тревоге и ужасе «выходят из оград» и заглядывают в церковные решетки, наблюдая за пасхальной службой со стороны. Таким образом, городские деревья сочувствуют, но не соучаствуют в таинстве, в отличие от деревьев лесных, этому таинству сопричастных. Но так или иначе болезненное переживание страстей Христовых, а затем радостное ликование по поводу Воскресения говорят о подчиненности растительного мира божественному мироустройству (подробнее об этом [6]).

Недаром в заключительном стихотворении живаговского цикла, описывающем пребывание Иисуса Христа в Гефсиманском саду, именно деревья становятся немymi свидетелями его последней земной молитвы:

Ночная даль теперь казалась краем
Уничтоженья и небытия.
Простор вселенной был необитаем,
И только сад был местом для житья.

И, глядя в эти черные провалы,
Пустые, без начала и конца,
Чтоб эта чаша смерти миновала,
В поту кровавом Он молил Отца (VI, 537).

По замечанию В. С. Баевского, «центральное представление индоевропейских и неиндоевропейских мифологий... это axis mundi, ось мира...», в качестве которой зачастую выступает дерево, «мировое дерево». «Задача “мирового дерева” и его субститутов – преобразовать неуловимые для древнего сознания временные отношения в пространственные, внести порядок во вселенную, объединить подземную область, поверхность земли и небо» [2: 124]. Мифологический образ мирового дерева повлиял на образы древа жизни и дерева познания добра и зла в Ветхом Завете.

Как отмечает исследователь русского символизма А. Хансен-Лёве, который подробно проанализировал все мифопоэтические мотивы, использованные поэтами-символистами, «архетип *arbor mundi* связывает по вертикали земной мир с небесной, космической сферой и – по оси времени – сцену в Эдеме, происходившую в начале времен (райское дерево, древо познания, древо жизни), с жертвенной символикой крестного дерева и с пророческой, апокалиптической ролью дерева в конце времен» [9: 624]. Интересно, что в древнерусском языке подобное значение символа дерева сохранилось на лексическом уровне. По данным словаря литургических символов, первое значение слова «дрéво» – «крест как орудие казни», далее следует определение «Древо познания – прообраз Креста. Оно находилось “посреди рая”, подобно тому, как крест Христов – центр нового духовного рая» [3: 101]. Практически то же явление наблюдаем в церковнославянском языке: дрéво – это 1) дерево, 2) что-либо, сделанное из дерева, 3) крест. Согласно материалам к церковнославяно-русскому словарю последнее значение снабжается следующим примером: «посреди Эдема дерево дало цвет – смерть, и посреди всей земли Древо (Крестное) произрастило жизнь» [5: 115]. Подобную связь мы видим в стихотворении «Магдалина II»:

Когда я на глазах у всех
С тобой, как с деревом побег,
Срослась в своей тоске безмерной.

Когда твои стопы, Исус,
Оперши о свои колени,
Я, может, обнимать учусь
Креста четырехгранный брус
И, чувств лишаясь, к телу рвусь,
Тебя готова к погребенью (VI, 526).

Таким образом, Пастернак сближает образ дерева с образом-символом креста, на котором был распят Христос. Примечательно и то, что сближение это происходит через женский образ – Магдалину: она сравнивает себя с древесным побегом, а значит, Иисус – дерево. Н. Фатеева справедливо увидела в этом соединении не только мужского и женского, но и божественного и земного начал [8: 166], корни которого восходят к библейскому понятию ветви: «Я есмь лоза, а вы ветви; Кто пребывает во мне, и я в нем, тот приносит много плода» (Ин. 15: 5).

Плодоносность – одна из важнейших характеристик дерева. В Библии зачастую плодоносные деревья становятся символом богобоязненных, истинно верующих людей, в то время как бесплодность превращается в характеристику людей лживых, безответственных. Об этом говорится в евангельской притче о смоковнице: «Поутру же, возвращаясь в город, (Христос) взалкал; и увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней, и ничего не нашел на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла» (Мф. 21: 18). Пастернак использует этот евангельский сюжет в стихотворении «Чудо».

В начале стихотворения показано единство всего сущего на земле: воздух, камни, море застыли в задумчивой неподвижности, и лишь облака плывут вслед за Богочеловеком:

И в горечи, спорившей с горечью моря,
Он шел с небольшою толпой облаков
По пыльной дороге на чье-то подворье,
Шел в город на сборище учеников (VI, 523).

Безлюдный, но не пустынный пейзаж призван подчеркнуть одиночество идущего в Иерусалим Спасителя: его сопровождает лишь «толпа облаков». Христос находится в состоянии душевного страдания, в предчувствии скорой своей смерти, и вся природа сочувствует ему, стараясь принять на себя часть его боли, но лишь смоковница «высится в столбняке», бесчувственная и равнодушная, и Христос карает ее именно за это бесчувствие:

Смоковница высилась невдалеке,
Совсем без плодов, только ветки да листья.
И он ей сказал: «Для какой ты корысти?
Какая мне радость в твоём столбняке?

Я жажду и алчу, а ты пустоцвет,
И встреча с тобой безотрадней гранита.
О как ты обидна и недаровита!
Останься *такой* до скончания лет» (VI, 523).

Почему Христос карает смоковницу, ведь она бесплодна не по своей воле, а по воле свыше? Пастернак дает свою трактовку этой притчи. В стихотворении Юрия Живаго Христос карает бесплодную смоковницу... бесплодием («Останься *такой*...»), но, по мнению В. Альфонсова, «она не захотела остаться такой, она не бесчувственно, не безгласно приняла кару, а словно по собственной воле (не по “законам природы”) преумножила ее до крайности, до предела: “По дереву дрожь осужденья прошла. Смоковницу испепелило дотла”. Пробуждение к жизни, приобщение к высшей

воле – через смирение, самоотрицание. Страдальческая и суровая идея, выраженная в Христе, не просто покарала смоковницу, но ценой гибели возродила ее» [1: 302]. Возрождение возможно через любовь, любовь к ближнему, к себе, ко всему миру. С любовью же связан мотив плодоношения: смоковница бесплодна еще и потому, что в ней нет этой живой, движущей силы любви, силы внутренней, силы духовной. «Лирический герой соотносит священное событие с собственным прошлым. Смоковница – символ его прошлого, той безумной жизни, когда не было места даже мыслям о духовном. Тогда, когда водоворот ги-

бельных страстей захватил героя, чудесным образом вмешался Бог и дал ему второе “рождение”» [4: 58].

Итак, образы деревьев в стихах Юрия Живаго содержат в себе прямые отсылки к христианско-библейской традиции. Живаговский цикл, ставший поэтическим переложением духовной биографии заглавного героя романа, через образы деревьев в том числе показывает динамику нарастания христианского контекста от сопереживания (деревья как участники литургии) до сопричастности мукам распятия и таинству воскресения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее тексты стихотворений Б. Пастернака с указанием тома и страницы цитируются по изданию: Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. М.: Слово, 2003–2005.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альфонсов В. Поэзия Бориса Пастернака. Л.: Сов. писатель, 1990. 366 с.
2. Баевский В. С. Миф в поэтическом сознании и лирике Пастернака // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39. № 2. С. 116–127.
3. Кравецкий О. А. Опыт словаря литургических символов // Славяноведение. 1995. № 4. С. 96–105.
4. Мазурова Н. А., Краснов Д. А. Образная система цикла «Стихи Юрия Живаго» Б. Пастернака // Культура и текст. 2004. № 7. С. 56–60.
5. СедакOVA О. А. Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. 432 с.
6. Скоропадская А. А. Уподобление леса храму в поэтике Б. Пастернака // Проблемы исторической поэтики. 2016. Т. 14. С. 383–402.
7. Спивак Р. С. Вертикаль в художественном пространстве сада Б. Пастернака (1910–1920-е годы) // «Любовь пространства»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 199–210.
8. Фатеева Н. А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 400 с.
9. Хансен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.

Skoropadskaja A. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

BIBLICAL MOTIVES IN THE IMAGES OF TREES IN THE POEMS OF YURY ZHIVAGO (based on the novel by B. Pasternak “Doctor Zhivago”)

The article gives an overview of the biblical motifs used by Boris Pasternak when creating images of trees. The issue of the biblical, Christian context, which plays the main role in the understanding of both figurative and content-conceptual levels of the novel “Doctor Zhivago”, is actualized. Absorbing pagan and biblical tradition, tree images reflect Pasternak’s vision of the world, his ontological, philosophical, and religious beliefs. The Christian context in the tree imagery decision is clearly read in the verse of the novel. In one of the early poems (“On the Holy”) forest and city trees act as participants of the church service. The trees deeply experience the terrible days of the passion of Christ and rejoice upon the occurrence of Resurrection. In the poem “Magdalena II” a mythological archetype of the world tree, reflected in the Old Testament in the form of the tree of life and the tree of knowledge of good and evil, is connected by Pasternak with the image of the evangelical godfather tree. Referring to the Gospel parable of the barren fig tree (the poem “Miracle”), the poet through the motif of fruitfulness reflects on such important for himself evangelical themes as the themes of love and faith.

Key words: Pasternak, poetics, the image of the tree, the Christian tradition, the biblical tradition

REFERENCES

1. Al'fonsov V. *Poeziya Borisa Pasternaka* [Pasternak Poetry]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1990. 366 p.
2. Baevskij V. S. A myth in the poetic consciousness and lyrics of Pasternak [Mif v poeticheskom soznanii i lirike Pasternaka]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yaz.* 1980. Vol. 39. № 2. P. 116–127.
3. Kravetskij O. A. The experience of liturgical dictionary of symbols [Opyt slovary liturgicheskikh simbolov]. *Slavyanovedenie*. 1995. № 4. P. 96–105.
4. Mazurova N. A., Krasnov D. A. The figurative system of the cycle “Poems of Yuri Zhivago” by B. Pasternak [Obraznaya sistema tsikla “Stikhi Yuriya Zhivago” B. Pasternaka]. *Kul'tura i tekst*. 2004. № 7. P. 56–60.
5. Sedakova O. A. *Tserkovnoslavjano-russkie paronymy: Materialy k slovarju* [Church Slavonic and Russian paronyms: Materials for the dictionary]. Moscow, Greko-Latinskij kabinet Yu. A. Shichalina Publ., 2005. 432 p.
6. Skoropadskaja A. A. The likening of the forest to the temple in the poetics of B. Pasternak [Upodoblenie lesa khramu v poetike B. Pasternaka]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 2016. Vol. 14. P. 383–402.
7. Spivak R. S. The vertical in the art space of the garden of Boris Pasternak (1910–1920-ies) [Vertikal' v khudozhestvennom prostranstve sada B. Pasternaka (1910–1920-e gody)]. “*Lyubov' prostranstva...*”: *Poetika mesta v tvorchestve Borisa Pasternaka*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2008. P. 199–210.
8. Fateeva N. A. *Poet i proza: Kniga o Pasternake* [The Poet and the prose: The book about Pasternak]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 400 p.
9. Khansen-Lyove A. *Russkij simbolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskij simbolizm. Kosmicheskaya simbolika* [Russian symbolism. A system of poetic motifs. Mythopoetical symbolism. Space symbols]. St. Petersburg, Akademicheskij projekt Publ., 2003. 816 p.

Поступила в редакцию 26.09.2016

30 октября 2017 года исполнилось 60 лет доктору филологических наук, профессору кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии Петрозаводского государственного университета *Ирине Александровне Спиридоновой*.

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА СПИРИДОНОВА

К 60-летию со дня рождения

И. А. Спиридонова родилась в г. Биробиджане. В 1975 году поступила в Петрозаводский университет на филологическое отделение историко-филологического факультета. Закончив вуз в 1980 году, работала преподавателем русского языка и литературы в техникуме железнодорожного транспорта. С 1985 года обучалась в очной аспирантуре Ленинградского университета на кафедре истории советской литературы. По окончании в 1988 году начала работать в ПетрГУ на кафедре русской и зарубежной литературы преподавателем, затем старшим преподавателем, доцентом и профессором. В 1989 году защитила кандидатскую диссертацию «Комическое в творчестве В. Шукшина и В. Белова», в 2006 году – докторскую диссертацию «Художественный мир военных рассказов А. Платонова».

Сфера научных интересов Ирины Александровны: история и поэтика русской литературы XX века; эстетика новейшей русской литературы; национальный образ (модель) мира в литературе и компаративное рассмотрение различных типов культурных и национальных традиций; художественные коды литературы периода Великой Отечественной войны; поэтика А. Платонова. С 1989 года она постоянный участник Международного ежегодного Платоновского семинара в ИРЛИ (Пушкинском Доме) РАН. Ею опубликовано более 40 научных работ, среди которых монографии, учебно-методические пособия, статьи в рецензируемых российских и зарубежных изданиях. Под ее руководством защищены кандидатские диссертации. С 2013 года она является активным участником международных культурно-просветительских и образовательных программ, поддерживаемых фондом «Русский мир». Многие годы Ирина Александровна сотрудничала с Карельским институтом повышения квалификации работников образования, выступала в библиотеках и школах города и районов Карелии.

И. А. Спиридоновой присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», она награждена Почетными грамотами ПетрГУ, Министерства образования РК, Министерства образования и науки РФ.

Поздравляем Ирину Александровну с юбилеем и желаем успехов во всех начинаниях!

ХРОНИКА

■ 22–24 июня 2017 года в Институте истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета состоялась XI Международная научная конференция «“Свое” и “чужое” в культуре».

В 2017 году исполняется 20 лет работы над темой «“Свое” и “чужое” в культуре» кафедры философии и культурологии ПетрГУ. В 1997 году состоялась первая конференция, идейным вдохновителем и организатором девяти конференций стал доктор филологических наук, профессор В. М. Пивоев. С 2015 года конференция получила название «“Свое” и “чужое” в культуре» и статус международной, тем самым из местного значения (самоидентификации народов Европейского Севера) расширила границы и стала включать культуру как связующее звено каждого этноса и всех народов в целом. Актуальность конференции обусловлена тем, что осмысление природы и форм проявления противоречия «своего – чужого» является важным моментом понимания особенностей современного общества и тенденций его развития. Раскрытие этой проблемы предполагает расширение представлений об оппозиции «свой – чужой» как принципа моделирования мира и взаимодействия между представителями разных культур и рассматривает ее как один из наиболее значимых гносеологических инструментов, определяющих специфику межкультурного взаимодействия. Исследование проблемы «своего» и «чужого» (Другого, Иного) в культуре строится на пересечении различных гуманитарных наук (философии, культурологии, искусствоведения, истории, литературоведения, лингвистики, фольклористики, музыковедения, политологии, религиоведения и др.). Избранный аспект предполагает ориентацию на комплексный междисциплинарный подход. Обмен методологией разных дисциплин позволяет более разносторонне и глубоко рассмотреть проблемы формирования культурной идентичности с разных точек зрения в современных условиях с учетом традиционного опыта разных народов и, кроме того, помогает видеть процесс развития культуры дифференцированно и целостно, не замыкаясь в рамках только одной науки.

На XI Международную конференцию собрались 156 ученых из разных городов России, ближнего и дальнего зарубежья: Архангельска, Апатит, Астрахани, Бишкека, Воронежа, Екатеринбурга, Ельца, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Калуги, Кемерово, Костромы, Краснодара, Красногорска, Курска, Миасса, Москвы, Мурманска, Нижнего Новгорода, Новороссийска, Новосибирска, Орла, Перми, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Саранска, Симферополя, Улан-Удэ, Челябинска, Череповца, Украины, Молдовы, Казахстана, Кыргызстана, Венгрии, Латвии, Польши, Чехии, Японии. Обсуждение проблемы «своего» – «чужого» (Другого, Иного, Нео-чужого) проходило на девяти тематических секциях: «“Свое” и “чужое” в культуре», «“Свое” и “чужое” в философии культуры», «“Свое” и “чужое” в истории», «“Свое” и “чужое” в политике», «“Свое” и “чужое” в музыке», «“Свое” и “чужое” в религии», «“Свое” и “чужое” в языке», «“Свое” и “чужое” в литературе», «“Свое” и “чужое” в фольклоре». Доклады развивали традиционную для конференции проблематику, связанную с исследованием процессов идентификации в связи с диалогом культур и выработкой отношения к «чужой» культуре. При восприятии ценностей другой культуры одни авторы преувеличивали негативное отношение и страх перед «чужим», другие – акцентировали внимание на необходимости освоения иной культуры и выработки толерантного отношения и уважения к ней. Тематическое единство на секциях образовалось в ходе дискуссии. Оно было основано на понимании ситуации, сложившейся в современной философии культуры. Участники признали, что произошел отказ от попытки конструирования условного образа идеальной культуры. Современные исследователи уже не стремятся обосновать общезначимую норму, которая позволила бы оценивать действительно существующие состояния культур. Ключевым объектом и понятием

в методологии философии культуры XXI века становится отношение. В этой связи оппозиция «свое – чужое» является одним из адекватных инструментариев исследования проблем культуры и культур. Участники конференции сосредоточили внимание не только на проблеме «чужого», которое можно рассматривать в качестве Другого, «зеркала» «своего», но прежде всего на отношении между «своим» и «чужим», на поиске связи между ними, что предполагало также обращение к антропологической проблематике. Для участников конференции Научной библиотекой ПетрГУ были организованы выставка «“Свое” и “чужое” в культуре» и презентация 17 новых научных и учебно-методических изданий.

Впервые были проведены круглые столы «“Свое” и “чужое” в культуре народов Республики Карелия» (обсуждались вопросы межнациональных и межконфессиональных отношений) и «“Свое” и “чужое” в гендерной культуре» (обсуждались вопросы современной культуры, характеризующейся асимметрией гендерной социализации, которая отражает патриархальные, сексистские установки общества).

Итоги конференции были подведены на заключительном заседании. Участники пришли к выводу о важности идентификации «своего» и «чужого» в современном мире и о необходимости культурного диалога вместо фанатичного отстаивания своей исключительности, что является главным показателем жизнеспособности

культуры. Именно на этом пути взаимодействия культур складывается общечеловеческая культура, единая и вместе с тем многообразная. Было предложено провести следующую международную конференцию «“Свое” и “чужое” в культуре» в 2019 году.

Была организована культурно-экскурсионная программа: посетили Всероссийский конкурс-фестиваль эпических культур «Эпосы народов России в гостях у “Калевалы”» в рамках проекта «Эпический форум – 2017» в Национальном театре РК, совершили экскурсию по маршруту: первый российский курорт «Марциальные воды» – заповедник и водопад «Кивач» – Успенская церковь в г. Кондопоге.

Доклады, прочитанные в рамках пленарного и секционных заседаний на XI Международной научной конференции «“Свое” и “чужое” в культуре», опубликованы до начала работы конференции в сборнике, который будет размещен в РИНЦ. Результаты научных исследований российских и зарубежных ученых, а также материалы докладов и научных статей будут использованы в учебном процессе в вузах и других учебных заведениях. Идеи и выводы конференции могут стать теоретической основой для дальнейшего осмысления проблем теории и философии культуры, социальных взаимодействий. Кроме того, они могут служить концептуальной основой для практических решений, связывающих «свою» и «чужую» культуры.

*Н. Г. Урванцева,
кандидат филологических наук, доцент,
Петрозаводский государственный университет*

*Л. А. Клюкина,
доктор философских наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет*

*В. М. Пивовев,
доктор философских наук, профессор,
Северный институт (филиал)
Всероссийского университета юстиции
(Российской правовой академии Минюста РФ)*

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА АФАНАСЬЕВА

(31.10.1927–20.10.2003)

Исследователь истории Карелии:
к 90-летию со дня рождения

А. И. Афанасьева решила стать историком в победном 1945 году и поступила на исторический факультет МГУ. Там же продолжила обучение в аспирантуре, в 1954 году защитила кандидатскую диссертацию «Развитие капитализма в сельском хозяйстве центрально-черноземных губерний России в 60–80-е годы XIX в.».

В 1954–1970 годах А. И. Афанасьева являлась научным сотрудником и ученым секретарем Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Она участвовала в написании обобщающего труда «Очерки истории Карелии» (1957, 1964), готовившегося в условиях реформирования общества, рассекречивания архивов, при отсутствии монографий по ведущим темам. Судьба «Очерков» сложилась удачно: книга стала незаменимым учебным пособием и справочником, историографической основой дальнейших научных поисков. В переломные 1990-е годы А. И. Афанасьева участвовала в создании «Истории Карелии с древнейших времен до наших дней» (2001), подготовив совместно с Н. А. Кораблевым раздел о культуре края в 1861–1917 годах.

Имея значительный исследовательский опыт, А. И. Афанасьева приступила к работе в Петрозаводском университете: с 1970 года в качестве доцента, с 1991 года – профессора кафедры истории СССР. Профессиональной школой для старшекурсников являлись спецсеминары А. И. Афанасьевой. Они задавали тон факультетской жизни, выделяясь творческой атмосферой, высокой планкой научных требований, доверием и сердечностью общения. Под ее руководством успешно подготовили кандидатские диссертации Л. А. Сидорова, М. Е. Неёлова, С. А. Дюжилов, И. В. Савицкий.

Диапазон научных интересов А. И. Афанасьевой широк. Рассматривая региональную политику на Европейском Севере России, она характеризовала создание карельской автономии

как сознательный выбор карельского народа, не затушевывая сепаратистских устремлений и внешних притязаний. Особое внимание уделяла анализу политики карельского правительства, руководимого финскими политэмигрантами. А. И. Афанасьева показала, что в период нэпа Карелия, единственная из автономий, добилась особых бюджетных прав и стремилась строить отношения с федеральным центром на основе хозрасчета. Наиболее полное освещение получила история культуры Карелии. В 1990 году А. И. Афанасьева защитила докторскую диссертацию по теме «Культурная революция в Карельской АССР (1918–1940)». Важной вехой научного творчества стали две монографии о культурных преобразованиях в Карелии (1983, 1989).

А. И. Афанасьева продолжила лучшие традиции отечественного источниковедения, занимаясь научным редактированием публикаций архивных материалов. Сознывая, что известные узкому кругу специалистов научные сочинения лишь опосредованно влияют на историческое сознание, она много сил отдавала просветительской деятельности. Глубина знаний и легкое перо позволили ей, К. А. Морозову и Е. М. Эпштейну написать школьный учебник по истории родного края, выдержавший 4 издания.

За значительный вклад в развитие науки и высшего образования А. И. Афанасьевой присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Карельской АССР», вручен нагрудный знак «Почетный работник высшего и профессионального образования Российской Федерации». В 2002 году опубликован полный список ее трудов. Имя Александры Ивановны Афанасьевой объединяет историков Карелии как символ профессионализма и человеческого благородства.

С. Н. Филимончик,
доцент кафедры отечественной истории Института
истории, политических и социальных наук ПетрГУ

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

<i>Zmeyerova O. V., Razumova I. A.</i> SPECIAL SETTLERS OF HIBINOGORSK: DYNAMICS OF IDENTITIES	7
<i>Nikonov S. A.</i> STATISTICAL DESCRIPTION OF MURMANSK FISHERIES OF 1796	15
<i>Pashkova T. V.</i> ON THE USAGE OF TREES IN IRRATIONAL METHODS OF MEDICAL TREATMENT IN KARELIA	20
<i>Shorohova I. V.</i> THE KARELIAN DECADE OF ARTS AND LITERATURE HELD IN MOSCOW IN 1959	22
<i>Zaerko O. A.</i> ON THE SHELTER ESTABLISHMENT FOR PREMATURE INFANTS IN SAINT-PETERSBURG	30
<i>Smirnova E. V.</i> THE RUSSIAN-EAST ARAB SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL RELATIONSHIPS IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES: STUDY HISTORY	36
The Russian – Finnish international seminar of historians “Sortavala and its citizens in the XX century” (Joensuu, Finland, February 2017)	
<i>Verigin S. G.</i> THE SETTLEMENT AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF SORTAVALA CITY AND ITS SUBURBS IN 1940–1941	42
<i>Itkonen H., Shikalov Yu. G.</i> THE CIVIL SOCIETY FORMATION AND DEVELOPMENT IN THE CITY OF SORTAVALA (1880–1939)	49
<i>Pashkov A. M.</i> SORTAVALA TROUGH THE EYES OF RUSSIAN TRAVELERS IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES	56
<i>Shikalov Yu. G.</i> “THE FINNISH HERITAGE” IN THE SOVIET REALITY OF SORTAVALA	62

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Barkovich A. A.</i> METALANGUAGE SPECIFICITY OF MODELING: DERIVATIONAL ASPECT	68
<i>Patroeva N. V.</i> ON THE BOUNDARIES OF THE “DEFINITE-PERSONAL ONE-MEMBER CONSTRUCTIONS” CONCEPT IN POETIC SPEECH	73
<i>Sadova T. S., Soldayeva A. A.</i> DEATH IN RUSSIAN RIDDLES AND INTERPRETATIONS OF DREAMS: LANGUAGE AND CULTURAL CODES	78
<i>Shevchenko T. I., Sokoreva T. V.</i> OPTIMIZATION OF THE ENGLISH ACCENT-BASED PATTERNS IN THE AGING VOICE	82
<i>Vyatkina S. V.</i> THE DEGREE OF SYNTACTIC TEXT DECONSTRUCTION AND THE TITLE FUNCTION OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN STORY	86
<i>Dundukova A. M.</i> ZOONYMS AND PHYTONYMS IN IDIOLECTAL ASPECT	93
<i>Cifariello A.</i> ON THE HISTORY OF THE FIRST RUSSIAN GRAMMAR BOOK WRITTEN IN ITALIAN	96
<i>Litinskaja E. P.</i> RASKOLNIKOV'S VERBAL PORTRAIT IN DOSTOYEVSKY'S NOVEL “CRIME AND PUNISHMENT” IN TRANSLATION INTO MODERN GREEK	104
<i>Skoropadskaja A. A.</i> BIBLICAL MOTIVES IN THE IMAGES OF TREES IN THE POEMS OF YURY ZHIVAGO (BASED ON THE NOVEL BY B. PASTERNAK “DOCTOR ZHIVAGO”)	111
Jubilation To the 60th birthday anniversary of I. A. Spiridonova ..	114
Scientific information	115
Memory In memory of A. I. Afanasieva	117